

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гришина Анна Константиновна

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ**

Специальность 5.2.1. Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель
Ермолаев Константин Николаевич,
доктор экономических наук, доцент

Самара 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования институциональной среды интеграционного объединения.....	12
1.1 Базовые понятия исследования институциональной среды интеграционного объединения.....	12
1.2 Содержательные характеристики институциональной среды интеграционного объединения.....	34
Глава 2 Интеграционные процессы в ЕАЭС и институциональная среда объединения	55
2.1 Исторические основы и вызовы формирования институциональной среды ЕАЭС.....	55
2.2 Институциональная среда ЕАЭС в современных условиях	70
2.3 Институциональные барьеры устойчивого развития ЕАЭС.....	86
Глава 3 Совершенствование институциональной среды ЕАЭС.....	111
3.1 Направления реформирования институциональной среды ЕАЭС	111
3.2 Практические рекомендации по развитию институциональной среды ЕАЭС в интересах устойчивого развития региона.....	132
Заключение	154
Список литературы	161
Приложения	194

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Углубление глобализационных и регионализационных процессов обуславливает перманентное учреждение интеграционных объединений. Выстраивание интеграционных процессов на базе единых системных представлений о приоритетах центростремительных стимулов, объединяющих страны, направлено на решение задачи по обеспечению благоприятных и устойчивых основ для совместного социально-экономического развития. В условиях роста конкурентной напряженности на мировых рынках и развития специфических форм конкурентного противостояния, усиливающих дестабилизацию в масштабах отдельных государств и глобальной экономики в целом, данная система стимулов должна быть в первую очередь ориентирована на повышение конкурентоспособности национальных хозяйств и, как следствие, на обеспечение устойчивого развития интеграционного объединения.

В современных исследованиях доказана взаимосвязь экономического роста и институциональной среды, формирующей набор стимулов, которые содействуют накоплению и повышению качества производственных ресурсов, хозяйственной модернизации, развитию и распространению технологий, установлению устойчивых рыночных связей между продавцами и потребителями. В институциональной экономической теории научной разработке, в том числе с позиции системной методологии, подверглись концепции институциональной среды организации (предприятия), региона и государства, в то время как феномену институциональной среды применительно к интеграционным процессам должного внимания не уделялось. В связи с этим актуальность темы диссертации определяется потребностями в конкретизации научных представлений об институтах и институциональной среде применительно к интеграционным объединениям и уточнении категории институтов интеграционного объединения, позволяющих выявить препятствия интеграционного сотрудничества и выработать

меры по совершенствованию параметров межгосударственного взаимодействия для обеспечения траектории устойчивого развития.

Степень разработанности темы исследования. Вопросу определения понятия институциональной среды посвящен огромный пласт экономической литературы, с той, однако, особенностью, что соответствующие исследования проводились применительно к процессам, протекающим на нано-, мини-, микро- и макроуровнях глобальной экономической системы. Концепция институциональной среды применительно к процессам интеграционного взаимодействия с использованием системной методологии представлена в работе Н.Н. Шумского. Однако в ней не рассматривались проблемы институциональной среды интеграционного объединения и принципов ее построения (включая определение пространственных границ, функций, компонентного состава, структуры институциональной среды интеграционного объединения).

Для решения автором задачи разработки схемы построения структуры институциональной среды интеграционного объединения были использованы труды А.Э. Байдуллина, И.Н. Бенсон, О.В. Валиевой, Н.В. Василенко, В.В. Вольчика, С.Н. Гапоновой, Ю.А. Гриневич, Е.Б. Дондовой, А.Е. Ермаленока, Г.Б. Клейнера, М.В. Подшиваловой, С.Л. Сазановой, К.А. Семячкова, Е.С. Силовой, Ж.Б. Тумунбаяровой, Д.М. Шатунова, Н.Н. Шумского и др.

Исходные представления об экономической сущности институтов формировались в работах М. Вебера, Т. Веблена, Э. Дюркгейма, Дж. Коммонса, Г. Шмоллера. Проблематика определения состава относимых к институтам правил получила свое развитие в трудах А. Грейфа, Р. Коуза, Д. Норта, Дж. Сёрла, Дж. Ходжсона, заложивших основы современных направлений институциональных исследований. В нашей стране решением аналогичной проблемы занимались А.Э. Байдуллин, М.С. Будович, В.В. Вольчик, С.Н. Гапонова, В.В. Дементьев, О.В. Иншаков, Е.А. Капогузов, С.Г. Кирдина, Г.Б. Клейнер, В.И. Маевский, В.Д. Нечаев, Р.М. Нуреев, А.Н. Олейник, Г.И. Рац, С.Л. Сазанова, В.Л. Тамбовцев, А.Е. Шаститко, Ю.Б. Шубников и др.

Вопросами взаимосвязи институтов и межгосударственного сотрудничества занимались Р. Кохейн, С. Краснер, М. Леви, Дж. Миршаймер, Дж. Рагги, М. Цурн, О. Янг и др. Подходы к изучению институциональных аспектов международной экономической интеграции представлены в работах А.С. Акопян, Е.Б. Арслановой, И.П. Гуровой, А. Либмана, Е.Д. Платоновой.

Большой вклад в изучение проблем устойчивого развития национальных экономик в контексте экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза внесли А.И. Агеев, Л.Б. Вардомский, Е.Ю. Винокуров, С.Ю. Глазьев, Е.А. Звонова, В.В. Зубенко, А.П. Киреев, Г.М. Костюнина, Л.Н. Красавина, Е.М. Кузьмина, М.В. Лапенко, Е.Л. Логинов, Я.М. Миркин, М.В. Михайлов, В.Ю. Мишина, Р.М. Нуреев, В.В. Перская, В.Я. Пищик, Т.А. Селищева, Е.Б. Стародубцева, И.Г. Суворов, Л.В. Терентьева, Л.И. Хомякова, А.В. Шурубович, М.А. Эксиндаров и др.

При этом подход к исследованию проблем интеграционного сотрудничества с точки зрения барьеров его институциональной среды не разрабатывался и соответствующие исследования не производились, как и не было попыток системно проработать вопрос обеспечения устойчивого развития в целом интеграционного объединения. Вместе с тем выбор темы диссертации обусловлен недостаточным использованием в исследованиях интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) оригинальных концепций институциональной экономической теории.

Объектом исследования является процесс формирования институциональной среды интеграционного объединения, обеспечивающей его устойчивое развитие.

Предметом исследования выступает система институциональных и экономических отношений, лежащих в основе формирования институциональной среды, создающей условия для выхода интеграционного объединения на траекторию устойчивого развития.

Цель исследования состоит в уточнении и конкретизации содержания категорий «институт» и «институциональная среда» применительно к

интеграционным объединениям для выработки практических рекомендаций по совершенствованию институциональной среды интеграционного объединения с учетом новых глобальных угроз и вызовов.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

1) предложить авторское определение категории «институты интеграционного объединения»;

2) систематизировать представленные в современной литературе определения устойчивого развития, основанные на его ресурсной составляющей, на базе чего уточнить трактовку категории устойчивого развития;

3) уточнить содержание категории «институциональная среда интеграционного объединения» и определить ее детерминирующее воздействие на процесс формирования и функционирования интеграционного объединения;

4) определить компоненты институциональной среды интеграционного объединения, разработать схему структуры институциональной среды интеграционного объединения;

5) выявить факторы институционального риска в процессе развития институциональной среды интеграционного объединения;

6) разработать мероприятия по совершенствованию институциональной среды интеграционного объединения.

Область исследования, в рамках которой выполнена диссертация, подтверждается соответствием ее положений требованиям Паспорта научной специальности 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки): п. 12 «Теоретический анализ экономической политики и государственного регулирования экономики», п. 13 «Институциональные исследования в экономической науке».

Методология и методы исследования. Теоретические концепции макроэкономики и институциональной экономики составили основу методологии, использованной в диссертации. Исследование основано на методах системного анализа и синтеза, институциональном, историческом и пространственном подходах. В ходе их использования были применены общенаучные методы

исследования: сравнения, индукции и дедукции, количественного и качественного анализа, выявления причинно-следственных связей, группировки эмпирических данных, методы табличного и графического представления информации.

Теоретическую основу диссертации составили фундаментальные труды представителей исходной и новой институциональной экономики, работы прикладного характера отечественных и зарубежных ученых и специалистов в области исследования институциональной среды экономики, категории устойчивого развития, методов государственного регулирования экономики, теории международной экономической интеграции.

Информационной базой диссертации послужили данные национальных органов государственной власти, национальных статистических агентств, Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), Евразийского банка развития (ЕАБР), международных финансовых организаций, научные результаты, полученные российскими и зарубежными исследователями (публикации, труды по итогам научно-практических конференций, монографии), а также иные материалы из открытых источников, средств массовой информации и сети Интернет, результаты собственных разработок и авторских исследований.

Научная новизна диссертации заключается в теоретическом обосновании категории «институциональная среда интеграционного объединения» и выработке практических рекомендаций по ее совершенствованию. Приращение научного знания достигается в следующих положениях работы:

1) осуществлена систематизация представленных в экономической литературе методологических подходов к определению термина «институты» по критерию объектов их регулирования; дано авторское определение институтов интеграционного объединения как правил реализации инструментов совместного регулирования национальных экономик и механизмов, обеспечивающих их исполнение. Отличие авторского подхода состоит в рассмотрении указанной категории в узком смысле, что позволило определить методы совместного регулирования экономики и обосновать приоритет экономических выгод в выборе

странами – членами интеграционного объединения конкретных инструментов совместного регулирования экономических процессов;

2) уточнена категория «устойчивое развитие», рассматриваемая в качестве процесса комплексного развития экономической, социальной, экологической подсистем общества на основе либерализации международного движения факторов производства, обеспечивающего соблюдение баланса интересов субъектов экономических отношений, контролирующих и потребляющих ресурсы, для поддержания жизни и деятельности людей, принадлежащих как к нынешним, так и к будущим поколениям. В отличие от уже имеющихся определений, авторская трактовка дополняет традиционные условия устойчивого развития условием трансграничного перемещения факторов производства и продуктов. Обоснована движущая роль интеграционного объединения в устойчивом развитии, которая заключается в деятельности по регулированию международных торговых, миграционных и инвестиционных режимов, капитала фондов денежных средств на всех уровнях экономики, обеспечивающей непрерывность процесса общественного воспроизводства в масштабах национального и мирового хозяйства;

3) обоснована авторская трактовка институциональной среды интеграционного объединения как упорядоченной совокупности институтов интеграционного объединения, формирующих основополагающие социально-экономические условия для взаимодействия экономических агентов по поводу реализации стратегии интеграционного объединения. Впервые категория «институциональная среда интеграционного объединения» рассматривается применительно к высшему уровню экономической иерархии, на основе чего выделены детерминанты характера и направления изменений институтов интеграционного объединения; учет этих детерминантов способствует повышению эффективности мероприятий в сфере устойчивого развития, реализуемых на международном уровне;

4) разработана авторская схема структуры институциональной среды интеграционного объединения с выделением в ее составе двух связанных между

собой подсистем: подсистемы административно-правовых методов совместного регулирования экономики, состоящей из нормативно-правовой базы, формальных правил интеграционного объединения, контрольных (надзорных) органов, методов правового регулирования, правотворческой деятельности, лицензирования, квотирования, прямого регулирования цен, и подсистемы экономических методов совместного регулирования экономики, элементами которой являются методы и инструменты финансового механизма интеграционного объединения. Обоснована надгосударственная природа институциональной среды интеграционного объединения, которая призвана обеспечить гармонизацию интеграционных отношений суверенных государств, эффективное сочетание модернизации национальных экономик и развития их кооперационного взаимодействия, совместную защиту от внешних шоков и гибкое реагирование на изменение глобальных трендов экономического развития;

5) выявлены краткосрочные и долгосрочные факторы институционального риска, связанного с невыполнением целей интеграционного объединения вследствие прекращения его деятельности: неопределенность сроков вступления в силу соответствующих международных нормативно-правовых актов; нарушение сроков исполнения мероприятий, установленных стратегическими документами интеграционного объединения; недостаточная потенциальная плотность институциональной среды; неэффективность формальных правил интеграционного объединения вследствие отсутствия или слабости механизмов контроля над их исполнением. В отличие от существующих в литературе точек зрения, автор трактует институциональный риск как вероятность невыполнения целей интеграционного объединения вследствие недостаточной эффективности связей между национальными экономиками и несовершенства его институциональной среды;

б) предложена система мер по устранению институциональных барьеров устойчивого развития интеграционного объединения на основе реализации приоритетных направлений государственного регулирования: развитие механизма трансформации сбережений домохозяйств и фирм в инвестиции в рамках ЕАЭС,

создание благоприятной конкурентной среды на внутреннем рынке, снижение транзакционных издержек в рамках ЕАЭС. Отличительной особенностью авторских предложений является их нацеленность на преодоление выявленных им институциональных барьеров устойчивого развития и минимизацию краткосрочных и долгосрочных факторов институционального риска. Значительная часть этих предложений, несмотря на их важность и значимость, не получила широкого отражения в экономической литературе и пока не задействована в стратегии развития ЕАЭС.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке теоретических положений в области формирования институциональной среды интеграционного объединения, что позволило расширить категориальный аппарат в исследуемой тематике и предложить рекомендации, направленные на обеспечение устойчивого развития интеграционного объединения посредством устранения институциональных барьеров. Автором диссертации предложена схема структуры институциональной среды интеграционного объединения, показывающая взаимосвязь между различными методами и инструментами регулирования экономики.

Теоретические выводы и положения, содержащиеся в диссертации, расширяют и развивают научные представления об институциональном риске и его факторах, возникающих в процессе развития институциональной среды интеграционного объединения.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования полученных выводов и результатов в качестве основы для дальнейших исследований по соответствующим направлениям развития институциональной среды интеграционного объединения, а также для преподавания учебных курсов по институциональной экономике, экономической теории и международным экономическим отношениям.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается использованием основных фундаментальных трудов по исследуемой тематике, подробным анализом нормативно-правовых актов, составляющих право ЕАЭС, подтверждением

ссылками на официальные статистические материалы ЕЭК и ЕАБР, а также на публичные сведения, получаемые от государственных органов и из СМИ.

Апробация и внедрение результатов исследования. Главные результаты работы представлены в тезисах, которые докладывались на ряде международных и всероссийских научных конференций, проходивших в Финуниверситете (г. Москва, сентябрь 2020 г. – март 2024 г.), Ярославском государственном техническом университете (декабрь 2021 г.).

Отдельные результаты диссертации внедрены в образовательный процесс ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет» в рамках работы кафедры экономической теории при чтении лекций, проведении семинарских занятий для студентов и магистрантов по дисциплинам «Макроэкономика», «Институциональная экономика», «Особенности экономической политики и макрорегулирования», «Теория экономических институтов», «Современные проблемы экономической науки». Также материалы диссертации внедрены в практическую деятельность АО Внешнеторговая компания «АЛЛВЕ». В частности, для совершенствования системы мониторинга внешней среды Компании используется разработанная схема структуры институциональной среды интеграционного объединения, что позволило повысить эффективность работы структурных подразделений Компании, сохранить стабильные партнерские отношения в условиях изменчивости внешних факторов деятельности Компании.

Публикации по теме исследования представлены 11 научными работами авторским объемом 6,92 печ. л., в их числе 7 научных работ (авторский объем – 4,45 печ. л.) опубликованы в рецензируемых изданиях, определенных перечнем ВАК при Минобрнауки России.

Структура диссертации согласуется с логикой решения научных задач исследования и с его целью. Работа включает в себя введение, три главы, заключение, список литературы и приложения. Текст диссертации дополнен 23 таблицами и 15 рисунками.

Глава 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

1.1 Базовые понятия исследования институциональной среды интеграционного объединения

Традиционно окружающая человека среда рассматривается как совокупность условий его существования, формирования и труда в системе общественных отношений [66, с. 359]. Применительно к среде как фактору социально-экономического развития необходимо отметить широкую и неоднородную институциональную базу условий, ценностей, стимулов и целей: будучи представленными различным комплексом институтов, они могут иметь функциональные различия во влиянии на деятельность индивидов, организаций, административно-территориальных образований, государств, интеграционных объединений и глобальной экономики в целом. В связи с этим первоочередной задачей становится выявление взглядов ученых-теоретиков на сущность категории «институты» и выбор наиболее адекватного методологического подхода для исследования институтов применительно к интеграционным объединениям.

В современной институциональной экономической теории отсутствует единое общее определение институтов при наличии множества различных по содержанию и направленности авторских трактовок данных понятий как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. В.В. Дементьев отмечает, что среди экономических терминов понятие «институт» обладает наибольшим числом дефиниционных подходов, включая различные способы определения причин происхождения институтов, их общественных функций, критериев эффективности

институтов и др. [96, с. 97]. По этой причине, как отмечает О.В. Иншаков в своем известном методологическом труде [120, с. 42], в отечественной науке наблюдается дезинтеграция учений и ученых, что препятствует реализации широких исследовательских возможностей, которые открывает применение категории «институт» к анализу отношений между агентами экономики (домохозяйствами, фирмами, государствами), с одной стороны, а также между индивидами (и их группами), с другой стороны, на всех ее уровнях [163].

Попытки систематизировать актуальные дефиниционные направления трактовки понятия «институт» предпринимались многими отечественными исследователями. Так, согласно Г.Б. Клейнеру, в широком смысле трактовка данного термина представлена связкой «институт – норма (нормы)», в рамках которой им были выделены три группы определений [126, с. 14]: 1) «индивидуализированные» – институты рассматриваются в качестве отдельных устойчивых норм; 2) «холистические», или системные – институты представляют собой комплексы норм; 3) «бинарные» – институт включает в себя норму и механизм контроля за ее выполнением.

В дополнение к классификации, разработанной Г.Б. Клейнером, по результатам своего исследования А.Э. Байдуллин [61] выделяет следующие направления дефиниционных разногласий в трактовке института: 1) институты – нормы плюс регулируемые ими общественные отношения (социальные, правовые и др.); 2) институты – правила поведения, регулирующие исключительно социальные отношения; 3) институты – «правила игры» (основополагающие нормы), регулирующие отношения людей друг с другом; 4) институты – правила плюс координационные механизмы, организации, а также целые сферы жизни общества.

В.В. Лесных и В.В. Ильяшенко предлагают систематизировать трактовки институтов, представленные в научной литературе, в две большие группы, именуемые социологическим и экономическим подходами. Согласно авторам, с позиции социологической науки понятие «институт» развивается в терминах взаимодействий между членами общества, в то время как экономический подход

рассматривает определение института на базе таких понятий, как «норма», «правила», «рамки» [141, с. 19].

Представляется, что основным недостатком представленных выше классификаций является то, что в них не учитываются различия в природе институтов в зависимости от пространственного расположения регулируемых ими социально-экономических объектов. В.И. Маевский отмечает, что экономическая наука до сих пор подвержена влиянию традиции неприятия принципа иерархической организации рыночной экономики и общества, восходящей к идеологии «laissez-faire» и следующей за ней теории общего равновесия [144, с. 240–242]. Между тем все большее число исследователей разделяет мнение о том, что любая сложная экономическая система обладает свойствами соподчиненности и самоорганизации, находящимися в тесной взаимосвязи, позволяющими ей, с одной стороны, противостоять негативным воздействиям извне, с другой – адаптироваться к изменениям внешней среды. Это позволяет рассматривать экономику в целом как иерархическую систему, объекты каждого уровня которой подвергаются управленческому воздействию структур более высокого уровня. Принятие этой предпосылки, заключает В.И. Маевский, обуславливает необходимость четкого осмысления ключевых понятий, используемых для описания социально-экономических явлений и процессов в иерархически структурированной экономике [144, с. 240–242].

При всем многообразии авторских подходов к выделению уровней экономической иерархии при проведении настоящего исследования мы будем опираться на подход к пространственной организации глобальной экономической системы (Global Economic System, GES), предложенный О.В. Иншаковым, подробная характеристика которого представлена в таблице 1. Как было показано выше, в авторских трактовках институты распространяют действие на структурные элементы различных уровней GES, что необходимо учитывать при выборе соответствующего методологического подхода.

Таблица 1 – Уровневая структура GES

Обозначение	Уровень хозяйства	Подсистема GES	Структурные элементы
L1	Мега	Мегаэкономика	Мировое хозяйство
L2	Мезо-I		ТНК, интеграционные объединения, группы стран
L3	Макро	Макроэкономика	Национальное хозяйство страны, федерации
L4	Мезо-II		Субнациональные образования
L5	Микро	Микроэкономика	Фирмы и межфирменные объединения (предприятия, бизнес-группы, альянсы и т.д.)
L6	Мезо-III		Производственные и сервисные функциональные системы
L7	Мини	Миниэкономика	Подразделения
L8	Мезо-IV		Профессиональные и рабочие группы, команды и сети
L9	Нано	Наноэкономика	Индивидуальные агенты
Примечание – Составлено автором по: [119, с. 12–13].			

Рассматривая институты с позиции социальной онтологии, Дж. Сёрл отмечает, что социальная реальность есть особое онтологическое образование, воспроизводство и перманентное конструирование которого имеет три основания [177]: 1) приписывание функции – способность индивидов назначать функции не имеющим функций объектам, обретающим ее только благодаря такому приписыванию; 2) коллективная интенциональность – категория, включающая коллективные намерения, убеждения и желания, относящиеся к направленности сознания; 3) конститутивные правила, регулирующие (конструирующие) процессы, которые происходят благодаря наличию самого правила (например, игра в шахматы не может существовать без правил, так как сама игра заключается в наличии правил). «Статусная» функция понимается как специфический вид приписывания функции предметам, индивидам или явлениям (в том числе деньги, частная собственность, руководящая должность), которым выполнять эту функцию позволяют не их физические свойства, а коллективное присвоение некоторого статуса [177, с. 12], что может быть записано в виде формулы: «объект X обладает статусом Y в контексте C» (к примеру, последовательная комбинация действий является голом). Система конститутивных правил, соответствующих вышеописанной формуле, является институтом. В данной связи «статусная»

функция служит ключом к пониманию институциональной реальности человеческой цивилизации по Дж. Сёрлу.

Д. Норт определяет институты как «правила игры», т.е. рукотворные ограничительные рамки, определяющие социальные взаимоотношения [151]. Повышая уверенность индивидов сравнительно с поведением других акторов, институты способствуют восстановлению институционального равновесия. Д. Норт выделяет формальные (писанные политические, экономические правила и контракты, образующие правовую иерархию), а также неформальные правила (кодексы поведения (табу, обычаи, традиции и т.д.)), не зафиксированные в письменной форме.

В более ранней работе Д. Норт и Л. Дэвис выявили границы между двумя уровнями институционального анализа. Макроуровень, согласно авторам, представлен институциональной средой как комплексом фундаментальных политических, социальных и юридических правил, которые формируют основу для производства, обмена и распределения, либо экономическое окружение (к примеру, частное право) [203, с. 6], соответственно микроуровень – институциональными соглашениями или договоренностями между заинтересованными сторонами, оформленными в виде контрактов, определяющими способы реализации транзакций. В качестве объектов действия институтов на обоих уровнях анализа рассматриваются индивиды (и их группы) как рациональные экономические агенты, анализирующие альтернативные модели поведения и посредством сопоставления выгод и издержек выбирающие наиболее соответствующий их предпочтениям (*preferences*) вариант. Между тем принципиальное различие имеют механизмы, обеспечивающие их подчинение институциональной среде и институциональным соглашениям.

Согласно Д. Норту, механизм, обеспечивающий выполнение правил (*enforcement*), представлен в виде системы, состоящей из трех уровней [151]: 1) идеологические убеждения и моральные кодексы поведения участников сделки; 2) опасение ответных действий контрагента по контракту; 3) принуждение со стороны государства или социальных санкций. В рамках первого уровня человек

самостоятельно следит за соблюдением норм и сам наказывает себя в случае их нарушения; внутренний контроль обусловлен интериоризированными убеждениями, формирующимися под влиянием опыта, накопленного предшествующими поколениями. В рамках второго и третьего уровней принуждение носит характер внешней угрозы, которая может повлиять на действия индивида с целью заставить его выполнять правила: мониторинг поведения на предмет соответствия правилу осуществляется лицами и организациями, которые приводят в действие механизм санкций. Различие между ними обусловлено источником принуждения. Если на первом и втором уровнях принуждение исходит из самих объектов (индивидов и социальных групп), то третий уровень принуждения непосредственно обусловлен деятельностью общества (как надиндивидуального и надгруппового объединения людей) и учреждаемого им государства со своей правовой системой.

Согласно Д. Норту, на обоих уровнях институционального анализа субъектами действия институтов являются организации [151]. Ю.Б. Шубников поясняет, что выполнение институтами регулирующей (координирующей) функции связано с наличием в их структуре организационно-управленческих субъектов общественных отношений, которые обеспечивают соблюдение институциональных правил [197, с. 46–47]. В качестве примеров организаций Д. Норт [151] приводит: 1) политические органы и учреждения (политическая партия, сенат, городской совет, контрольное ведомство); 2) экономические структуры (фирма, профсоюз, кооператив); 3) общественные организации (церковь, клуб, спортивная ассоциация); 4) учреждения образования (школа, университет, центр профессионального обучения). Таким образом, в теории Д. Норта организации не являются институтами. Дополнительным аргументом в пользу данной трактовки выступает такое явление, имеющее место на макроуровне, как импорт или экспорт институтов. Успешность межстранового заимствования норм поведения и механизмов их санкционирования зависит от действий специализированных структур (в том числе правоохранительных и

судебных органов), которые выступают в роли гарантов этих норм, но сами не являются институтами [121, с. 481].

В центре институционального исследования, проводимого А. Грейфом, находится понятие транзакции, которую он определяет как действие, совершаемое при передаче материальных и нематериальных объектов между социальными единицами (в том числе индивидами и организациями), вызывающее ответную реакцию у их получателей [88]. На базе синтеза социологического и экономического подходов А. Грейф предложил интегральный признак института, который представляет собой систему рукотворных, нематериальных и экзогенных для каждого индивида социальных факторов, совокупное влияние которых порождает регулярность поведения в определенной социальной ситуации [88]. В качестве эндогенного фактора на уровне взаимодействия индивидов рассматривается мотивация, формируемая из следующих компонентов: 1) интернализированных убеждений в форме когнитивных (ментальных) моделей, включающих представления о структуре и устройстве мира и передающихся через опыт; 2) поведенческих норм или ожиданий (мнений о поведении других людей в различных обстоятельствах вне зависимости от реального проявления данной ситуации в настоящем), основанных на вере. Рассматривая в контексте анализа институтов формальные (органы охраны порядка, парламенты, фирмы и др.) и неформальные (в частности, сообщества, бизнес-сети и т.д.) организации, А. Грейф отводит последним роль связующего звена между самими правилами и мотивацией. При этом он отмечает, что, помимо разработки и распространения правил, организации обеспечивают их понимание благодаря внедряемым символам и системам понятий, способствуя упрощению формирования поведенческих убеждений и норм [88].

Новая институциональная экономика, основанная на концепции рационального действия, подвергается критике за признание исходного положения о том, что вступление индивидов в социальные взаимодействия обусловлено исключительно целью получить личную выгоду [113]. В этой связи представители современной конструктивистской (дискурсивной, идейной) институциональной

теории предложили новое понимание природы институтов (поведенческих моделей) с учетом их коммуникативной составляющей. В основе институтов рассматриваются смыслы ситуаций и социальные ценности, разделяемые членами сообщества в данном месте и в данное время [200; 201; 213].

Данное неортодоксальное течение современной экономической мысли основано на том же виде мировоззрения, что и институционалистская традиция Г. Шмоллера, которому принадлежит авторство понятия «институты» [61], трактуемые им в качестве укорененных в матрицах поведения этических норм, хозяйственных нравов и права [196], служащих фактором общности в утилитарных действиях индивидов в процессе принятия ими экономических решений. Отделение права от нравов, по мнению Г. Шмоллера, является неотъемлемым этапом социокультурной эволюции. В условиях усложнения социальной структуры зарождение государственности связано с необходимостью в гарантировании интересов и желаний других членов сообщества с помощью надгрупповых централизованных механизмов принуждения [196, с. 137–138].

Представляется, что именно Г. Шмоллер впервые, задолго до Д. Норта, провел различие между пространственными уровнями анализа институтов. Нравы, отражающие образ жизни, достигнутый на заданный момент времени [196, с. 125], рассматриваются ученым локально, т.е. в рамках обособленного круга лиц (сообщества), в неразрывном единстве со средой совместной деятельности людей, в которой они возникли: «Побочный вопрос о том, сносится ли кустарный мастер с фабрикантами непосредственно или при участии посредника... определяется нравами, воздействует определяющим образом на все состояние, на все развитие данного кустарного производства. Количество предложения на рынке влияет отнюдь не прямо на покупателей, но только через посредство... известных нравов. <...> Всякое практическое экономическое исследование должно выходить... из нравов и представлений данного времени, состояния, профессии, места, о которых говорят» [196, с. 124, 127] (например, нравы рабочего класса, нравы, присущие потребителям сахара).

С точки зрения иерархии подсистем GES, представленной в таблице 1, это означает, что концепция нравов применима к анализу отношений между

социальными единицами, соответствующими структуре нано-, мини- и микроэкономики. В свою очередь, право выделяется как фактор регулирования экономических отношений, складывающихся в рамках государств (и их административно-территориальных образований) или интеграционных объединений, действующих на основании правил, зафиксированных в правовых актах. Их соблюдение обеспечивается мерами государственного воздействия, включая уголовный и гражданский процесс. Субъектами регулирования (аппарат принуждения) на макроуровне институционального анализа являются организации власти (органы государственного управления, учреждения), которые служат проводниками в коммуникации между элементами высших и низших уровней GES [196, с. 198]. Меры принуждения включают как отрицательные блага в форме наказания, так и позитивные санкции в качестве поощрений.

Таблица 2 – Классификация методологических подходов к определению понятия «институты»

Методологический подход	Взгляд на сущность институтов	Субъекты экономических отношений
Социально-онтологический (Дж. Сёрл)	Коллективное присвоение статусной функции индивидам, а также материальным и нематериальным объектам	Физические лица, юридические лица
Экономико-социологический (междисциплинарный) (А. Грейф)	Повторение социальными единицами (в том числе индивидами и организациями) поведения в определенной ситуации	Физические лица, юридические лица
Институциональный (Г. Шмоллер)	Поддержание общности в утилитарных действиях индивидов («коллективный этос хозяйства»)	Концепция права: государство Концепция нравов: физические лица, юридические лица
Неоинституциональный (Д. Норт)	Снижение неопределенности (транзакционных издержек) при взаимодействии индивидов и организаций	Институциональная среда: государство Институциональные соглашения: физические лица, юридические лица
Дискурсивный (конструктивистский)	Формирование общих мотивов (разделяемых смыслов) поведения у членов социальной группы	Физические лица, юридические лица
Примечание – Составлено автором.		

Подробный пространственный анализ основных методологических подходов к определению сущности категории «институты» позволил выявить, что только два из них, а именно институциональный и неинституциональный подходы, как это показано в таблице 2, применимы к исследованию процессов, протекающих в интеграционных объединениях как структурных элементах первого мезоуровня GES.

При решении нами вопроса об используемом методологическом подходе для определения термина «институты» применительно к интеграционным объединениям мы исходили из понимания их двойственной природы. С одной стороны, развитие экономических отношений между национальными хозяйственными системами, принадлежащими суверенным государствам, представляет собой закономерный этап интернационализации производства. С другой стороны, сам процесс международной интеграции, приводящий к формированию интеграционных объединений, обусловлен трансформацией системы международных отношений в целом, ее выходом за пределы военно-политической сферы. По мнению Р. Кохейна и Дж. Ная, предложивших концепцию комплексной взаимозависимости, ограниченность реалистской парадигмы для исследования отношений между современными государствами обусловлена расширением их взаимовлияния, развитием трансправительственных и транснациональных сетей взаимодействия [209]. Снижение роли военной мощи в дипломатическом дискурсе является следствием становления интеграционных процессов в качестве инструмента социально-экономического развития.

Примечание – В теории международных отношений принято выделять две основные конкурирующие парадигмы – реалистскую и либерально-идеалистическую. Комплекс идей под названием «политический идеализм», зародившийся на рубеже XIX–XX вв. и постулировавший необходимость отказа от концепции баланса сил, развития правовых норм, международных организаций и формирования системы коллективной безопасности, доминировал в период между Первой и Второй мировыми войнами. В условиях ослабления влияния идеалистической программы на дипломатический дискурс в 1930-е гг. оформляется теория политического реализма, занявшая лидирующие позиции в научных исследованиях вплоть до второй половины XX в. В своей международной концепции английский философ Т. Гоббс, один из пионеров реалистской парадигмы, придерживается позиции о неизбежности сохранения «естественного состояния» вражды и взаимных подозрений в отношениях между государствами, носящих анархичный характер. Одним из основных направлений внешнеэкономической политики

признается наращивание мощи вооруженных сил (hard power) с целью обеспечения национальной безопасности в контексте защиты от угроз со стороны третьих стран. Если в данный момент времени государства не участвуют в открытом военном конфликте, то «это можно назвать не миром, а лишь передышкой, во время которой один враг, следя за действиями и выражением лица другого, оценивает свою безопасность не соглашениями, а силами и замыслами противника» [84, с. 403]. Государства в условиях ограниченности оборонительных ресурсов прибегают, по Т. Гоббсу, к стратегии коалиционной безопасности, поддерживающей временное равновесие в международных отношениях [85, с. 184]. Г. Моргентау отмечает, что согласно представителям данной системы взглядов «мир несовершенен с рациональной точки зрения и является результатом действия тех сил, которые заложены в человеческой природе. Для современного мира характерно наличие противоположных интересов и, как следствие, конфликтов между ними. Моральные принципы никогда не могут быть полностью соблюдены, но к ним можно приблизиться через баланс интересов, который, тем не менее, всегда является временным» [215, с. 3–15]. Трансформация системы международных отношений, связанная с окончанием «холодной войны», обусловила возрождение интереса к идеалистическим идеям в период третьего «большого спора» на рубеже 1960–1970-х гг.

Необходимо отметить, что в экономической науке категория «международная экономическая интеграция» рассматривается с различных точек зрения. Многие авторы предлагают определять международную экономическую интеграцию через механизм ликвидации экономических границ между государствами, приводящей к образованию на их пространстве общего рынка, на котором свободно перемещаются факторы производства [74, с. 435]. Другой подход ориентирован на территориальный аспект данного явления. Для этого исследователи используют как синоним термину международной экономической интеграции понятие «региональная экономическая интеграция», под которой понимается процесс постепенного объединения государств одного определенного региона с целью увеличения объемов и многообразия экономических связей между хозяйствующими субъектами различных форм собственности [97]. Третья группа ученых делает акцент на межстрановом сотрудничестве, понимаемом в качестве основы международной экономической интеграции, что приводит к формированию отдельных экономических блоков (объединений) [67].

В целях настоящего исследования под интеграционным объединением будет пониматься целостное экономическое пространство с определенной формой (моделью) правового регулирования, локализуемое в пределах географических границ сотрудничающих государств и образованное в результате международной (региональной) экономической интеграции. Основу формирования любого

интеграционного объединения составляет стремление стран-членов получить взаимную выгоду от экономического сотрудничества.

Экономическая природа интеграционных объединений выявлена венгерским экономистом Б. Балассой [199]. В таблице 3 представлена предложенная им типология из пяти форм интеграционных объединений, в которой классификационным критерием выступают ключевые результаты межгосударственного сотрудничества. В связи с этим допустимо, что на практике могут встречаться интеграционные объединения, одновременно сочетающие в себе несколько форм. В частности, Австрало-Новозеландская зона свободной торговли (AANZFTA) (1-я форма) характеризуется наличием единого рынка трудовых ресурсов, услуг и инвестиций (в соответствии с 3-й формой), а в Южноафриканском таможенном союзе (SACU) (2-я форма) организовано пространство взаиморасчетов в региональной валюте (рэнд) (5-я форма).

Таблица 3 – Формы интеграционных объединений

Форма интеграционного объединения	Результаты сотрудничества
Зона свободной торговли	Отсутствие тарифных ограничений во взаимной торговле
Таможенный союз	Наличие общего таможенного тарифа во внешней торговле
Общий рынок	Свобода передвижения факторов производства
Экономический союз	Частичное сближение государственных экономических политик
Полная экономическая интеграция (экономический и валютный союз)	Единство денежно-кредитной, налоговой, социально-экономической, валютной политики
Примечание – Составлено автором по: [199, с. 2].	

Правовым признаком интеграционного объединения является наличие заключенного между государствами-участниками международного договора (соглашения) или устава интеграционного объединения, который содержит информацию о целях интеграционного объединения. Для их реализации страны-члены определяют стратегические направления интеграционного взаимодействия на установленный отрезок времени, задающие стимулы развитию заданных отраслей хозяйства и получению экономического эффекта от сотрудничества.

Этапы принятия стратегических направлений интеграционного взаимодействия представлены на рисунке 1 и учитывают пространственный аспект. Первые два этапа охватывают макроуровень GES, осуществление последующих трех этапов проходит на мегауровне GES.

Рисунок 1 – Этапы принятия стратегии интеграционного объединения

Примечание – Составлено автором.

В исследовании известных интеграционных объединений [59, с. 9–17] проведена систематизация отраслей (секторов) экономики, охватываемых стратегией (в том числе планом действий), в следующие схемы роста интеграционного потенциала: 1) развитие системообразующих отраслей, занимающих основное место в структуре общего ВВП и взаимного товарооборота; 2) развитие отраслей, представляющих взаимный интерес (в том числе тех, которые характеризуются наличием большой конкуренции между национальными

производителями); 3) кооперация в рамках взаимодополняющих отраслей, участвующих в межстрановом разделении труда; 4) продвижение отраслей материального производства путем аккумуляции конкурентных преимуществ стран-членов; 5) становление импортозамещающих отраслей; 6) создание совместной инфраструктуры (транспортной, информационной, финансовой и др.) за счет денежных ресурсов, выделяемых на межгосударственные программы, совместными институтами развития, а также в рамках механизмов государственно-частного партнерства. Авторы классификации подчеркивают взаимодополняющий характер схем развития интеграционного потенциала, что на практике проявляется в комбинациях сразу нескольких из них в рамках одного интеграционного объединения. Представляется, что результатом одной из таких комбинаций может выступать формирование в рамках интеграционного объединения мегарегиона, критерии которого представлены на рисунке 2.

Внутренние (интернальные)	Внешние (экстернальные)
<ul style="list-style-type: none"> • Системная целостность взаимодействующих субъектов и объектов хозяйства с целью создания и продвижения товаров и услуг на мировые рынки • Высокая концентрация и устойчивые взаимосвязи потоков капитала, участвующих в процессах производства конечных продуктов • Комплексно развитая инфраструктура (технологическая, финансовая, инновационная, транспортная и др.), обеспечивающая благоприятные условия для производства • Выполнение функции «скрепления» пространства мегарегиона благодаря развитию интегрированных рынков факторов производства, реализации консолидированного менеджмента 	<ul style="list-style-type: none"> • Наличие сетей высокотехнологических и финансовых услуг различного вида, имеющих глобальный характер • Постоянное расширение разнообразия видов экономической деятельности и наращивание присутствия в глобальных сетях производства • Интеграция в глобальное экономическое пространство посредством установления и кардинального расширения торговых, инновационных, информационных и иных связей с другими регионами мирового хозяйства • Высокая активность в области стратегического позиционирования и координации глобальной экономики

Рисунок 2 – Критерии выделения мегарегиона в рамках экономического пространства

Примечание – Составлено автором по: [76, с. 128–157].

В современных условиях стратегия интеграционного объединения является важнейшим механизмом согласования его конечных целей с краткосрочными задачами устойчивого развития. В монографии [115, с. 8] под устойчивым развитием экономической системы понимается процесс последовательной смены состояний последней, в рамках которого благосостояние (качество жизни) общества не должно уменьшаться или должно оставаться на прежнем уровне вне зависимости от значений экономического роста. Поддержание уровня жизни требует рациональной и эффективной эксплуатации доступных ресурсов, обуславливая важность ресурсной составляющей для достижения устойчивого развития.

Согласно таблице 4, в современных исследованиях категории «устойчивое развитие» (sustainable development) и условий устойчивого развития, основанных на его ресурсной составляющей, выделяются три этапа.

Таблица 4 – Систематизация определений категории «устойчивое развитие», основанных на ее ресурсной составляющей

Авторы	Определение
<i>1. Природопользование на уровне, необходимом для реализации текущих потребностей и обеспечения дальнейшего развития общества</i>	
В. Freedman [204, с. 240]	Процесс социально-экономического развития, обусловленный направлением повышения эффективности использования энергии и невозобновляемых ресурсов
Национальная стратегия экологически устойчивого развития Австралии, 1992 г. [216]	Процесс использования, сохранения и приумножения общественных ресурсов для стабилизации поддерживающих жизнедеятельность экологических процессов и улучшения качества жизни настоящих и будущих поколений
<i>2. Мобилизация всех доступных видов ресурсов для повышения благосостояния населения в балансе с окружающей средой</i>	
К. Prithpal [217, с. 74]	Модель использования природных ресурсов для сохранения окружающей среды, модель экономических отношений для удовлетворения общественных потребностей в настоящем и будущем
R. Costanza, H. Daily [202, с. 44–45]	Модель управления природными ресурсами, основанная на установлении ограничений в их использовании для создания капитала в процессе удовлетворения потребностей нынешних поколений с целью обеспечить такую возможность для будущих поколений
И.Н. Ковалева [127, с. 13]	Непрекращающийся процесс системных преобразований в обществе, обеспечивающий стабильный экономический рост за счет эффективного использования ресурсов экономическими агентами, основанного на балансе производственных отношений, финансово-инвестиционной детальности и инфраструктурного строительства

Окончание таблицы 4

Авторы	Определение
Е. Абрамов, М. Андея, Ю. Бубнов [55]	Модель использования ресурсов, ориентированная на сохранение окружающей среды, укрепление здоровья личности и общества, внедрения инноваций, при которой жизненные потребности нынешнего поколения удовлетворяются без причинения вреда будущим поколениям
М.О. Подпругин [164, с. 8]	Модель использования природных ресурсов, основанная на рациональной финансовой, информационной, трудовой и интеллектуальной деятельности человека, модель комплексного социального развития, основанная на соблюдении баланса между улучшением социально-экономических индикаторов и сохранением благоприятных условий жизнедеятельности людей, являющихся частью нынешнего и будущих поколений
Т.А. Селищева [175, с. 24]	Процесс сбалансированного развития, основанного на прогрессе в экологической, цифровой, экономической, социальной сферах, позволяющий современности удовлетворять общественные потребности, не подвергая угрозе аналогичную возможность для будущих поколений
А.С. Воронов, А.Б. Ильин, Л.С. Леонтьева [79, с. 164]	Согласование процессов экономического развития и процессов развития природной среды в динамическом и статическом измерениях на основе задействования ограниченных материальных ресурсов, создания, воспроизводства и качественного использования нематериальных ресурсов
О.С. Пчелинцев [169, с. 14-15]	Развитие хозяйственной системы на базе системного воспроизводства производительных ресурсов, балансирующее национальные интересы с экономическими, социальными и экономическими критериями внешнего мира
<i>3. Сотрудничество в области сохранения и рационального использования природно-ресурсного потенциала мировой экономики</i>	
Доклад Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна, 2019 г. [207]	Процесс построения более инклюзивного и мирного общества, в котором страны консолидируют усилия по вопросу локального и глобального перераспределения общественных благ
Н.П. Ващекин, К.Х. Делокаров, А.Д. Урсул [73]	Целенаправленные изменения в сознании человечества, процесс его нравственного, гуманистического и интеллектуального подъема, основанного на приоритете экологизации всех основных видов деятельности, направленный на сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения биосферы для удовлетворения жизненных потребностей нынешних и будущих поколений за счет использования всех возможных средств
Примечание – Составлено автором.	

Первый этап обусловлен ведущей ролью экологического аспекта в достижении целей устойчивого развития. Условием устойчивого развития на данном этапе является решение экологических проблем на макроуровне за счет

функционирования устойчивых моделей производства, обеспечивающих снижение нагрузки на биосферу.

Второй этап основан на расширении критериев устойчивого развития, достижение целей которого рассматривается с позиции взаимодействия экологического, экономического, социального и цифрового аспектов. Условие устойчивого развития смещается в сторону поддержания и восполнения природо-ресурсной базы, на практике требующих целевого задействования всех доступных в стране факторов производства (труд, земля, капитал, предпринимательская деятельность, информация) и технологий их эффективного применения.

Третий этап связан с развитием международного экономического сотрудничества. Либерализация трансграничного перемещения факторов производства и продуктов позволяет перераспределять ресурсы между национальными экономиками для достижения целей в области устойчивого развития, требуя усиления регулирующей роли государства и международных организаций в социально-экономических процессах.

Итак, на основе вышеизложенного под устойчивым развитием предлагается рассматривать процесс комплексного развития экономической, социальной, экологической подсистем общества на основе либерализации международного движения факторов производства, обеспечивающего соблюдение баланса интересов субъектов экономических отношений, контролирующих и потребляющих ресурсы, для поддержания жизнедеятельности нынешних и будущих поколений.

Эволюция исследования условий устойчивого развития, основанного на его ресурсной составляющей, сопровождается изменением в задачах и желаемых эффектах устойчивого развития, сменой приоритетов в государственном регулировании, как показано в таблице 5. На современном – третьем – этапе особую актуальность приобретает проблема обеспечения приемлемого для общества сочетания отрицательных и положительных экстерналий, определяющего социально-экологическую эффективность хозяйствования, повышение степени диверсификации национальной экономики. Ключевое

Таблица 5 – Трансформация условий устойчивого развития, обусловленная изменением ресурсной составляющей

Условие	Задачи	Желаемые эффекты	Приоритетные направления государственного регулирования
Решение экологических проблем	- Сохранение окружающей среды - Обеспечение самовосстановления природных систем	- Минимизация отходов - Соблюдение порога загрязнения	- Нормативное регулирование в области защиты и охраны окружающей среды; стандартизация - Квотирование выбросов загрязняющих веществ - Экологическое лицензирование - Усиление государственного контроля за производителями
Поддержание и восполнение природо-ресурсной базы	- Социальная эффективность производства - Замедление исчерпания невозобновляемых ресурсов - Воспроизводство возобновляемых ресурсов	- Соблюдение баланса между объемами потребления и воспроизводства энергии и ресурсов - Переработка отходов - Рост числа месторождений полезных ископаемых - Использование альтернативных ресурсов и возобновляемых источников энергии	- Цифровизация общества и экономики - Развитие обрабатывающей промышленности - Развитие геолого-разведочной отрасли - Предпринимательская деятельность - Социальное развитие - Амортизация природного капитала - Ресурсосбережение; развитие малоотходных технологий - Перераспределение природной ренты - Инновационное развитие - Регулирование внешнеэкономических операций (экспорт, кредитные и финансовые операции и др.)
Международное перемещение факторов производства	- Экологизация и гуманизация мировой экономики - Установление долгосрочных международных экономических связей	- Развитие и расширение трансграничных транспортных коридоров - Устойчивость государственных финансов - Рост числа международных фондов устойчивого развития - Международный информационный обмен - Взаимодействие государства и бизнеса - Цифровое сотрудничество	- Инфраструктурное развитие - Миграционная безопасность - Финансовый контроль и регулирование - Инвестиционная привлекательность - Либерализация внешней торговли - Международное сотрудничество в области информационной безопасности - Цифровая трансформация - Международное сотрудничество в области науки, техники, образования - Распространение предпринимательских инициатив
Примечание – Составлено автором.			

значение для разрешения этой проблемы приобретает регулирующая функция интеграционного объединения, направленная на обеспечение условий устойчивого развития.

В современных условиях сознательное осуществление государствами совместных мероприятий по регулированию экономики, контролируемых юридическими средствами, являются основой для достижения целей интеграционного объединения. С юридической точки зрения различают два типа интеграционных объединений в зависимости от формы (модели) регулирования совместной деятельности государств-участников [159, с. 11–12]: 1) общее или согласованное (*common*) регулирование проводится на основе национальных нормативно-правовых актов, его субъектами выступают национальные и (или) межгосударственные органы управления; 2) единое (*single*) регулирование требует наличия наднациональных органов управления интеграционным объединением, которые являются особыми организациями, наделенными правом принимать обязательные по отношению к государствам (включая находящиеся под их юрисдикцией физических и юридических лиц) решения, контролировать их исполнение и применять меры принуждения. Интеграционные объединения второго типа обладают автономным международно-правовым режимом (интеграционным правом), соответствуя, согласно терминологии ООН, правовому статусу региональных организаций экономической интеграции (РОЭИ).

Примечания

1 Интеграционное право представляет собой обобщенную модель правового регулирования межгосударственных и внутригосударственных отношений, обладающую «реальной формой и содержанием, и на практике регулиующую широкий круг общественных отношений через правовые нормы конкретных интеграционных организаций» [124, с. 2151–2152]. Будучи частью международного публичного права, интеграционное право не является самостоятельной правовой системой [152, с. 65]. Так, В.В. Елистратова определяет правовую систему как совокупность юридических явлений и юридических средств, включая «объективное право, юридическую практику (правотворческую, правоприменительную, судебную и др.), господствующую правовую идеологию» [111, с. 47]. Как отмечает И.А. Цагова, правовая система выступает частью по отношению к праву [191, с. 126]. В этой связи не имеющее внутренней структуры интеграционное право следует рассматривать в качестве элемента правовой системы интеграционного объединения.

2 А.Р. Нурулин отмечает различное обозначение интеграционных объединений с наднациональной моделью правового регулирования [152, с. 61]. В зависимости от доктринального источника наряду с понятием «региональные организации экономической

интеграции» также встречаются термины «интеграционная организация», «международные организации наднационального типа», «наднациональные объединения, организации или союзы», «региональные интеграционные объединения» и т.д.

3 Формирование интеграционного права является одним из факторов становления полицентричного мирового порядка, основанного на взаимосвязях, осуществляющихся без прямого участия государств. Дж. Розенау подчеркивает, что одной из фундаментальных переменных современной Вестфальской системы международных отношений, начиная со второй половины XX в., которые подвергаются воздействию «турбулентных» изменений, выступает макропараметр [218]. В масштабах государственных границ и глобальной экономики государства утрачивают статус самостоятельных центров принятия мега- и макрорешений путем передачи ряда своих суверенных прав в пользу интеграционного объединения.

По нашему мнению, ключевыми направлениями надгосударственного регулирования в сфере обеспечения условий устойчивого развития являются [93, с. 4]:

1. Применение единых миграционных, инвестиционных, торговых режимов с перспективой дальнейшей либерализации потоков рабочей силы, капитала и других факторов производства, имеющих товарную форму.

2. Функционирование региональных фондов устойчивого развития централизованного и децентрализованного типа в направлении устранения кризисов государственной задолженности, реализации инвестиционных проектов в приоритетных секторах экономики (инновации, промышленность, инфраструктура, здравоохранение и др.) на условиях совместного государственного контроля за доходами и расходами капитала.

3. Финансовое регулирование и контроль на базе единых (согласованных) норм права для обеспечения непрерывности процесса общественного воспроизводства.

4. Взаимодействие с внешним миром в формате расширения состава участников интеграционного объединения, налаживания долгосрочного социально-экономического (в том числе внешнеторгового, промышленного, научно-технического, валютно-финансового, образовательного и т.д.) сотрудничества с третьими государствами и другими интеграционными группировками.

Для обозначения субъектов, объектов регулирования и предписаний, установленных в рамках экономических объединений государств, которые

обладают статусом мегарегиона, Е.Д. Платонова и Сунь Юймен вводят понятие институтов интеграции. Опираясь на методологию, предложенную Д. Нортон, исследователи трактуют данное понятие как набор формальных и неформальных правил, норм, привычек, традиций, мыслительных стереотипов и других регулятивов, направляющих, обязующих и побуждающих агентов экономики к выполнению интеграционных действий с целью обретения выгод [163, с. 5]. Авторы относят к неформальным институтам интеграции ценности, традиции, религиозные потребности, верования и т.д., воплощающие социокультурный контекст мегарегиона [162, с. 9]. Раскрывая внутреннее содержание формальных (правовых) институтов интеграции, Е.Д. Платонова и Сунь Юймен выделяют в их составе: 1) соглашения, заключенные суверенными государствами; 2) наднациональное правовое регулирование общественных отношений; 3) межправительственные органы.

По нашему мнению, основным недостатком трактовки институтов интеграции, предложенной Е.Д. Платоновой и Сунь Юймен, выступает некорректное понимание ее авторами двойственной природы интеграционных объединений, о чем свидетельствует смешение ими экономического (мегарегион) и правового (РОЭИ) статусов последних. К мегарегионам Е.Д. Платонова и Сунь Юймен относят, в частности, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Европейский союз (ЕС) [162], однако из этого списка только ЕС характеризуется наднациональной моделью правового регулирования. Кроме того, спорным представляется обозначение наднациональных органов регулирования в качестве межправительственных органов (см. примечание). Наконец, третий недостаток обусловлен, на наш взгляд, выделением авторами в составе институтов интеграции неформальных правил (привычек, традиций, стереотипов образа мысли и т.д.), существование которых не может быть связано с регулируемыми органами, выступающими субъектами действия институтов.

Примечание – К настоящему времени в отечественной научной литературе не достигнут консенсус относительно определения правовой природы наднациональности. По мнению ряда исследователей, ключевой характеристикой данного феномена выступает отчуждение государствами – участниками интеграционного объединения части своей самостоятельности в пользу международной наднациональной организации и наделение последней правом реализации соответствующих компетенций [195, с. 88]. Другая группа ученых придерживается позиции о незыблемости национального суверенитета государств – членов интеграционного объединения, обладающих правом выхода из общего пространства, и полагает, что международные организации не могут обладать надгосударственным («сверхгосударственным») характером, в связи с чем целесообразно определять не наднациональные, а международные межправительственные органы регулирования [128, с. 6].

В целях выявления определения понятия «институты» применительно к интеграционным объединениям нами было принято решение использовать методологию исходного институционализма, а именно авторскую концепцию права Г. Шмоллера, разработанную для макроуровневого институционального анализа. Как следует из вышесказанного, особенностями такого подхода являются следующие: 1) в качестве элементов институтов рассматриваются только те правила поведения, которые письменно зафиксированы в нормативно-правовых актах; 2) механизм обеспечения исполнения правил определяется в качестве реального механизма, а не как правил, на основе которых он функционирует; 3) организации, реализующие контрольную функцию, трактуются в качестве элемента указанного механизма и не являются институтами; 4) институты не могут быть представлены сферами социально-экономической жизни (например, образование, здравоохранение, финансы и др.). Применимость концепции права к анализу интеграционных объединений обусловлена юридическими аспектами функционирования последних.

Представляется, что проявлением единства правовой и экономической природы интеграционного объединения служит совокупность взаимосвязанных методов и инструментов, совместно разрабатываемых и применяемых государствами – членами интеграционного объединения для регулирования национальных экономик. Соответственно, целесообразно определять институты интеграционного объединения как правила реализации инструментов совместного регулирования национальных экономик и механизмы, обеспечивающие их исполнение. Из трактовки следует, что под институтами интеграционного

объединения не понимались: 1) организации (органы и (или) учреждения), которые представляют собой аппарат принуждения (субъекты действия институтов), осуществляющий мониторинг поведения экономических агентов – государств, юридических лиц и физических лиц (объектов действия институтов) на предмет соответствия установленным правилам; 2) неформальные правила (включая обычаи, ритуалы, традиции, привычки и прочие кодексы поведения, вытекающие из особенностей этнической истории и культуры), ввиду их несоответствия требованиям документальной фиксации, с одной стороны, и правового принуждения – с другой. Адекватность авторского определения институтов интеграционного объединения подтверждается содержанием концепции международного режима и вытекающего из нее феномена международных институтов, разработанных в рамках теории международных отношений, которое подробно представлено в приложении А.

1.2 Содержательные характеристики институциональной среды интеграционного объединения

Исследованию институциональной среды социально-экономических объектов nano-, микро- и макроэкономики посвящено большое количество работ. Между тем в институциональной экономической теории на данный момент не раскрыты содержание и роль институциональной среды в деятельности интеграционных объединений. В связи с этим актуальность приобретает разработка схемы построения институциональной среды интеграционного объединения и выведение ее научного определения.

Важной тенденцией в современной научной литературе является то, что авторы частных трактовок институциональной среды признают различия в

субъектах и объектах регулирования институциональной среды в зависимости от пространственного уровня ее функционирования.

Н.В. Василенко изучает институциональную среду общества, в которой выделяет следующие уровни объектов регулирования институциональной среды [71, с. 149]: 1) макроинституциональная среда, которая регламентирует процессы, протекающие в рамках национальной социально-экономической системы; 2) мезоинституциональная среда, регулирующая процессы, имеющие место на пространстве административно-территориальной единицы; 3) микроинституциональная среда, которая координирует деятельность организаций; 4) наноинституциональная среда, которая определяет принятие решений отдельными индивидами. В более ранней работе автора выделяется также наднациональная институциональная среда [72, с. 6]. Принципиальными моментами данной структуризации являются следующие: 1) институты более «широких» подсистем общества (сред) продолжают регулировать взаимоотношения, складывающиеся на низших уровнях; 2) в условиях эффективно организованного общественного порядка, «институты более "узких" сред не противоречат институтам сред более "широких"» [71, с. 149]. Н.В. Василенко выделяет две разновидности институциональной среды, оказывающей влияние на деятельность организаций: экзогенную, которая связана с функцией государственного регулирования и представлена макро- и мезосредами, и эндогенную институциональную среду организаций, представляющую собой комплекс внутренних устойчивых правил («микроинститутов»).

Примечание – Согласно Г.Б. Клейнеру [126, с. 174], микроинституты регламентируют координацию деятельности членов организации, правила передачи информации и т.д. (например, микроинститут коммуникации работников предприятия, микроинститут стратегического планирования). Эргономические микроинституты, или традиции обращения сотрудников предприятия со средствами производства регламентируют отношения людей с природой, включая принципы работы с калькулятором, корпоративной отчетностью, методическими справочниками и др. Таким образом, заключает Г.Б. Клейнер, в зависимости от контекста организация может выступать в качестве субъекта институциональных взаимодействий, а также в роли «арены действия» микроинститутов.

А. Сваминатан и Д. Уэйд определяют институциональную среду как совокупность нормативно установленных правил, с одной стороны, обычаев и самовоспроизводящихся норм, с другой стороны, распространяющих действие на государства, сообщества, организации и профессиональные группы через влияние на поведение индивидов и определение его результатов [220].

По мнению М.В. Подшиваловой, изучаемая институциональная среда обладает границами, обусловленными соответствующим (макро-, мезо-, микро-, мини- или нано-) уровнем анализа социально-экономической системы [165, с. 18, 24]. При этом институциональная среда представляет собой институциональный уровень описания социально-экономической системы и включает «совокупность формальных и неформальных правил, включая механизмы принуждения» [165, с. 19].

В монографии Е.Б. Дондоковой и Ж.Б. Тумунбаяровой [103, с. 18] институциональная среда трактуется как совокупность формирующихся и работающих в конкретном историческом контексте формальных и неформальных институтов, которые представлены в форме нормативных актов, инфраструктуры, сетевого взаимодействия, служащих ориентиром для принятия хозяйствующими субъектами экономических решений на базе баланса частных и общественных интересов. По мнению авторов, институциональная среда может быть идентифицирована на пространстве всей хозяйственной системы, а также в сферах функционирования подсистем хозяйства и отдельных субъектов экономики, в связи с чем они выделяют в качестве ее частного случая малое предпринимательство [103, с. 30].

За основу для авторского определения институциональной среды как неограниченной в пространственно-временных координатах экономической системы, состоящей из институтов и устанавливающей комплекс альтернатив для принятия акторами экономических решений [173, с. 110], С.Л. Сазанова берет определение понятия средовой системы, сформулированное Г.Б. Клейнером. Из этого следуют различия институциональных сред в зависимости от сфер их действия, представленных уровнями глобального экономического пространства. В

работе С.Л. Сазановой [173] вышеизложенный подход применяется для исследования отношений на макроуровне (а именно, протекающих на пространстве России и в рамках институциональной среды отечественного предпринимательства как ее части).

По мнению Е.С. Силовой, двойственный характер институциональной среды проявляется в том, что она, с одной стороны, представляет собой сложную упорядоченную систему, состоящую из институтов – формальных и неформальных правил и механизмов их поддержания, с другой стороны, основывается на системе их отношений с субъектами экономики по поводу удовлетворения потребностей последних в координации и регулировании их совместной деятельности [178, с. 7–8]. Автор подчеркивает особое значение институциональной среды для обеспечения эффективной деятельности субъектов хозяйства (оцениваемой в терминах экономического роста), в связи с чем представляется, что продуцируемые институциональной средой условия кооперации экономических агентов зависят от пространственного уровня ее функционирования.

Анализ представленных выше трактовок понятия «институциональная среда» позволил выявить еще одну тенденцию в институционализме. Современные исследователи трактуют институциональную среду как совокупность институтов, наделенную системными признаками, в духе Д. Норта, выделившего информационные сети в качестве инструмента обеспечения взаимосвязи между институтами, направленного на повышение эффективности выполнения правил [151]. По мнению ученых, институты, составляющие институциональную среду, также характеризуются взаимосвязанностью [64; 70; 126], взаимообусловленностью [64], упорядоченностью [77], наличием логически законченного, целостного единства [82], соподчинением [82].

В связи с отсутствием в современной институциональной экономической теории комплексной и научно обоснованной концепции институциональной среды применительно к интеграционным объединениям особый интерес представляет близкая по тематике концепция институционального обеспечения деятельности региональных объединений государств, представленная в работе Н.Н. Шумского

[198]. Он определяет институциональные механизмы межгосударственного взаимодействия, элементы которых разбиты на три блока: 1) нормативно-правовая база; 2) система межгосударственных органов регулирования и их компетенций; 3) система правил, процедур подготовки и принятия решений, а также контроля за их исполнением. Эти механизмы, согласно автору, образуют институциональную систему, обладающую следующими свойствами: 1) целостности, означающей закономерную взаимосвязанность составных частей системы для выполнения ею своей функции; 2) эволюционности, т.е. способностью к изменению, опосредованно через развитие странами-членами нормативно-правовой базы сотрудничества. Институциональные механизмы интеграции выполняют организационную, регулирующую, координирующую функции и предназначены для реализации уставных целей и задач интеграционного объединения [198, с. 81].

Исходя из вышесказанного представляется, что отправной точкой изучения институциональной среды любого социально-экономического объекта становится определение сущностных характеристик самого объекта и организации его в пространстве, так как именно от этих параметров зависит не только состав институциональной среды, но и ее функциональное назначение.

Ряд современных ученых предлагает рассматривать интеграционное объединение как систему [112; 176]. Так, Э.В. Серегин аргументирует это тем, что интеграционное объединение представляет собой результат интеграции – процесса, направленного на установление целостности в рамках отдельно дифференцированных частей и функций системы за счет организации устойчивых взаимосвязей между ними [176]. Мы готовы были согласиться с позицией А.Е. Ермаленко и Е.А. Семака о том, что интеграционное объединение является частью мегаэкономики (надсистемы) и структурно состоит из национальных экономик (подсистем) [112, с. 159–160], находящихся в тесном взаимодействии с феноменами низших подсистем GES. Но далее в работе [112] авторы отмечают, что формирование интеграционного объединения, связанное с возникновением различных связей и структур как в самой системе, так и в его под- и надсистемах, проходит в пять этапов (зона свободной торговли (далее – ЗСТ), таможенный союз

(далее – ТС), общий рынок и т.д.), что, на наш взгляд, является некорректным с позиции понимания ими динамической характеристики интеграционного объединения.

Примечание – Экономическая система рассматривается как «относительно устойчивая в пространственно-временных координатах часть социально-экономического пространства, обладающая свойствами внешнего единства, внутреннего многообразия и гносеологической целостности и участвующая одновременно в процессах производства, потребления, распределения и обмена экономических благ» [125, с. 796]. Целостность обеспечивается отношениями между основными элементами системы и гарантирует функционирование последней в природной и общественной среде [76].

Пространство мегаэкономики за счет достигнутого им эволюционного состояния является источником выделения интеграционных объединений, взаимодействует с ними через получение от них, транслирование им импульсов и воздействий. В ходе движения интеграционное объединение, с одной стороны, перманентно и системно контактирует с атрибутами (субъектами, объектами, проектами, связями, событиями, угрозами и пр.) мегаэкономики, которые представляют собой внешние факторы, позитивно или негативно влияющие на его устойчивое развитие. С другой стороны, траектория устойчивого развития интеграционного объединения формируется внутренними факторами, включающими множество траекторий движения ее составных частей (в том числе подсистем). В условиях кризисных процессов, вызванных мегаугрозами, ряд составляющих системы отличается высокой скоростью адаптации, в то время как некоторые из них застывают в своем прежнем состоянии, что порождает проблему неопределенности реализации стратегических направлений интеграционного взаимодействия. В решении этой проблемы большое значение принадлежит институциональной среде интеграционного объединения, которая предполагает согласованность политических, социальных и юридических условий жизнедеятельности общества [203].

Место и роль институциональной среды интеграционного объединения в обеспечении устойчивого развития интеграционного объединения наглядно продемонстрированы на рисунке 3. Выступая основным способом гарантирования

целостности системы в широком смысле, институциональная среда интеграционного объединения служит регулятором его устойчивого развития, сущность которого заключается в применении институтов интеграционного объединения – правил реализации инструментов совместного регулирования национальных экономик и механизмов, обеспечивающих их исполнение.

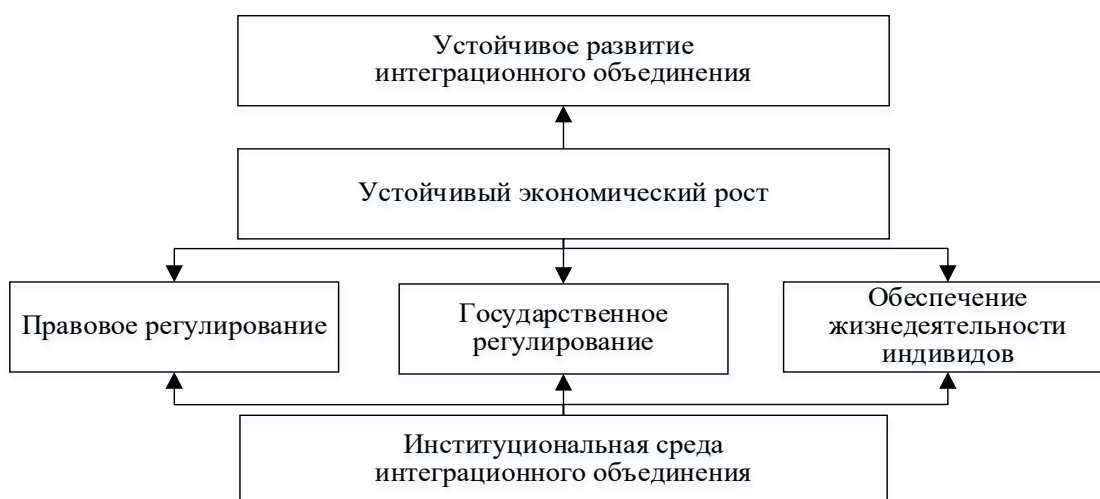

Рисунок 3 – Место и роль институциональной среды в обеспечении устойчивого развития интеграционного объединения

Примечание – Составлено автором.

Основываясь на результатах исследования актуальных подходов к трактовке институциональной среды применительно к социально-экономическим объектам различных уровней GES (см. таблицу 2) и предпосылке о многоуровневости и многоступенчатости процессов глобализации и регионализации мирового хозяйства, а также исходя из понимания целевого назначения институциональной среды интеграционного объединения (см. рисунок 3), представляется возможным сформировать ее научное определение. Институциональная среда интеграционного объединения – упорядоченная совокупность институтов интеграционного объединения, определяющая социально-экономические результаты его деятельности через формирование и поддержание основополагающих социально-экономических условий для взаимодействия экономических агентов по поводу реализации стратегии интеграционного объединения.

Институциональная среда интеграционного объединения возникает с момента учреждения интеграционного объединения и является результатом целенаправленного строительства институтов интеграционного объединения, осуществляемого его государствами-членами для совместного регулирования экономики. Декомпозиция институциональной среды интеграционного объединения предполагает в качестве самостоятельной теоретической задачи определение инструментов совместного регулирования национальных экономик как способов реализации соответствующих методов государственного воздействия, которое усложняется тем, что вопрос идентификации критерия для классификации последних сохраняет свою дискуссионность в современной экономической науке.

А.М. Сальников использует в качестве критерия характер воздействия на поведение экономических агентов [174, с. 8–9]. Прямое регулирование со стороны государства (осуществляемое в форме контроля за трудовым и социальным законодательством, государственного участия в деятельности предприятий, антимонопольного контроля, лицензирования хозяйственной деятельности, ценового регулирования и др.) основано на безоговорочном следовании акторами предписаниям органов власти, которое обеспечивается различными формами принуждения. В свою очередь, путем реализации методов косвенного регулирования (включая политику в области налогов, валютного курса, таможенных пошлин, регулирования объема денежной массы и т.д.) государство создает стимулы для самостоятельного принятия решений субъектами рыночного хозяйства в соответствии с целями экономической политики. Отмечается, что косвенное регулирование обеспечивает поддержание длительного экономического равновесия, в то время как прямые методы (формы) ориентированы в большей мере на оперативное реагирование в кризисных условиях.

О.И. Карташова, С.Р. Муравьев и М.С. Бодня предлагают авторскую классификацию способов осуществления политического влияния на развитие хозяйства в зависимости от необходимости несения экономическими агентами денежных расходов при их практическом применении [123, с. 21]. Важно, что при

разработке классификации авторы обращают внимание на наличие различных инструментов реализации метода, где последний фактически служит признаком для группировки инструментов. Поэтому в числе денежных методов исследователи выделяют как, собственно, методы (в том числе субсидии, государственные заказы и закупки, приобретение пакетов акций), так и конкретные инструменты (налоги, таможенные пошлины, ставка рефинансирования и т.д.). Аналогично, неденежные методы включают в качестве методов, в частности, нормативы при установлении цен, требования сертификации, а также норму резервирования, индикаторы экологической безопасности и т.д. – в качестве инструментов.

По характеру предпринимаемых правительством для регулирования экономики действий Ю.А. Гриневич и Д.М. Шатунов выделяют неэкономические (административно-правовые) и экономические методы [89]. Сущность административно-правового регулирования определяется авторами как законодательное оформление государством правил и норм поведения участников хозяйственной деятельности (в том числе в отношении прав собственности, условий заключения контрактов, взаимных обязательств в области труда и др.), с одной стороны, и осуществление контроля за их исполнением через установление санкций – с другой. К экономическим неадресным (косвенным) методам авторы относят те действия правительства, которые воздействуют на макроэкономические величины (совокупный спрос, совокупное предложение, степень централизации капитала и т.д.), включая политику в сфере кредитно-денежных отношений, налогов и таможенного регулирования. В числе адресных (прямых) методов, отражающихся на результативности деятельности субъектов хозяйства, выделяются целевое финансирование и льготное кредитование предприятий и территорий, государственные закупки.

В таблице 6 раскрыто содержание описанных выше подходов к классификации методов государственного регулирования экономики, которые представлены в современной научной литературе.

Таблица 6 – Основные подходы к классификации методов государственного регулирования экономики

Группировочный признак	Методы государственного регулирования экономики	
1. Характер воздействия на поведение экономических агентов	Прямые - финансовая помощь и финансовое участие государства; - антимонопольный контроль; - контроль над ценами; - контроль за трудовым и социальным законодательством; - лицензирование хозяйственной деятельности; - определение точек роста национальной экономики; - управление государственным сектором экономики	Косвенные - регулирование объема денежной массы; - определение условий предоставления централизованных кредитов и ставки процента; - политика в области налогов, валютного курса, таможенных пошлин
2. Необходимость несения экономическими агентами денежных расходов при реализации регулирующих мер	Денежные Методы: - государственные заказы и закупки; - приобретение пакетов акций; - субсидии (в том числе скрытые); - кредиты и кредитные льготы. Инструменты: - налоги; - таможенные пошлины; - ставка рефинансирования	Неденежные Методы: - нормативы при установлении цен; - требования сертификации и лицензирования; - предоставление информации; - индикативное планирование. Инструменты: - норма резервирования; - параметры экологической безопасности
3. Характер принимаемых правительством действий для регулирования экономики	Административно-правовые Административные: - штрафы, запреты, принуждение. Правовые: - лицензирование и квотирование; - контроль над ценами; - государственно-правовое и хозяйственное законодательство	Экономические Адресные (прямые): - государственные закупки; - целевое финансирование предприятий и территорий; - льготные кредиты. Неадресные (косвенные): - налоговая политика; - кредитно-денежная политика; - таможенно-тарифное регулирование
Примечание – Составлено автором по: [89; 123; 174].		

По нашему мнению, для определения состава институциональной среды интеграционного объединения целесообразно использовать в качестве основы подход к группировке методов государственного экономического регулирования, предложенный Ю.А. Гриневич и Д.М. Шатуновым [89]. Это объясняется тем, что данная классификация адекватна описанию двойственной природы интеграционного объединения: административно-правовые методы включают,

собственно, правила реализации государствами-членами совместных мероприятий по регулированию экономики, источники этих правил и меры принуждения к их исполнению; экономические методы, в свою очередь, отражают сферы проведения совместных мероприятий по регулированию экономики и используемые странами-членами для этих целей конкретные инструменты, в совокупности образующие финансовый механизм интеграционного объединения. В числе других преимуществ данного подхода следует отметить, во-первых, то, что авторы не раскрывают средства реализации выделенных методов регулирования, что делает его универсальным для анализа системы управления экономическими процессами в интеграционных объединениях, в которых выбор конкретных инструментов напрямую связан с получением экономических эффектов от сотрудничества. Во-вторых, использование данной трактовки методов обращает внимание на то, что приоритеты и императивы институтов интеграционного объединения могут быть достоверно описаны только через взаимодействие с элементами структуры низших подсистем GES (включая государства, их административные территориальные образования, фирмы и домохозяйства).

Тесные взаимосвязи между составляющими институциональной среды интеграционного объединения обуславливают применение системной методологии к ее изучению. Для выделения состава институциональной среды интеграционного объединения, кроме упомянутой выше классификации методов регулирования экономики, использовалась концепция институциональных механизмов межгосударственного взаимодействия, разработанная Н.Н. Шумским [198]. Соответствующие подсистемы и элементы институциональной среды интеграционного объединения, представленные в таблице 7, регулируют отношения между экономическими агентами по заданному стратегией интеграционного объединения перечню предметов взаимодействия.

Подсистему административно-правовых методов совместного регулирования экономики составляет прежде всего нормативно-правовая база как совокупность нормативно-правовых актов, относящихся к деятельности интеграционного объединения, выработанных (с учетом модели правового

регулирующих) органами государств интеграционного объединения или наднациональными органами.

Таблица 7 – Состав институциональной среды интеграционного объединения

Система	Подсистема	Элементы
Институциональная среда интеграционного объединения	Система административно-правовых методов совместного регулирования экономики	<ul style="list-style-type: none"> - Нормативно-правовая база - Формальные правила интеграционного объединения - Контрольные (надзорные) органы - Методы правового регулирования - Правотворческая деятельность - Лицензирование - Квотирование - Прямое регулирование цен
	Система экономических методов совместного регулирования экономики	Методы и инструменты финансового механизма интеграционного объединения

Примечание – Составлено автором.

Формальные правила интеграционного объединения устанавливают права, обязанности и ответственность экономических агентов как участников правоотношений (в том числе в отношении получения ими лицензий и квот, ценообразования, осуществления профессиональной деятельности и т.д.).

Контрольные (надзорные) органы в составе названной подсистемы осуществляют (в пределах полномочий, установленных нормативно-правовыми актами) контроль и надзор за государствами-членами при реализации ими совместных мероприятий по регулированию экономики и приводят в действие меры правового принуждения (включая штрафные санкции) в отношении экономических агентов при несоблюдении ими формальных правил интеграционного объединения. Такими органами в зависимости от модели правового регулирования, которая используется в интеграционном объединении, могут выступать наднациональные, межгосударственные органы регулирования, органы государственной власти или органы с функциями государственной власти.

Методы правового регулирования включают в себя следующие способы воздействия на поведение экономических агентов: 1) императивный, направленный на обеспечение предписанной субъектами регулирования

обязательной модели действия; 2) диспозитивный, предоставляющий адресатам возможность выбора альтернативных вариантов поведения; 3) рекомендательный, который предлагает акторам самостоятельно определить целесообразный вариант поведения. Сообразно этому формальные правила интеграционного объединения образуют правовую иерархию, классифицируясь по степени правовой силы.

Под правотворческой деятельностью предлагается понимать деятельность уполномоченных органов по разработке, принятию, корректировке и отмене нормативно-правовых актов, относящихся к деятельности интеграционного объединения.

Элементами подсистемы экономических методов совместного регулирования экономики выступают методы (прямые и косвенные) и инструменты финансового механизма интеграционного объединения, регламентируемые формальными правилами интеграционного объединения (санкционируемыми нормативно-правовыми актами).

Институциональная среда интеграционного объединения обладает свойствами целостности и неделимости. В ее структуре соединяются эндогенные факторы, направленные на выполнение институциональной средой интеграционного объединения своего целевого назначения, включая внутреннее устройство, пространственное расположение, устойчивые соотношения и связи между элементами (и подсистемами), закон взаимодействия и взаимосвязи. Данные факторы направлены на обеспечение создания юридических, политических и социальных условий взаимодействия экономических агентов по поводу реализации стратегических направлений интеграционного взаимодействия.

Структура институциональной среды находит отражение в ее функциях, выполнение которых максимально способствует устойчивому развитию интеграционного объединения: 1) обеспечение устойчивых взаимосвязей между экономическими агентами по поводу воспроизводства ресурсов, факторов, товаров и услуг; 2) управление деятельностью экономических агентов в различных сферах общественных отношений (ограничение, стимулирование, координация, контроль и мониторинг их действий); 3) снижение транзакционных издержек при

осуществлении экономическими агентами совместных проектов и процессов;

4) содействие эффективному использованию в интересах интеграционного объединения доступных типов ресурсов (производственных, трудовых, финансовых, интеллектуальных, технологических и др.) в целях реализации совместных конкурентных преимуществ стран-членов и укрепления их рыночных позиций в масштабах глобальной экономики; 5) стабилизация и упорядочивание общественных отношений.

Характеристика структуры институциональной среды интеграционного объединения, разработанная в русле системной методологии, представлена на рисунке 4.

Рисунок 4 – Характеристика структуры институциональной среды интеграционного объединения

Примечание – Составлено автором.

Предлагаемая схема универсальна для исследования любых интеграционных объединений и позволяет выявить вклад отдельных элементов в выполнение институциональной средой интеграционного объединения своей целевой функции.

Юридические условия взаимодействия экономических агентов по поводу реализации стратегии интеграционного объединения представлены особенностями правовой основы интеграционного объединения, которые определяются по таким элементам, как правотворческая деятельность, методы правового регулирования. Анализ нормативно-правовой базы способствует выявлению политических условий, выраженных в способности контрольных (надзорных) органов регламентировать хозяйственные отношения в обществе. Условия для соблюдения баланса интересов хозяйствующих субъектов (социальные условия) устанавливаются в рамках изучения формальных правил интеграционного объединения и содержания методов и инструментов финансового механизма интеграционного объединения.

Представляется, что условия, продуцируемые институциональной средой (ее подсистемами и элементами) для взаимодействия экономических агентов по поводу реализации стратегии интеграционного объединения, могут быть благоприятными или неблагоприятными в зависимости от внешнего контекста. Реальные препятствия устойчивому экономическому росту, проистекающие из пространства мегаэкономики, провоцируют такие изменения процесса расширенного воспроизводства материальных благ и услуг, которые ведут к снижению национального богатства и благосостояния населения государств-членов интеграционного объединения.

Измерение экономического роста на макроуровне принято проводить в терминах годовых темпов роста абсолютного объема ВВП и совокупного объема ВВП в расчете на душу населения, соответственно отражающих динамику продолжительного экономического и социального развития общества. В свою очередь, его интенсивность или экстенсивность равным образом связана с наличием или отсутствием качественных преобразований в структуре производственной системы страны.

При анализе процессов, протекающих на мегауровне GES, степень увеличения показателей основных индикаторов экономического роста отдельных государств необходимо рассматривать в контексте их участия в деятельности

соответствующих интеграционных объединений, нацеленных на приращение экономических результатов. В условиях увеличения числа кризисных явлений в современном мировом хозяйстве (включая ситуации, связанные с неопределенностью и волатильностью на товарных и валютных рынках, дефицитом дешевых длинных денег и др.) в результате циркуляции негативных эффектов от торговых и валютных войн между конкурирующими странами и ТНК через глобальные финансово-кредитные каналы и коммуникационные площадки успешность интеграционных усилий проявляется в развитии новых совместных стимулов экономического роста и ликвидации барьеров для трансграничного перемещения факторов производства. В связи с этим в качестве методологической основы к оценке формируемых институциональной средой условий для протекания социально-экономических процессов в рамках интеграционного объединения целесообразно использовать систему экономических показателей успешности международной (региональной) экономической интеграции.

В работе [81, с. 57–58] представлены критерии оценки эффекта региональной интеграции, которые основаны на динамическом анализе влияния создания интеграционного объединения на ряд количественных индикаторов, которые представляется возможным систематизировать в четыре большие группы: 1) экономическое благосостояние (размер ВВП, подушевого ВВП, объем реальных доходов населения, уровень занятости населения); 2) внешняя торговля (объемы совокупного экспорта и импорта, отраслевая структура внешней торговли); 3) вознаграждение факторов производства (уровень заработной платы, норма отдачи на капитал); 4) промышленное производство (объемы выпуска в конкретных отраслях экономики). При этом автором отмечается, что оценка объемов выпуска, экспорта и импорта должна проводиться с расчетом вклада эффектов «создания торговли» (trade creation) и «реориентации (отклонения) торговли» (trade diversion) и их изменения. Сформулированные в работе институциональные условия успешности интеграционных проектов основаны на оценке степени ликвидации барьеров для взаимодействия хозяйствующих

субъектов, правовых основ интеграционного объединения и инвестиционной привлекательности стран – членов интеграционного объединения.

Примечание – Эффект «создания торговли» предполагает, что в условиях снижения импортных пошлин происходит замещение менее эффективных национальных источников предложения более эффективными внешними источниками поставки товаров, находящихся на территории других стран – участниц интеграционного объединения. В свою очередь, эффект «реориентации (отклонения) торговли» связан с «переключением» спроса стран-участниц, ранее покупавших более дешевую продукцию в третьих странах, на источники поставок у государств – партнеров по интеграционному объединению в результате установления высоких ставок ввозных таможенных пошлин. Последний эффект выражается в потерях странами-участницами тарифных доходов и в снижении благосостояния населения.

Особенность и в то же время существенный недостаток описанного выше подхода состоит в том, что результативность межгосударственного экономического сотрудничества в рамках интеграционного объединения связывается с вкладом общих рынков товаров, услуг и рабочей силы в рост ВВП государств-членов при игнорировании значимости общего финансового рынка для форсирования темпов роста национальных экономик за счет повышения уровня подушевого дохода и создания базиса для дальнейшего накопления национального богатства участвующих стран. Кроме того, движение финансовых инструментов в современном обществе направлено на обновление факторов процесса производства и внедрение инноваций при его непрерывном возобновлении. Так, в своем теоретическом и прикладном исследовании Л. Зингалес и Р. Раджан [116] установили, что в среднем отраслевые объемы выпуска в государствах с высоким уровнем развития финансового рынка (при прочих равных условиях) характеризуются годовым ускорением на 1% в долгосрочном аспекте, что подтверждает его значимость в становлении высокотехнологичного сектора экономики.

Финансовый рынок интеграционного объединения как особая сфера взаимодействия между агентами экономики обеспечивает аккумуляцию и перераспределение между ними финансовых потоков в целях непрерывности и эффективности воспроизводства. Движение финансовых потоков, которое опосредует рыночные отношения по поводу купли-продажи продуктов (товаров,

услуг), осуществляется через специализированные финансовые учреждения. Ключевая роль последних в экономических системах связана с их специализацией на сборе и трансляции информации и, как следствие, с их способностью уменьшать информационную асимметрию и минимизировать транзакционные издержки [118, с. 49]. Ускорению оборачиваемости финансовых ресурсов и повышению эффективности их использования экономическими агентами в масштабах интеграционного объединения способствуют единые технологические платформы (далее – ЕТП), составляющие основу функционирования общего финансового рынка. ЕТП могут функционировать как в виде коммуникационных площадок, на которых взаимодействуют представители бизнеса, науки, государств-членов и др. по поводу предоставления ИТ-сервисов и информационных ресурсов для принятия экономических решений, так и в формате коммерческих сетей (рынков) для осуществления обмена в различных формах транзакций (B2B, B2C, C2C и т.д.).

В целях настоящего исследования количественный анализ показателей успешности интеграционных процессов проводится для выявления проблем, связанных с передвижением факторов производства между государствами-участниками, отражающих неспособность в целом институциональной среды интеграционного объединения к поддержанию его устойчивого развития. Результаты обобщения и систематизации различных подходов к измерению уровня международной (региональной) экономической интеграции [81; 179] представлены в таблице 8 в виде системы, состоящей из трех групп показателей, включая индикаторы социально-экономического развития и состояния международной торговли. Выделение отдельного блока показателей, характеризующих степень развитости общего финансового рынка, обусловлено возрастающей ролью финансовых потоков (в том числе прямых инвестиций, доходов государств) в получении странами-членами дополнительного экономического эффекта.

С позиции институционального подхода негативные явления в институциональной среде, влекущие за собой проблемы социально-экономического развития, принято связывать с институциональными барьерами, рассматриваемыми в качестве институтов, которые формируют неблагоприятные

условия для деятельности хозяйственных субъектов [142, с. 20–21]. Барьеры институциональной среды ведут к образованию институциональных ловушек или устойчивых неэффективных правил (стандартов) поведения [166, с. 6], в связи с чем возникает потребность в их своевременном устранении путем изменений в действующих институтах.

Таблица 8 – Система показателей успешности интеграционных процессов

Наименование группы	Показатели
Социально-экономическое развитие	<ul style="list-style-type: none"> - Объем ВВП - Уровень инфляции (индекса потребительских цен) - Объем промышленного производства - Отраслевая структура промышленного производства - Ставка рефинансирования - Размер реальной заработной платы - Размер реальных доходов населения - Географическая структура взаимных инвестиций - Отраслевая структура взаимных инвестиций
Торговля	<ul style="list-style-type: none"> - Объем взаимной торговли - Доля взаимной торговли в совокупном товарообороте - Отраслевая структура взаимной торговли - Отраслевая структура внешней торговли - Индекс физического объема взаимной торговли - Индекс физического объема внешней торговли - Количество препятствий во внутренней торговле
Финансовый рынок	<ul style="list-style-type: none"> - Количество профучастников финансового рынка - Активы банковского сектора - Рентабельность активов банков - Рентабельность капитала банков - Объем краткосрочных кредитов - Объем долгосрочных кредитов
Примечание – Составлено автором.	

В контексте применения системной методологии к выявлению состава институциональной среды целесообразно определять институциональный барьер устойчивого развития интеграционного объединения как элемент (совокупность элементов) его институциональной среды, который (-ые) продуцирует неблагоприятные условия для взаимодействия экономических агентов по поводу реализации стратегических направлений интеграционного взаимодействия. Иными словами, институциональные барьеры устойчивого развития интеграционного объединения представляют собой препятствия для реализации его стратегических

задач, созданные его установившейся институциональной средой, которые снижают эффективность связей между национальными экономиками (как основными элементами интеграционного объединения) на макроуровне и служат фактором социально-экономических конфликтов на низших уровнях GES. Эти явления повышают риск преждевременного исчерпания интеграционных возможностей объединения, что на практике проявляется в невыполнимости его конечных (уставных) целей.

Примечание – В научной литературе явление распада единой целостной системы вследствие ослабления и нарушения связей в последней принято обозначать термином «дезинтеграция» [78, с. 120]. Применительно к интеграционным объединениям данный процесс сопровождается ростом транзакционных издержек и приводит к обособлению отдельных рынков, снижая потоки благ и факторов производства.

Идентифицировать институциональные барьеры представляется возможным в рамках качественного анализа актуальной структуры институциональной среды интеграционного объединения (условий деятельности экономических субъектов) и проблем функционирования интеграционного объединения (результатов действия условий). Правовая природа интеграционного объединения обуславливает устранение институциональных барьеров для обеспечения благоприятных юридических, политических и социальных условий его устойчивого развития с учетом подходов к наднациональному регулированию и принципов международного права. Развитие институциональной среды интеграционного объединения может осуществляться в рамках институциональных изменений, не сопровождаемых преобразованием действующей структуры его институциональной среды. В случае институциональных инноваций, затрагивающих состав инструментов финансового механизма интеграционного объединения и, как следствие, сущностное содержание совместных мероприятий по регулированию экономики, имеет место перестройка внутренней организации институциональной среды интеграционного объединения, связанная с ее трансформацией. Основу процесса трансформации институциональной среды интеграционного объединения, наряду с количественными и качественными

преобразованиями элементов подсистемы экономических методов совместного регулирования экономики, составляют изменения в гарантирующих их выполнение составных частях подсистемы административно-правовых методов совместного регулирования экономики.

Таким образом, реальное существование институциональной среды интеграционного объединения определяет ее функции, состав, структуру, пространственное содержание и области характерных для нее экономических отношений. Эти параметры находят отражение в модели институциональной среды интеграционного объединения, порождают энергию ее развития и определяют ее роль и место в поддержании деятельности интеграционного объединения как части пространства мегаэкономики.

Глава 2 ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕАЭС И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ОБЪЕДИНЕНИЯ

2.1 Исторические основы и вызовы формирования институциональной среды ЕАЭС

С исторической точки зрения образованию ЕАЭС предшествовал ряд интеграционных группировок на постсоветском пространстве, возможности развития которых определялись особенностями институциональной среды.

Исходной точкой и своеобразным базисом процессов «скрепляющей интеграции» [105, с. 202–203] между странами, в течение длительного временного периода входившими в состав экономического пространства СССР, является подписание 08.12.1991 г. лидерами Беларуси, РСФСР и Украины Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), которое легло в основу его институциональной среды. Позже в состав СНГ вступили Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан (1991 г.), а также Грузия (1993 г.) (завершила членство в СНГ в 2009 г.).

Проекты достижения положительного интеграционного эффекта за счет сохранения сложившихся в рамках единого народно-хозяйственного комплекса СССР производственно-технологических цепочек, поддержания геоэкономических и культурных связей между бывшими советскими республиками легли в основу целей СНГ. Однако после перехода на рыночную модель хозяйства в новых независимых государствах (ННГ) был принят курс на изменение структуры экономик, «вследствие чего был ограничен доступ на рынки соседей через валютные конвертации, ввозные пошлины, товарные квоты, нетарифные ограничения» [182, с. 9, 376].

В целом период с 1995 по 2005 г. характеризуется отрицательной динамикой взаимного товарооборота стран – членов СНГ, как показано в таблице 9. Несмотря на рост абсолютных показателей внешней торговли, в относительном выражении в 1995 г. на долю взаимного экспорта и импорта пришлось 28,42% и 42,67% общего экспорта и импорта соответственно, в 2000 г. – 19,72% и 45,57%, в 2005 г. – 17,37% и 33,32%.

Таблица 9 – Индикаторы внешней и взаимной торговли государств – членов СНГ, 1995–2005 гг.

Год	Показатели	Экспорт	Импорт
1995	Всего, млн долл. США	109 089,00	79 684,00
	Страны СНГ, млн долл. США	31 002,00	34 000,00
	Страны СНГ, %	28,42	42,67
2000	Всего, млн долл. США	140 471,00	68 077,00
	Страны СНГ, млн долл. США	27 699,00	31 020,00
	Страны СНГ, %	19,72	45,57
2005	Всего, млн долл. США	328 192,00	181 986,00
	Страны СНГ, млн долл. США	56 993,00	60 633,00
	Страны СНГ, %	17,37	33,32

Примечание – Составлено автором по: [54, с. 229].

По причине увеличения стоимости внутреннего импорта по итогам действия тарифных и нетарифных ограничений, сокращения доходности взаимного экспорта вследствие девальвации национальных валют страны – участницы СНГ сменили ориентацию с взаимной торговли на торговлю с третьими странами. Активный приток ПИИ в Азербайджан, Казахстан и Россию в середине 1990-х гг. обусловлен развитием ТЭК и запуском новых месторождений нефти и газа. Страны СНГ поставляли минеральные ресурсы в обмен на зарубежные машины и оборудование (59,5% и 40,4% в структуре совокупного размера экспорта и импорта в 2006 г. соответственно) [180, с. 147–148]. Часть товаров взаимного импорта заменялась собственным производством.

Примечания

1 Современные исследователи выделяют два блока государств на постсоветском пространстве по источникам и условиям роста [182, с. 351–353]: 1) экспортеры топливно-сырьевых ресурсов (Азербайджан, Казахстан, Россия, Туркменистан, Узбекистан), обладающие значительным природно-ресурсным потенциалом, что позволяет странам поддерживать

положительное сальдо внешнеторговых операций, доходы от экспорта энергоресурсов являются источником стимулирования инвестиционной деятельности и пополнения международных резервов; 2) государства – импортеры топливно-сырьевых ресурсов (Армения, Беларусь, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Украина), характеризующиеся отрицательным сальдо внешнеторгового баланса, зависимостью от внешних источников финансирования, внутрирегионального рынка сбыта и интеграционных процессов с участием крупных игроков (страны – члены Европейского союза, Китай, Россия).

2 В 2006 г. лидером по поставкам сырой нефти в страны ЕС являлась Россия (около 34% в общем объеме импорта сырой нефти); среди стран – членов СНГ европейские страны также импортировали сырую нефть у Казахстана и Азербайджана – около 5% и 2% от суммарного объема [180, с. 185]. Незначительная доля европейского импорта нефти приходилась на Беларусь, Туркменистан и Узбекистан. По экспорту природного газа в страны ЕС в 2006 г. лидировала Россия: 40% от импорта стран ЕС из стран остального мира [180, с. 187]. Незначительная доля импорта природного газа европейских стран приходится на Казахстан и Украину.

Несмотря на положительную динамику индекса промышленного производства, исчисляемого по данным о продукции в сопоставимых ценах с 1995 по 2007 г. [180, с. 113], за 15 лет интеграционного сотрудничества инновационный потенциал государств – членов СНГ сократился, что подтверждается данными таблицы 10. В период 2000–2006 гг. лидирующие позиции по развитию НИОКР среди стран-партнеров занимали Россия и Беларусь (затраты 1,1% и 0,7% ВВП соответственно); при этом с 2002 по 2004 г. по данному показателю наблюдалась отрицательная динамика. В целом, уровень расходов в странах – членах СНГ на научные исследования и разработки является низким и существенно отстает от уровня европейских стран (в том числе от стран Прибалтики): для сравнения, в 2006 г. средний показатель по затратам на НИОКР по СНГ составил 0,5% ВВП, в то время как в странах ЕС данный показатель равен 1,84%. В 2006 г. в Латвии и Литве затраты на разработки в ВВП увеличились почти на 0,25% по сравнению с 2000 г., в Эстонии – на 0,53%. Достичь уровня стран Прибалтики (бывших республик СССР) за рассматриваемый период удалось только России и Беларуси.

Финансово-экономический кризис, начавшийся в СНГ после распада хозяйственной системы СССР, а также инициированная рыночная трансформация повлекли за собой период экономического спада, со снижением объемов высокотехнологичных обрабатывающих производств и производств с высокой валовой добавленной стоимостью из-за отмены бюджетного перераспределения средств и оттока квалифицированных кадров, удорожания сырья. Новые

производственные мощности формировались в добывающих отраслях экономики; прочая продукция стран СНГ ввиду ослабления инновационного потенциала не была востребованной на внешних рынках и оставалась объектом внутреннего экспорта.

Таблица 10 – Внутренние затраты на исследования и разработки, 2000–2006 гг.

В процентах к ВВП

Государство	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Азербайджан	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2
Армения	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2
Беларусь	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7
Грузия	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	н/д
Казахстан	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2
Кыргызстан	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Молдова	н/д	0,3	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4
Россия	1,1	1,2	1,3	1,3	1,2	1,1	1,1
Таджикистан	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Туркменистан	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Узбекистан	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Украина	0,9	1,0	1,0	1,1	1,1	1,0	1,0
СНГ	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4	0,5
Латвия	0,44	0,41	0,42	0,38	0,42	0,56	0,69
Литва	0,59	0,67	0,66	0,67	0,76	0,76	0,8
Эстония	0,61	0,71	0,72	0,77	0,86	0,93	1,14
ЕС-27	1,86	1,87	1,88	1,87	1,83	1,84	1,84

Примечание – Составлено автором по: [180, с. 201].

Противоречивость экономического роста государств – членов СНГ связана с модернизацией национальных хозяйств по адаптивной модели, основанной на заимствовании зарубежных технологий и привлечении иностранных инвестиций, расширением внешнеторгового сотрудничества с третьими странами (фактически увеличение темпов роста было обусловлено благоприятной конъюнктурой на мировых рынках). Кроме того, для постсоветского пространства характерна сильная дифференциация по уровням социально-экономического развития. Наибольшие темпы роста ВВП (ППС) на душу населения в 2006 г. по сравнению с 1992 г. наблюдаются в Армении (3,9%), Грузии (3,0%), Казахстане, Туркменистане и Беларуси (2,2%), как показано в таблице 11. В 2010 г. по сравнению с 1992 г. в лидеры также попадают Азербайджан (3,4%) и Узбекистан (2,4%). По натуральным

показателям на протяжении рассматриваемого периода в четверку лидеров входят Россия, Казахстан, Беларусь и Азербайджан. Однако в 2010 г. только Россия опережала страны Прибалтики по показателю ВВП (ППС) на душу населения.

Таблица 11 – ВВП (ППС) на душу населения в бывших советских республиках, 1992–2010 гг.

В долларах США

Государство	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2006 г.	2010 г.
Армения	1416,27	1585,08	2273,35	5527,64	6370,18
Азербайджан	4664,18	2610,08	3781,11	9927,13	15 994,60
Беларусь	5121,04	3981,02	5985,24	11 358,07	15 890,10
Эстония	н/д	8022,91	12 113,49	22 600,07	21 721,22
Грузия	н/д	1647,65	2567,10	4944,11	6568,29
Казахстан	7196,32	6087,30	7890,10	15 990,80	19 530,31
Кыргызстан	1821,60	1236,60	1649,13	2223,54	2718,91
Латвия	5981,30	6058,98	8888,26	18 252,09	17 856,42
Литва	н/д	6786,10	9618,82	18 472,71	20 551,71
Молдова	2632,66	1895,93	1840,58	3192,08	3832,94
Россия	11 482,00	9369,75	11 169,85	19 248,72	22 639,29
Таджикистан	1311,38	836,028	947,94	1624,69	2070,45
Туркменистан	2975,19	2069,87	2553,94	6508,98	9739,65
Украина	6136,61	3861,05	3975,70	7530,14	7712,06
Узбекистан	1788,38	1649,40	2004,70	3020,22	4277,14
Примечание – Составлено автором по: [222].					

Примечание – В экономическом развитии Таджикистана, Молдовы и Кыргызстана в исследуемом периоде большую роль играли экспорт рабочей силы в Россию и Казахстан и, как следствие, денежные переводы от трудовых мигрантов. Наиболее крупные экономики группы – Беларусь и Украина – осуществляли сбыт продукции обрабатывающей промышленности на внутренние рынки, а также выполняли функцию транзитной территории между Россией и ЕС.

Противоречивый характер экономического роста и интеграции в рамках СНГ связан с особенностями институциональной среды данного интеграционного объединения.

Так, согласно ст. 10 Соглашения о создании СНГ, «каждая из Сторон оставляет за собой право приостановить действия настоящего Соглашения или отдельных его статей, уведомив об этом участников Соглашения за год» [20], что предполагало наличие у участвующих государств права на частичный отказ от исполнения обязательств или полный отказ от ратификации соответствующих

международных договоров. Большинство ключевых многосторонних документов, которые должны были заложить основы для достижения целей СНГ, в частности, Договор об экономическом союзе от 24.09.1993 г., Соглашение о создании зоны свободной торговли от 15.04.1994 г., Соглашение о создании платежного союза от 21.10.1994 г. и др., так и не вступили в силу [108, с. 185–187]. Совместное регулирование экономическими методами странами СНГ не проводилось, что подтверждается отсутствием у координирующих органов интеграционного объединения реальных властных полномочий в стратегических областях сотрудничества [21]. Кроме того, в условиях сильного «демонстрационного эффекта» интеграции в рамках ЕС и экономического доминирования России при технологической слабости (за период 1994–2010 гг. доля ВВП России в совокупном ВВП стран СНГ составляла 70–80%) неготовность большинства стран реализовывать подписанные в 1993–1994 гг. соглашения была вызвана опасением лишиться суверенитета и попасть под влияние России.

Примечание – Несмотря на то что опыт конца 1990-х – начала 2000-х гг. показывает, что для большинства стран СНГ не является основным приоритетом внешней политики, деятельность интеграционного объединения позволяла сглаживать геополитические и трансформационные шоки: ННГ получали возможность пользоваться субсидиями, предоставляемыми Россией с 1992 г. в форме преференциальных цен на энергоносители и государственных, в том числе технических, кредитов под закупку определенных видов товаров. По подсчетам современных ученых, с 1992 по 2000 г. Россия выделила странам СНГ государственные кредиты на общую сумму почти 6,2 млрд долл. США [154]: крупнейшими заемщиками являлись Украина, Казахстан и Беларусь. Благодаря механизму реструктуризации к началу марта 2000 г. задолженность составляла 1,54 млрд долл. США [154]. На 01.01.2006 г. совокупный долг государств СНГ перед Россией – 3193,80 млн долл. США [129, с. 54].

Истощение интеграционных возможностей СНГ стало очевидным к концу 2006 г. при исчерпании потенциала стремительного экономического роста в ННГ. Вместе с тем разделение внешнеполитических интересов привело к образованию с середины 1990-х гг. новых интеграционных объединений в рамках трех групп стран постсоветского пространства: 1) Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан, Таджикистан, участвующие в интеграционных процессах, возглавляемых Россией; 2) Украина, Молдова и Грузия, ориентированные на присоединение к интеграционным процессам в рамках ЕС и Организации Североатлантического

договора (НАТО); 3) Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, стремящиеся к диалогу с Россией и ЕС, а также развитию сотрудничества с США и Китаем.

Примечание – Во второй и третьей группах стран в 1997 г. на саммите Совета Европы в Страсбурге главами Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы была образована Организация за демократию и экономическое развитие. Основной целью организации было провозглашено противостояние доминированию России на постсоветском пространстве и интеграция в европейские структуры. Толчком к изменению формата сотрудничества, в частности, служило стремление ЕС и других стран Запада ослабить политические позиции России в регионе за счет введения программы технической помощи странам СНГ (TACIS) (1991 г.), Европейской политики соседства для восточно-европейских и южно-кавказских ННГ (2004 г.). Характерным для данных стран является построение интеграционных отношений с Россией на базе двусторонних соглашений о свободной торговле, основанных на принципах международного права. В контексте общеевразийской интеграции большое значение принадлежит Шанхайской организации сотрудничества, образованной в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана для установления партнерства в экономической, энергетической, научно-технической отраслях.

В рамках первой группы попытки активизировать евразийское сотрудничество выражались в следующих проектах:

1992 г. Ратификация Договора о коллективной безопасности в составе Армении, Казахстана, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана (позже вышел из состава). В 1993 г. к Договору присоединились Беларусь, Азербайджан и Грузия, которые позже покинули организацию.

1994 г. Главами Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана с целью создания единой экономической зоны сформировано Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), к которому в 1998 г. присоединился Таджикистан. В 2002 г. ЦАЭС преобразовано в ЦАС (Центрально-Азиатское сотрудничество). В 2005 г. принято решение об объединении последнего с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС).

1995 г. Заключение Соглашения о ТС между Беларусью, Казахстаном и Россией для либерализации экономического взаимодействия, внедрения принципов добросовестной рыночной конкуренции и ускорения взаимного товарообмена.

1996 г. Подписание Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях в

целях установления более тесного сотрудничества в экономической и правовой сфере и содействия структурным реформам, к которому в 1998 г. присоединится Таджикистан.

1997 г. Подписание Договора о Союзе России и Беларуси с целью координации внешней политики, регулирования вопросов обороны и безопасности, укрепления взаимодействия в области инфраструктуры, на базе которого 08.12.1999 г. учреждено Союзное государство.

1999 г. Подписание Договора о ТС и Едином экономическом пространстве (ЕЭП) между Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном.

В развитие договоренностей, принятых в рамках указанных выше Соглашения о ТС (от 20.01.1995 г.), Договора об углублении интеграции (от 29.03.1996 г.) и Договора о ТС и ЕЭП (от 26.02.1999 г.), в 2000 г. было учреждено ЕврАзЭС в составе Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана. В развитии институциональной среды этого интеграционного объединения необходимо выделить несколько этапов.

В рамках первого этапа были определены ключевые особенности институциональной среды ЕврАзЭС в части подсистемы административно-правовых методов совместного регулирования экономики. Статьей 1 Договора об учреждении ЕврАзЭС от 10.10.2000 г. [1] предусмотрено образование ЕврАзЭС в статусе международной межправительственной организации (далее – ММО). Путем добровольной передачи государствами-членами части своих полномочий органам Сообщества был заложен базис для расширения нормативно-правовой базы этого интеграционного объединения, структура управления которого условно может быть разделена на исполнительную (Межгосударственный Совет, Интеграционный Комитет), законодательную (Межпарламентская Ассамблея) и судебную (Суд Сообщества) ветви власти [109]. По итогам регистрации Договора об учреждении ЕврАзЭС в Секретариате ООН, которая состоялась в 2003 г., Сообщество было официально признано субъектом международного права. Кроме того, важнейшим достижением по части административно-правовых методов совместного регулирования экономики в рамках ЕврАзЭС стал новый порядок

принятия интеграционных решений большинством голосов согласно формальным правилам интеграционного объединения.

Одновременно с подписанием Договора об учреждении ЕврАзЭС президенты участвующих государств приняли совместное заявление, сформулировав основные задачи данного интеграционного объединения, которые впоследствии легли в основу Приоритетных направлений развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы [22]. Данный документ определяет в числе стратегических векторов развития Сообщества сближение и унификацию национального законодательства в широком спектре областей, включая финансовое, таможенно-тарифное и валютное регулирование, налогово-бюджетную, пограничную, социальную и монетарную политику. Большую роль для инициации совместной работы государств-членов по данным направлениям сыграли научно-экспертные советы – постоянно действующие совещательные органы интеграционного объединения. Их членский состав формируется из представителей национальных парламентов, министерств и государственных учреждений, с одной стороны, и заинтересованных специалистов, ученых и участников общественных организаций с соответствующими компетенциями – с другой.

Второй этап развития институциональной среды ЕврАзЭС был ознаменован запуском ТС России, Беларуси и Казахстана с единой таможенной территорией и единым таможенным тарифом (ЕТТ), полноценная работа которого была начата с 01.07.2011 г. Его правовую основу составил трехсторонний Договор о Комиссии ТС (от 12.12.2008 г.) и Договор о Таможенном кодексе ТС (от 21.11.2009 г.). Таким образом, в структуре институциональной среды интеграционного объединения была сформирована подсистема экономических методов совместного регулирования экономики в контексте проведения единой таможенной политики (включая унифицированную систему предоставления преференций и льгот в торговле с наименее развитыми странами, согласованный механизм применения специальных антидемпинговых, защитных и компенсационных мер), а также гармонизации порядка удержания косвенных налогов в торговле между странами.

Данное изменение также качественно отразилось на составе контрольных (надзорных) органов и их полномочиях.

Третий этап институциональных преобразований связан с введением в практику нормативно-правовой базы ТС и ЕЭП, провозгласившей свободу трансграничного движения товаров, услуг, капитала и миграционных потоков. В 2012 г. вступили в силу 17 международных соглашений в отношении ЕЭП, в том числе касательно проведения государствами совместных мероприятий по регулированию экономики в области валютной и макроэкономической политики; общих правил предоставления субсидий промышленным предприятиям, единых принципов проведения госзакупок и др. С того же года на основании соответствующего Договора от 08.11.2011 г. приступила к работе ЕЭК как постоянно функционирующий орган надгосударственного регулирования ТС и ЕЭП (заменила Комиссию ТС).

Примечание – Так, в 2013 г. состоялся переход стран – членов ТС и ЕЭП к проведению согласованной макроэкономической политики на основе экономических индикаторов, включающих размер годового дефицита государственного бюджета и государственного долга, уровень инфляции. При несоответствии национальных показателей установленным ориентирам соответствующим международным соглашением [8] предусмотрено проведение совместных консультаций в рамках контрольных (надзорных) органов (национальных ведомств) в целях выработки предложений по корректировке допущенных отклонений.

Об успешности институциональной трансформации ЕврАзЭС, которая проходила в три этапа (как показано выше), свидетельствуют положительные результаты по устранению следующих институциональных барьеров устойчивого развития региона, сложившихся в рамках предшествующих Сообществу интеграционных объединений (СНГ, ЦАЭС, ТС): 1) неэффективность консенсусного способа принятия решений, позволявшего их странам-членам блокировать инициативы сотрудничества с высоким экономическим потенциалом в стремлении исключительно следовать национальным интересам; 2) отсутствие формальных правил интеграционного объединения, наделяющих его органы координационными функциями, что препятствовало реализации совместных мероприятий по регулированию экономики (включая единую политику в

отношении внешней торговли) по части игнорирования интересов партнеров при самостоятельном проведении сторонами переговоров с третьими странами и международными организациями; 3) различие в организационно-правовых механизмах внедрения достигнутых на межгосударственном уровне договоренностей в национальные законодательства, что приводило к невозможности сближения последних вследствие несогласованности принимаемых национальными структурами решений в области социально-экономической и приграничной политики с органами ЕврАзЭС; 4) отсутствие санкций к сторонам-нарушителям и, как следствие, возможность игнорирования ими принятых международных обязательств; 5) недостаточно высокий юридический статус организаций, что не позволяло им играть роль полноправных акторов международных экономических отношений и противостоять политическому давлению извне со стороны других интеграционных объединений и ММО.

Между тем, несмотря на определенные достижения, полученные в ходе интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭС (см. примечания), инициатива дальнейшего углубления экономического сотрудничества между Беларусью, Казахстаном и Россией (на основании подписанной в 2011 г. Декларации о евразийской экономической интеграции) в рамках ЕЭП, начало работы которого было намечено на 01.01.2012 г., тормозилась рядом факторов, обусловленных особенностями институциональной среды интеграционного объединения.

Примечания

1 По инициативе России и Казахстана на основании межгосударственного соглашения от 12.01.2006 г. с целью финансирования проектов в экономических отраслях, обладающих сильным интеграционным эффектом, был основан ЕАБР. С 2009 г. к ЕАБР присоединились Армения и Таджикистан, позднее также Беларусь и Кыргызстан.

2 В рамках Антикризисного фонда ЕврАзЭС, учрежденного главами Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана в 2009 г., ряду стран были выделены стабилизационные кредиты на восстановление национальных экономик. В 2015 г. фонд был реорганизован в Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР). Его основная задача заключается в оказании содействия государствам-членам в поддержании долгосрочной экономической и финансовой стабильности. Управление денежными ресурсами ЕФСР осуществляет ЕАБР, направляя их на предоставление: 1) финансовых кредитов центральным правительствам по реализации стабилизационных программ в государствах-членах, испытывающих дефицит бюджета или платежного баланса; 2) инвестиционных кредитов

правительствам или компаниям на реализацию масштабных национальных проектов; 3) грантов для финансирования государственных социальных программ и др.

Резкий рост объема взаимной торговли между странами – членами ТС и ЕЭП в 2010–2011 гг. (+33,9%) был вызван эффектом низкой базы и сменился его замедлением в 2012 г. (+7,5%) [98]. В связи с прекращением действия эффекта «создания торговли» после запуска ТС для Беларуси, Казахстана и России в 2013 г. период замедления темпов роста перешел в спад, когда сокращение объемов взаимного товарооборота в ТС и ЕЭП составил -4,9% по сравнению с 2012 г. [98]. При этом, опираясь на данные упомянутого исследования [98; 109], представляется возможным выделить противоречия процесса либерализации торговли между тремя странами: 1) снижение товарооборота происходило в основном за счет ценового параметра, что подтверждается данными индекса физического объема взаимной торговли; 2) структура поставки товаров на общий рынок ТС и ЕЭП имела разнонаправленный характер: формирование ТС главным образом привело к наращиванию торговли России и Беларуси энергетическими ресурсами, алкоголем и табачными изделиями, в то время как на долю российско-казахской и казахско-белорусской торговли соответственно приходилось 33,3% и 1,5% объема взаимной торговли; большую часть в структуре двухсторонних поставок занимал экспорт товаров из России в Беларусь и Казахстан, а также поток белорусских товаров в Казахстан; 3) межрегиональная интеграция оказалась неспособной выйти за пределы крупных импортно-экспортных компаний по причине отсутствия системообразующих проектов, активизирующих развитие трансграничной кооперации на уровне предприятий малого и среднего бизнеса. Усилению этих явлений служила рассогласованность прямых и косвенных методов фактического управления экономикой, включая различные подходы к макроэкономическому регулированию, неразвитость механизмов реализации межгосударственных целевых программ, различные принципы функционирования валютно-финансовых систем (далее – ВФС).

Исходным пунктом в поиске альтернативных путей развития ННГ стал мировой финансово-экономический кризис рубежа 2008–2009 гг. В контексте

запуска ТС и ЕЭП, совместными усилиями России, Беларуси и Казахстана, формирующими новую инициативу интеграционных процессов, в течение 2010–2014 гг. был заложен фундамент для углубления экономического сотрудничества. С учетом проявленного интереса к увеличению степени интеграции с евразийским регионом в 2011 г. Межгосударственный Совет решил положить начало присоединения Кыргызской Республики к ТС и ЕЭП, в 2013 г. была одобрена инициатива включения Республики Армении в состав ТС и ЕЭП.

Новая концепция реализации интеграционного потенциала нашла отражение в Договоре о ЕАЭС (далее – ДЕАЭС), подписанном 29.05.2014 г. в Астане лидерами Беларуси, России и Казахстана и вступившим в силу 01.01.2015 г. (с упразднением ЕврАзЭС). Армения и Кыргызстан официально вошли в состав ЕАЭС соответственно 02.01.2015 г. и 12.08.2015 г. Активная работа над Договором велась в 2012–2014 гг., в переговорах по его доработке участвовали более 700 специалистов из стран-членов [172]. ДЕАЭС представляет собой международный учредительный договор, который систематизирует наибольшую часть нормативно-правовой базы ТС и ЕЭП, отвечает общепризнанным нормам международного права (в том числе целям и принципам Устава ООН), а также полностью соответствует Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 г. [152, с. 63].

В соответствии со ст. 4 ДЕАЭС, целями Союза являются [2]: 1) создание условий для стабильного развития экономик стран-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; 2) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и труда; 3) всесторонняя модернизация, кооперация и рост конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Согласно ст. 8 ДЕАЭС [2], в рамках Союза осуществляют деятельность следующие органы: Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС), Евразийский межправительственный совет (ЕМПС), ЕЭК, Суд ЕАЭС.

Правовую основу функционирования интеграционного объединения по убыванию юридической силы составляют: 1) ДЕАЭС; 2) международные

соглашения, заключенные между странами ЕАЭС; 3) международные договоры ЕАЭС с третьей стороной; 4) распоряжения и решения ВЕЭС, ЕМПС и ЕЭК.

В контексте изучения институциональной среды ЕАЭС, которому будет посвящен следующий раздел диссертации, необходимо отметить, что по своей правовой природе Союз обладает всеми признаками, которые служат основанием для выделения его в отдельную группу ММО, именуемых РОЭИ. Вместе с тем, принимая во внимание опыт развития многостороннего межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве в период 1991–2013 гг., представляется возможным сформулировать следующие вызовы, стоящие перед странами – членами ЕАЭС в контексте развития институциональной среды этого интеграционного объединения.

Во-первых, участие всех пяти стран в реализации целей ЕАЭС. Опыт интеграции СНГ и ЕврАзЭС (см. примечания) показал, что достижение согласованности внешнеполитических курсов стран – членов интеграционного объединения, рассматриваемой в качестве базиса для выравнивания уровней экономико-технологического развития, требует соблюдения принципов равенства и равноправия при утверждении решений на наднациональном уровне, в рамках которых учитываются национальные интересы государств при сохранении их суверенитета.

Примечания

1 Неэффективность органов СНГ (исполнение решений которых не носило обязательный характер) повлекла переориентацию политического и экономического сотрудничества на третьи государства. Нескоординированность внешнеэкономической, финансовой, монетарной, бюджетной политик послужила деструктивным фактором для взаимного товарооборота. В связи с этим интеграция рассматривалась исключительно с позиции гарантирования национальной безопасности и приобрела характер «цивилизованного развода» [80, с. 418–429].

2 Невозможность сформировать ЕТТ ЕврАзЭС была обусловлена отсутствием консенсусных позиций сторон по вопросам условий членства стран Сообщества во Всемирной торговой организации (ВТО). Это не позволило странам «пятерки» вести единую таможенно-тарифную политику, необходимую для построения общего рынка и поддержания экономической безопасности региона. Киргизская Республика присоединилась к ВТО в 1998 г. на условиях низких ставок импортных таможенных пошлин. По состоянию на 2005 г. [109] национальный тариф Кыргызстана совпадал с ЕТТ ЕврАзЭС на 33%. Переговоры о вступлении Таджикистана в ВТО начаты в 2001 г. – также до образования ТС. В 2005 г. уровень унификации таджикского таможенного тарифа с ЕТТ ЕврАзЭС составил 73% [109].

Во-вторых, снижение роли средне- и низкотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности, функционирующих за счет иностранных технологий в обеспечении экономического роста. Подъем большинства национальных экономик на пространстве бывшего СССР был обеспечен поставками на внутренний рынок. Устойчивое сокращение расходов в области НИОКР на протяжении 1991–2005 гг., а также отсутствие должного финансирования предприятий, выпускающих высокотехнологичные инновационные продукты, привело к доминированию сферы услуг, доля которой в отраслевой структуре ВДС СНГ по состоянию на 2005 г. составила 48,7% [54, с. 64–67].

Примечание – Основу производственных цепочек в рамках СССР составляло единство инфраструктурных систем и межреспубликанская специализация на производстве отдельных видов продукции на базе территориально-производственных комплексов. Получателями бюджетных средств выступали, прежде всего, отстающие по уровню развития республики. Цель по сдерживанию темпов экономического спада за счет сохранения взаимозависимости во всех областях общественной жизни, сложившейся в рамках единой системы хозяйства, обусловила внешнеэкономическое сотрудничество между ННГ в условиях рыночной трансформации. Отсутствие бюджетного финансирования спровоцировало дефицит ресурсов и скачок трудовой миграции.

В-третьих, налаживание перспективных связей с третьими странами, в том числе за счет учреждения двусторонних и многосторонних ЗСТ (как базис для всеобъемлющих торгово-экономических соглашений). Целями развития нормативно-правовой базы интеграционного объединения в данном контексте являются встраивание в межрегиональные и глобальные производственно-технологические цепочки, содействие экспорту товаров и услуг за пределы региона, привлечение ПИИ, сотрудничество в сфере науки и техники.

Примечание – Так, одним из факторов снижения эффективности интеграционных процессов послужила слабость технологических внешних связей стран – членов СНГ. В то же время открытие доступа к бюджетным средствам, капиталу и технологиям крупных ТНК послужило одной из причин ускорения темпов экономического роста государств Прибалтики с момента вступления в ЕС.

Таким образом, успешность реализации стратегических целей, определенных государствами-членами на конкретный период времени, зависит от текущего выбора методов и инструментов совместного регулирования экономики (и формируемых ими социально-экономических условий для взаимодействия экономических агентов в соответствующих сферах общественных отношений) на основе учета внутренних и внешних факторов и их изменений. При формировании (совершенствовании, развитии) институциональной среды применительно к интеграционным процессам необходимо учитывать, что административно-правовые и экономические методы регулирования в своем системном взаимодействии определяют количественные социально-экономические показатели успешности деятельности интеграционного объединения и в целом возможности его дальнейшего практического функционирования.

2.2 Институциональная среда ЕАЭС в современных условиях

Выявление современного состояния институциональной среды ЕАЭС предполагает анализ ее параметров в терминах сформулированной нами модели структуры институциональной среды интеграционного объединения (см. разд. 1.2).

Для идентификации элементов институциональной среды ЕАЭС в части подсистемы экономических методов совместного регулирования экономики целесообразно проводить исследование финансового механизма данного интеграционного объединения. Финансовый механизм ЕАЭС представляет собой совокупность методов и инструментов реализации государствами-членами совместного регулирования экономики, функционирующих в целях аккумуляции, зачисления и эффективного использования денежных фондов интеграционного объединения [187, с. 63]. Его юридическую основу составляет

нормативно-правовая база Союза, санкционирующая формальные правила ЕАЭС, которые регламентируют состав и полномочия органов по контролю (надзору) за реализацией государствами соответствующих финансовых методов и инструментов. Структура финансового механизма ЕАЭС представлена на рисунке 5.

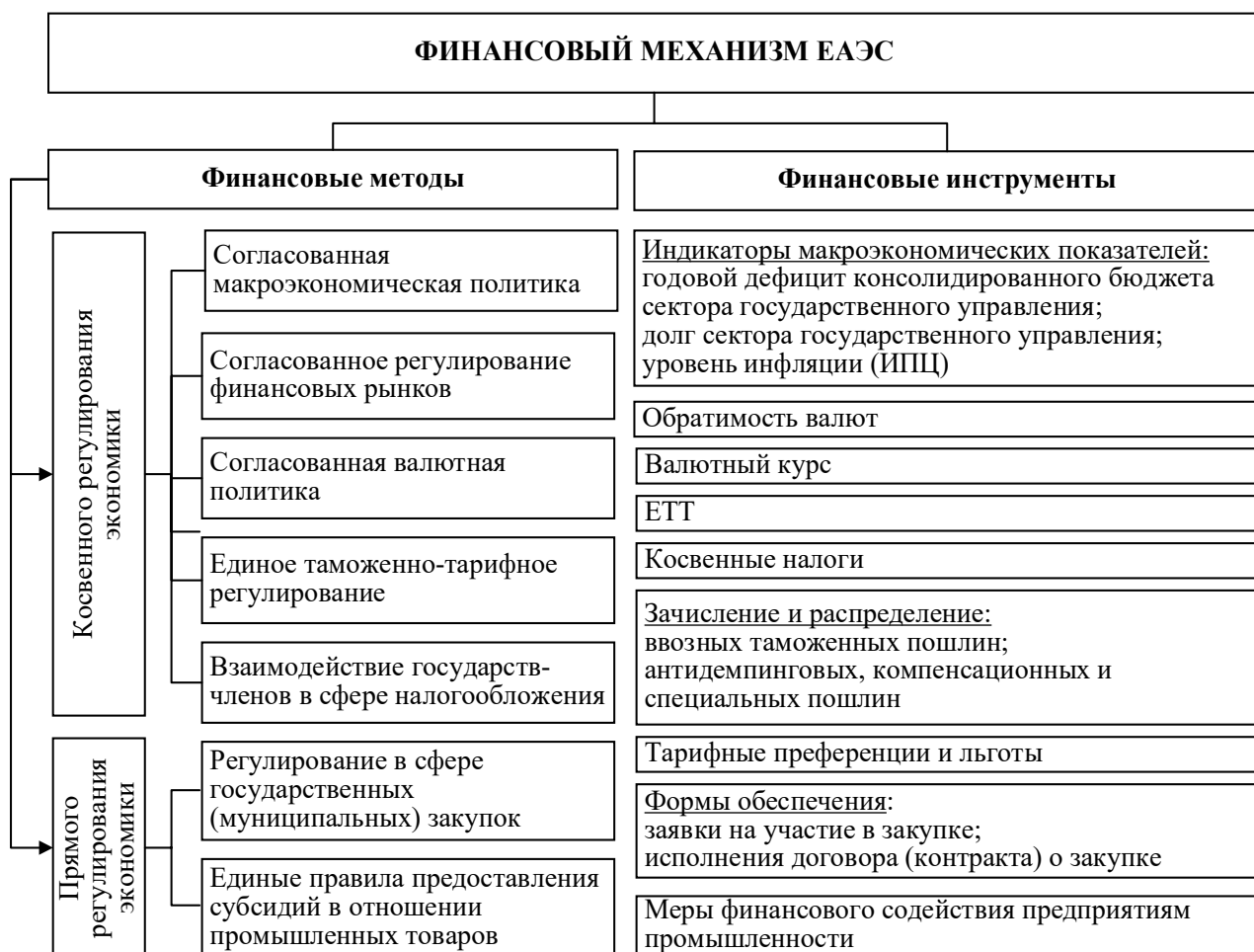

Рисунок 5 – Структура финансового механизма ЕАЭС

Примечание – Составлено автором по: [2].

Централизованные денежные фонды представлены единым бюджетом ЕАЭС, а также финансовыми средствами институтов развития. Валютой расчета бюджета ЕАЭС является российский рубль. Пополнение единого бюджета осуществляется за счет долевых взносов стран ЕАЭС, шкала которых установлена соответствующим Решением ВЕЭС [23], согласно нормам распределения сумм таможенных пошлин при внешнем импорте. Расходы бюджета ЕАЭС

направляются: 1) на финансирование деятельности наднациональных органов ЕАЭС; 2) научно-исследовательские работы; 3) обеспечение работы интегрированной информационной системы (далее – ИИС) ЕАЭС; 4) проведение заседаний ВЕЭС, ЕМПС, Совета ЕЭК. Внебюджетные фонды ЕАБР и ЕФСР обеспечивают финансовую поддержку процессов интеграции на евразийском пространстве и формируются за счет долевых взносов его государств-участников в валюте США.

Децентрализованные денежные фонды интеграционного объединения представлены: 1) государственными бюджетами, целевыми бюджетными фондами и государственными внебюджетными фондами стран ЕАЭС; 2) денежными фондами юридических лиц; 3) фондами денежных средств (активами) физических лиц.

Согласно ДЕАЭС, интеграционное сотрудничество на евразийском пространстве осуществляется в рамках реализации государствами ЕАЭС совместных мероприятий по регулированию экономики в следующих форматах: 1) единой политики, основанной на унификации национального законодательства в рамках идентичных механизмов правового воздействия; 2) согласованной политики, проводимой за счет сближения (гармонизации) принципов регулирования; 3) скоординированной политики, в рамках которой сотрудничество выстраивается на базе подходов, согласованных органами Союза.

В соответствии с разд. XIII ДЕАЭС, государства-члены реализуют согласованную макроэкономическую политику, формируемую рамками значений показателей устойчивости экономики (ст. 63 ДЕАЭС) [2]: 1) уровень дефицита государственного консолидированного бюджета – не выше 3% ВВП; 2) государственный долг – до 50% ВВП; 3) годовое значение индекса потребительских цен в размере, не превышающем более чем на 5% минимальный уровень инфляции в интеграционном объединении. Макроэкономическое регулирование осуществляется органами государств – членов ЕАЭС. Координация согласованной макроэкономической политики возложена на ЕЭК, которая, согласно ст. 4 Прил. № 14 к ДЕАЭС: 1) контролирует индикаторы уровня и

динамики экономического развития, показатели интеграции (ст. 5 Прил. № 14 к ДЕАЭС) и макроэкономические показатели устойчивости (ст. 63 ДЕАЭС); 2) разрабатывает основные направления и ориентиры экономической политики стран – членов ЕАЭС; 3) вырабатывает предложения по совместным мерам, направленным на стабилизацию экономической ситуации; 4) осуществляет справочное прогнозирование социально-экономического развития ЕАЭС; 5) проводит анализ мер согласованной макроэкономической политики на предмет их адекватности приоритетам национальной политики и др.

Цели и принципы согласованного регулирования финансовых рынков включают (п. 1 ст. 70 ДЕАЭС): 1) обеспечение недискриминационного доступа на союзные финансовые рынки; 2) обеспечение защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг; 3) создание условий для взаимного признания лицензий; 4) определение подходов к риск-ориентированному финансовому регулированию; 5) составление перечня требований к надзору за деятельностью участников валютно-финансового рынка (далее – ВФР) и т.д. В некоторых подсекторах финансовых услуг для поставщиков из ЕАЭС действует национальный режим и «режим наибольшего благоприятствования» (Прил. № 1 и Прил. № 2 к Прил. № 17 к ДЕАЭС).

Раздел XIV ч. III ДЕАЭС определяет следующие принципы проведения согласованной валютной политики: 1) поэтапная гармонизация и сближение подходов к проведению валютной политики в соответствии с текущими макроэкономическими параметрами интеграции; 2) создание адекватной национальной и межгосударственной организационно-правовой среды в валютной сфере; 3) неприменение (или минимизация последствий) действий, оказывающих негативное воздействие на развитие интеграционного сотрудничества; 4) укрепление доверительного отношения к национальным валютам на внутреннем и международном рынках. Мерами согласованной валютной политики, согласно разд. II п. 3 Прил. № 15 к ДЕАЭС, являются: 1) координация курсовой политики; 2) обеспечение свободной обратимости валют государств-членов по текущим и капитальным статьям платежного баланса; 3) повышение ликвидности

национальных валютных рынков; 4) создание интегрированного валютного рынка (далее – ИВР) и т.д.

Вопросы регулирования в области ВФР стран ЕАЭС (ст. 70 ДЕАЭС), валютного регулирования и контроля (ст. 64 ДЕАЭС) относятся к деятельности Консультативного комитета по финансовым рынкам при ЕЭК, основные функции которого включают: 1) подготовку рекомендаций для ЕЭК по сближению национальных законодательств в сфере банковского, страхового и фондового рынка, в сфере регулирования и либерализации валютных правоотношений; 2) проведение консультаций с представителями стран ЕАЭС по соответствующим вопросам; 3) разработку предложений для ЕЭК по стимулированию взаимной торговли финансовыми услугами, внутреннего инвестирования и созданию общего финансового рынка (далее – ОФР) ЕАЭС. При Комитете функционирует Рабочая группа (далее – РГ) в области валютного регулирования и валютного контроля в рамках ЕАЭС, главной задачей которой является выработка предложений: 1) по областям сближения валютного законодательства стран ЕАЭС и санкций за его нарушение, механизмов учета и контроля за валютными транзакциями; 2) развитию обмена информацией между национальными уполномоченными органами; 3) проведению аналитико-методологической работы ЕЭК и др.

Непосредственное руководство валютно-финансовой деятельностью и валютный контроль на евразийском пространстве осуществляют органы государственной власти (управления) (Армения, Беларусь, Казахстан, Россия), а также национальные (центральные) банки стран ЕАЭС, которые различаются по правовому статусу и по функционалу. Центральные (национальные) банки Казахстана и Беларуси подотчетны Президентам (в статусе государственных органов), других государств ЕАЭС – Парламенту (как независимые организации, выполняющие функции государственных органов). Национальный банк Республики Беларусь не наделен статусом мегарегулятора. Макропруденциальный надзор проводится российским и казахским мегарегулятором; армянский, белорусский и киргизский национальные (центральные) банки оценивают

системные риски и предлагают меры по их нейтрализации в рамках ежегодного мониторинга стабильности ВФР [196].

Наряду с ДЕАЭС, основу евразийской нормативно-правовой базы в области финансов составляют: 1) международные договоры в рамках ЕАЭС (в том числе Соглашение о гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере финансового рынка от 06.11.2018 г. (вступило в силу с 01.03.2020 г.), Соглашение об обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Союза от 20.07.2021 г. (вступило в силу 26.02.2023 г.) и др.); 2) соответствующие решения и распоряжения ВЕЭС, ЕМПС и ЕЭК (в частности, решение ВЕЭС от 01.10.2019 г. о Концепции формирования ОФР ЕАЭС, распоряжение Совета ЕЭК от 23.11.2020 г. о плане мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере финансового рынка и т.д.).

В рамках согласованного регулирования финансовых рынков и согласованной валютной политики определены ЕТП в качестве основы ОФР ЕАЭС. Их функционирование регламентируется действующими международными нормативно-правовыми актами (далее – МНПА), что показано в таблице 12.

Соглашение [13] устанавливает требование к обмену сведениями, содержащимися в пассажирской таможенной декларации, между государственными уполномоченными органами в случае перемещения физическими лицами через таможенную границу ЕАЭС наличных денежных средств на сумму, превышающую 10 тыс. долл. США, и прочих денежных инструментов в документарной форме (векселя, чеки, ценные бумаги на предъявителя). Декларация также содержит сведения о физическом лице – декларанте и владельце денежных средств, о вывозимых (ввозимых) наличных денежных средствах, дорожных чеках и ценных бумагах, сведения о происхождении денежных инструментов и их предполагаемом использовании.

Таблица 12 – Нормативная база функционирования действующих ЕТП ЕАЭС в сфере валютно-финансовых отношений

Наименование ЕТП	Документ	Статус документа
Интегрированная информационная система	Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала	Заключен в Москве 23.12.2014 г. Вступил в силу 21.10.2016 г.
	Соглашение о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй, в рамках Евразийского экономического союза	Заключен в Москве 21.12.2021 г. Вступил в силу 19.06.2023 г.
	Соглашение об обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Союза	Заклучен в Москве 20.07.2021 г. Вступил в силу 26.02.2023 г.
Интегрированный валютный рынок	Соглашение о сотрудничестве в области организации интегрированного валютного рынка государств – членов Евразийского экономического сообщества	Заклучен в Санкт-Петербурге 25.01.2006 г. Вступил в силу 15.01.2007 г.
	Приложение № 15 к Договору о Евразийском экономическом союзе «Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики»	Заклучен в Астане 29.05.2014 г. Вступил в силу 01.01.2015 г.
Общее платежное пространство	Решение ВЕЭС от 01.10.2019 г. № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза»	Вступил в силу 01.10.2019 г.
Примечание – Составлено автором.		

Согласно ст. 3 Соглашения об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала [9], финансовые регуляторы обеспечивают доступ на официальных интернет-источниках к следующей информации: 1) о проектах нормативно-правовых документов, затрагивающих вопросы деятельности финансовых организаций и оказания финансовых услуг; 2) зарегистрированных финансовых организациях и ТНК; 3) об активах, обязательствах, собственном капитале банковских и страховых организаций; 4) объеме страховых резервов, страховых премий и выплат в целом по рынку страхования; 5) о количестве и размере сделок по ценным бумагам эмитентов одного государства-члена, допущенным к обращению на

организованных фондовых рынках других союзных государств. Важным требованием Соглашения (ст. 5) является проведение уполномоченными органами финансового контроля и надзора государств ЕАЭС взаимных консультаций по некоторым вопросам в сфере финансового рынка, включая направления гармонизации законодательств государств с учетом международного опыта, развитие систем защиты прав и интересов потребителей финансовых услуг и инвесторов, оценку рисков, содействие повышению финансовой грамотности населения и т.д. В целях защиты прав участников ОФР определены области межстранового обмена информацией, в частности в отношении выявленных нарушений и злоупотреблений на финансовом рынке, по результатам проверок в отношении ТНК, надзору и контролю за соблюдением финансовыми организациями пруденциальных нормативов, применяемым санкциям и мерам воздействия применительно к родительской (материнской) компании и их руководителям и др.

Соглашение о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй [15], разработано с целью защиты финансовых организаций от недобросовестных заемщиков и обеспечения равных условий для потребителей кредитных продуктов в рамках ЕАЭС. В широком смысле документ определяет регламент взаимодействия между уполномоченными организациями государств-членов, а также полномочия финансовых регуляторов по надзору за трансграничным обменом кредитными отчетами. Трансграничный обмен сведениями осуществляется в отношении следующей информации (ст. 4): 1) заявления о предоставлении кредитного отчета; 2) разрешения субъекта кредитной истории или информации о его наличии согласно национальному законодательству принимающего государства; 3) кредитного отчета; 4) документации, содержащей данные об оспаривании сведений, составляющих кредитные истории. Список пользователей кредитной истории подлежит утверждению Советом ЕЭК и формируется им по итогам рассмотрения предложений, поступивших от уполномоченных органов.

В феврале 2013 г. для государств ЕЭП был запущен ИВР ЕврАзЭС, который представляет собой совокупность национальных валютных рынков стран ЕАЭС и Таджикистана, работающих на основе общих принципов и механизмов государственного регулирования [7]. Разделом II Прил. № 15 к ДЕАЭС установлены следующие параметры развития ИВР: 1) осуществление межбанковских конверсионных операций в рамках валютных рынков ЕАЭС на равных условиях для банков-резидентов и нерезидентов; 2) создание условий для размещения валютных активов стран-членов в национальные валюты других государств – участников ЕАЭС; 3) содействие взаимным расчетам между резидентами государств ЕАЭС в национальных валютах; 4) обеспечение прямых котировок национальных валют и др. Участие кредитных учреждений, зарегистрированных в странах ЕАЭС, в валютных торгах на базе национальной лицензии обеспечивается фондовыми биржами MOEX (Россия), BCSE (Беларусь), KASE (Казахстан) и AMX (Армения). Участниками торгов на KSE (Кыргызстан) являются организации, имеющие лицензию по осуществлению брокерской (дилерской) деятельности на фондовом рынке ценных бумаг Кыргызстана. Валюты всех стран ЕАЭС в настоящее время торгуются на валютном рынке MOEX, а именно: казахский тенге (KZT), белорусский рубль (BYR), армянский драм (AMD) (с июня 2022 г.), а также киргизский сом (KGS) (с октября 2022 г.). В январе этого года Белорусская валютно-фондовая биржа наряду с прямыми взаимными котировками российского рубля (RUB) и национальной валюты запустила торги валютными парами KZT/BYR и RUB/KZT. На фондовых биржах остальных стран – членов ЕАЭС развита торговля только российским рублем.

Создание общего платежного пространства (далее – ОПП) нацелено на улучшение доступности и надежности финансовых услуг для населения, снижение затрат, связанных с финансовыми операциями. В соответствии с Концепцией формирования ОФР ЕАЭС [31], сотрудничество в области этого технологического сегмента осуществляется согласно действующим двусторонним соглашениям между национальными платежными системами государств ЕАЭС, контролируемые национальными (центральными) банками стран-членов.

Объединение инфраструктур платежных платформ России и Армении, Кыргызстана и Беларуси реализовано на технологической базе Национальной системы платежных карт (НСПК). В августе 2017 г. был дан старт принятия карт «Мир» в инфраструктуре ArCa (Армения). В Запущены трансграничные денежные переводы с карт «Мир» на карты платежных систем «Элкарт» (Кыргызстан) с июня 2020 г. и «Белкарт» (Беларусь) с июля 2021 г. В Казахстане эмиссия карт «Мир» была запущена Сбербанком в августе 2022 г. Между тем с ноября 2022 г. решением ряда армянских, казахских и киргизских банков был приостановлен прием и обслуживание карт «Мир» по причине введения США санкций (см. подробнее разд. 2.3) в отношении директора НСПК; данное событие не затронуло лишь белорусские банки, обязанные (по указу Национального банка от января 2022 г.) принимать карты «Мир» в системе «Белкарт». С конца 2022 г. вновь был дан стимул развитию ОПП с использованием возможностей системы быстрых платежей (далее – СБП). Пилотные проекты по запуску трансграничных переводов через СБП физическими лицами в Беларусь и другие страны ЕАЭС были реализованы, соответственно, в декабре 2022 г. и июне 2023 г. С ноября 2023 г. был дан старт безналичным переводам денежных средств из России в Белоруссию и Кыргызстан по СБП.

Примечание – Банки Казахстана получили разрешение от Министерства финансов США на проведение операций по картам «Мир» в декабре 2022 г.

Разделом XVII ДЕАЭС установлены следующие принципы взаимодействия в сфере налогообложения: 1) принцип страны назначения при взимании косвенных налогов, предусматривающий применение ставки НДС 0% и (или) освобождение от уплаты акцизов при экспорте товаров, а также их налогообложение при импорте (согласно Прил. № 18 к ДЕАЭС); 2) принцип недискриминации, в соответствии с которым взимание налогов, а также иных сборов и платежей осуществляется таким образом, чтобы в государстве-члене, на территории которого осуществляется реализация товаров других государств-членов, обеспечить налогообложение, не менее благоприятное в сравнении с

налогообложением, «применяемым этим государством-членом при тех же обстоятельствах в отношении аналогичных товаров, происходящих с его территории» [2]. При этом ставки косвенных налогов, которыми облагаются товары взаимного импорта, не должны превышать размер налога, применяемого в отношении аналогичных товаров при их реализации на территории этой страны-члена (п. 5 ст. 72 ДЕАЭС). Налоговая сфера экономики регулируется налоговыми органами государств-членов с учетом их обязательств в рамках ЕАЭС. Отдел налоговой политики в структуре ЕЭК осуществляет выработку рекомендаций по вопросам сближения национального налогового законодательства стран – членов ЕАЭС. Выработка единых подходов к взиманию косвенных налогов в торговле внутри ЕАЭС и к развитию информационного обмена между национальными налоговыми органами, вопросы совершенствования актов права ЕАЭС в области налогообложения относятся к компетенции Консультативного комитета по налоговой политике и администрированию.

Единое таможенное регулирование предусмотрено ст. 32 ДЕАЭС. Нормативно-правовая база в данной сфере также включает: 1) Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) от 11.04.2017 г. (вступивший в силу с 01.01.2018 г.); 2) международные соглашения, заключенные в рамках ТС и ЕЭП; 3) нормативные акты органов Союза. Большой круг полномочий по администрированию таможенно-тарифных правоотношений ТК ЕАЭС отнесен к компетенции ЕЭК (ст. 45 ДЕАЭС), включая: 1) ведение единой товарной номенклатуры и ЕТТ ЕАЭС; 2) установление нормативов таможенных пошлин при импорте, порядка предоставления и применения тарифных льгот; 3) утверждение единого механизма тарифного преференцирования; 4) определение тарифных квот и распределение их размеров между странами ЕАЭС, участниками внешнеторговой деятельности и третьими странами (при необходимости). Список чувствительных товаров, в отношении которых изменяются ставки ввозной таможенной пошлины, утверждается ВЕЭС. Перечень функций национальных таможенных органов регламентируется ст. 351 ТК ЕАЭС.

Согласно Соглашению о проведении совместных контрольных мероприятий по соблюдению порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, их перечисления в доход бюджетов государств ЕАЭС [14] предусмотрена реализация ежегодной проверки соблюдения положений Прил. № 5 к ДЕАЭС высшими государственными органами в области финансового контроля (Аудиторской палатой Армении, Комитетом государственного контроля Беларуси, Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Казахстана, счетными палатами Кыргызской Республики и Российской Федерации). Совместные контрольные мероприятия проводятся с целью проверки исполнения нормативов, а также контроля полноты и своевременности перечисления таможенных пошлин при внешнем импорте ЕАЭС, подлежащих распределению между страновыми бюджетами, на счета национальных уполномоченных органов ЕАЭС. Результаты совместного контрольного мероприятия подлежат оформлению в сводном отчете, который направляется в адрес правительств государств-членов и ЕЭК для размещения на официальных сайтах ЕАЭС и высших государственных органов в области финансового контроля в сети Интернет. Сводный отчет содержит регламент устранения нарушений и принятия уполномоченными органами стран ЕАЭС мер по обеспечению реализации указанных рекомендаций с последующим (по их итогам) взаимным обменом информацией между государственными органами и ЕЭК.

Регулирование государственных закупок в ЕАЭС осуществляется на основе целей и принципов, установленных ст. 88 ДЕАЭС, включая [2]: 1) обеспечение национального режима в сфере закупок для стран ЕАЭС; 2) взаимное признание государствами-участниками электронной цифровой подписи; 3) гарантирование наличия контрольных и регулирующих органов государственной власти применительно к сфере закупок; 4) установление юридической ответственности за нарушение экономическими агентами норм национального законодательства о закупках и др. В числе приоритетов развития этой сферы в рамках ЕАЭС определено сближение союзного законодательства его стран-членов, в связи с чем в 2019 г. при Коллегии ЕЭК был создан Консультативный комитет по

государственным (муниципальным) закупкам, проводящий консультации по тематике разрешения актуальных проблем правоприменения, внесения поправок в законодательства стран-членов и МНПА ЕАЭС в сфере государственных (муниципальных) закупок, подготавливающий предложения по разработке проектов международных соглашений и прочих правовых документов для развития закупочной деятельности и т.д.

Приложение № 25 к ДЕАЭС определяет критерии регулирования закупок, в том числе требования к содержанию правовых актов стран – членов ЕАЭС в отношении [2]: 1) способов и механизмов проведения закупок; 2) состава реестра сведений о недобросовестных поставщиках; 3) способов (видов) обеспечения заявки на участие в закупке; 4) содержания документации и договора (контракта) о закупке; 5) обеспечения открытости информации и прозрачности закупок; 6) планирования закупок; 7) состава компетенций уполномоченных органов власти в сфере закупок; 8) порядка организации и проведения конкурса; 9) перечня случаев осуществления закупок у единственного поставщика (источника) и путем проведения запроса предложений; 10) списка товаров (работ, услуг) для проведения закупок путем аукциона и др. Между тем ДЕАЭС не распространяет действие на закупки, информация о которых представляет гостайну.

Согласно ст. 18 Прил. № 25 к ДЕАЭС, размеры обеспечения заявки гарантирования исполнения договора о закупке устанавливаются в диапазоне 0–5% и 0–30% от его начальной цены соответственно [2], обеспечение должно быть представлено не менее чем двумя способами (обязательно включая гарантийный денежный взнос и банковскую гарантию, требования к которым устанавливаются законодательством государств-членов).

Раздел III Прил. № 25 ДЕАЭС фиксирует право государств-членов на введение в одностороннем порядке изъятий из национального режима на срок менее 2 лет (включительно) при предварительном уведомлении о таком решении Комиссии и других стран ЕАЭС. Установлено, что ЕЭК вправе вынести решение об отмене правового акта об установлении изъятий в течение года с момента вступления его в силу. В случае необеспечения государством отмены

соответствующих изъятий в срок до 2 месяцев, каждая из других стран – партнеров ЕАЭС обладает правом не распространять на него свой национальный режим.

Примечание – В странах ЕАЭС регулирование и контроль в сфере закупок (включая рассмотрение жалоб, мониторинг и выявление правонарушений, принятие мер по их устранению, актуализацию реестра недобросовестных поставщиков и др.) в настоящее время осуществляют: Федеральная антимонопольная служба, Министерство экономического развития (Россия), Министерство антимонопольного регулирования и торговли (Беларусь), Министерство финансов (Армения, Казахстан, Кыргызстан).

В соответствии со ст. 93 ДЕАЭС, в рамках Союза действуют общие правила субсидирования в отношении промышленных товаров, а также услуг, связанных с их производством, продажей и потреблением [2]. Для этих целей субсидирующий орган (структура) государства – члена ЕАЭС может оказывать финансовое содействие предприятиям, в том числе посредством: 1) прямого перевода денежных средств; 2) приобретения или увеличения доли в уставном капитале; 3) обязательств по переводу денежных средств; 4) освобождения от платежей (налоговые льготы, отмена пошлин и пр.); 5) предоставления товаров (услуг); 6) приобретения промышленных товаров и др. Требования к предоставлению различных видов субсидий и к введению компенсирующих и ответных мер предусмотрены Прил. № 28 к ДЕАЭС. В отношении предоставления субсидий ЕЭК наделена следующими контрольными функциями: 1) мониторинг и сравнительное исследование актов национального права на предмет соответствия требованиям ДЕАЭС; 2) ежегодная подготовка отчетов о соблюдении странами положений союзного законодательства; 3) организация консультаций касательно проблем сближения и унификации законодательства; 4) принятие решений об обязательствах государств ЕАЭС в области специфических субсидий.

Механизмом решения задач по разработке инновационной продукции и внедрению передовых технологий в промышленное производство являются межгосударственные программы и проекты. В отсутствие совместной схемы финансового обеспечения реализации программ и проектов промышленной кооперации государства – члены ЕАЭС самостоятельно осуществляют выбор

источников их финансирования, что предусмотрено ст. 92 ДЕАЭС [2]. Таковыми могут выступать как средства национальных бюджетов, так и привлекаемые внебюджетные средства (включая собственный и заемный капитал организаций, средства фондов и общественных организаций и др.).

Финансирование мегапроектов с максимальным потенциалом влияния на усиление интеграционных связей между странами-членами и устойчивого развития их национальных экономик является одним из стратегических приоритетов ЕАБР на 2022–2026 гг. [185]. Согласно Стратегии Банка, такие проекты реализуются по трем векторам: 1) развитие трансграничных коридоров трубопроводного, сухопутного и мультимодального транспорта (в направлениях «Европа – Западный Китай», «Север – Юг»); 2) обеспечение сквозных товаропроводящих сетей (в том числе распределительно-оптовых и логистических центров); 3) модернизация регионального комплекса воды и энергетики.

Административно-правовые методы совместного регулирования экономики, которые не находят непосредственного отражения в финансовом механизме ЕАЭС, но являются элементами его институциональной среды, включают квотирование и лицензирование внешнеторговой деятельности, контроль над ценами, методы наднационального правового регулирования.

ДЕАЭС (ст. 44) предусматривает регулирование импортных поставок в ЕАЭС из третьих стран в отношении сельскохозяйственных товаров, аналоги которых производятся на его таможенной территории, путем установления тарифных квот. Порядок установления и распределения объемов тарифных квот изложен в Прил. № 6 к ДЕАЭС. Специальные импортные квоты временно взимаются таможенными органами государств ЕАЭС наряду с ввозной таможенной пошлиной в случаях появления существенных рисков для региональных производителей конкурирующих товаров. Установлению такой квоты предшествует введение специальной защитной меры в рамках ЕАЭС по результатам расследования, проводимого уполномоченным структурным подразделением ЕЭК согласно заявлениям предприятий-производителей из государств ЕАЭС. Объемы тарифных (импортных) квот, а также перечни продукции, на которую вводятся последние,

устанавливаются решениями Коллегии ЕЭК и следующими за ними национальными нормативными актами стран ЕАЭС.

Основанием для применения лицензирования в сфере внешней торговли (экспорта и (или) импорта товаров) является разд. IX Прил. № 7 к ДЕАЭС. Уполномоченные органы государств ЕАЭС осуществляют выдачу трех видов лицензий (разовая, генеральная и исключительная) участникам внешнеторговых операций, признаваемых всеми государствами – членами интеграционного объединения. До вступления в силу соответствующих изменений в ДЕАЭС [4] правила выдачи лицензий, включая порядок выдачи и оформления, период действия, основания для отзыва и др. определяются в соответствии с Прил. к Прил. № 7 к ДЕАЭС.

Правила введения государственного ценового регулирования на товары на пространстве стран – членов ЕАЭС установлены в разд. VII Прил. № 19 к ДЕАЭС. Предусмотрено требование к государствам ЕАЭС, введшим государственное регулирование цен на товарных рынках, уведомить ЕЭК и другие государства – члены ЕАЭС о соответствующем решении (за исключением мер в отношении государственных закупочных и товарных интервенций и отдельного списка товаров). Государственный контроль над ценами: 1) не связанный с деятельностью естественных монополий – применяется в чрезвычайных ситуациях; 2) касаясь ряда социально значимых товаров (для отдельных субрегионов) – применяется на временный срок согласно национальному законодательству, но не более 90 дней в течение 1 года (если иное не согласовано с ЕЭК). В случае несогласия одного государства-члена с решением другой страны – участницы ЕАЭС о введении ею ценового регулирования Комиссия выносит официальное постановление о необходимости отмены или продолжения последнего.

Система методов наднационального правового регулирования находит отражение в едином правовом пространстве ЕАЭС. Решения и распоряжения ВЕЭС, ЕМПС, ЕЭК и Суда ЕАЭС являются обязательными для государств-членов. Между тем в отношении деятельности юридических и физических лиц МНПА, выработанные только интеграционным объединением, носят исключительно

рекомендательный характер и требуют дополнительного подтверждения в рамках международных соглашений или национального права (императивных нормах) как действительных элементах национальных правовых систем [130, с. 127].

На основании проведенного выше анализа возможно заключить, что переход от ТС и ЕЭП – ЕврАзЭС к ЕАЭС в целом не сопровождался трансформацией институциональной среды интеграционного объединения. Количественные и качественные преобразования затронули составные части подсистемы административно-правовых методов совместного регулирования экономики, что во многом обусловлено изменением состава государств-участников, а также особенностью правового статуса ЕАЭС (РОЭИ).

2.3 Институциональные барьеры устойчивого развития ЕАЭС

Применительно к институциональной среде как фактору устойчивого социально-экономического развития ЕАЭС оценка продуцируемых ею условий взаимодействия экономических агентов по поводу реализации ими стратегии интеграционного объединения должна проводиться с учетом актуальных параметров мегаэкономики. За основу данного исследования взят научно-методический аппарат, описанный в таблице 5 (см. разд. 1.2).

В целом в 2021 г. странам ЕАЭС удалось восстановить национальные экономики после пандемийных ограничений. В 2021 г. рост совокупного ВВП и товарооборота внутри ЕАЭС составил 18,2% [150] и 31,9% [155] соответственно по сравнению с 2020 г., что позволило не только восстановить значения данных показателей до величины 2019 г., но и превысить «доковидный» уровень. Рост объемов взаимного экспорта и импорта за указанный период зафиксирован во всех государствах-членах. Предполагалось, что в 2022 г. национальные экономики

перейдут от стагнации к реальному росту, однако новый шок, причиной которого стала инициированная Россией 24.02.2022 г. специальная военная операция (СВО) на Украине, внес коррективы в интеграционную повестку. Наиболее серьезным потрясением стало введение санкций против Беларуси и России.

Тренды экономического развития Союза в 2022 г. были во многом определены геополитической напряженностью и последовавшим за ней ростом волатильности на сырьевых рынках. В рамках принятия первоочередных мер по усилению устойчивости национальных экономик 17.03.2022 г. в ходе заседания Совета ЕЭК премьер-министры стран ЕАЭС достигли договоренности по вопросам принятия единых мер тарифного и нетарифного регулирования в отношении перечня товаров. В целях сдерживания роста цен на выпускаемую продукцию временно (до 30.09.2024 г.) сняты ввозные пошлины ЕТТ на некоторые виды сельскохозяйственной техники, а также запасных частей для нее. Обращение чувствительных видов продукции (пшеница, кукуруза, сахар, подсолнечное масло, регенерируемая бумага, лом черных металлов и др.) на едином рынке ЕАЭС осуществляется в рамках индикативных балансов, утвержденных Советом ЕЭК.

По прошествии 8 лет интеграции природные ресурсы остаются главными экспортными товарами в рамках ЕАЭС. По итогам 2021 г. (см. примечание) минеральные продукты составили 76,3% от совокупного объема внешнего экспорта из ЕАЭС [188]. В 2023 г. рынок третьих стран продолжает оставаться наиболее интересным для стран-членов: на долю взаимной торговли в январе-сентябре рассматриваемого года пришлось 15,3% суммарного товарооборота ЕАЭС [60], что является самым большим значением с момента формирования этого интеграционного объединения.

Примечание – Данные таможенной статистики государств ЕАЭС не публикуются ЕЭК после января 2022 г. в связи с тем, что в текущей геополитической ситуации каналы поставок отслеживаются недружественными странами.

Снижение физического объема совокупного ВВП ЕАЭС по итогам 2022 г. составило 1,6% по сравнению с 2021 г. Негативная динамика ВВП России и Беларуси, где сокращение по данному показателю составило -2,1% и -4,7% соответственно, была отчасти компенсирована ростом экономик Казахстана (+3,2%), Кыргызстана (+7,2%) и Армении (+12,6%) [107]. По итогам 2023 г. рост реального ВВП ЕАЭС (по сравнению с 2022 г.) составил +3,8% [157]. Определяющим фактором сводной динамики социально-экономического развития ЕАЭС продолжает оставаться активность экономики России, доля которой в объеме ВВП ЕАЭС составила 84,4% в 2023 г. [157], оказывая влияние на национальные хозяйства стран-партнеров через инвестиционные, торговые, производственные каналы и потоки капитала.

Примечание – Основным фактором роста ВВП отдельных государств ЕАЭС по итогам 2022 г. стал рост объема денежных переводов из России, а также увеличение размера потребительских расходов вследствие усиления миграции в них российских граждан. Скачки по данным показателям зафиксированы в феврале и сентябре предыдущего года, что связано с началом СВО и введением частичной мобилизации в России. Увеличение притока иностранных инвестиций и спроса на услуги на фоне притока предприятий и высококвалифицированных специалистов в сфере ИКТ из России обеспечило сильный импульс экономического роста Армении в начале 2022 г., в период с января по июль он достиг 13,1% [148].

Отрицательная динамика темпа прироста товарооборота между странами-членами в долларовом выражении (-10,9%) в 2020 г. обусловлена исчерпанием эффекта «низкой базы» (возникшего в 2010 г. за счет торговой либерализации в рамках ТС) и общемировым падением цен на сырьевые ресурсы. Факторами прироста стоимостного объема товарооборота между государствами ЕАЭС в 2021 г. (+32,2% к уровню 2020 г.), как показано на рисунке 6, стали увеличение средних цен на товары (в том числе энергоносители) в рамках общего рынка ЕАЭС и наращивание физического объема взаимных поставок (см. ниже).

На фоне ежегодного прироста объемов взаимной торговли и импортных поставок в физическом выражении, их сокращение в 2020 г. (-1,9% и -3,1% соответственно) было обусловлено развитием пандемии коронавирусной инфекции.

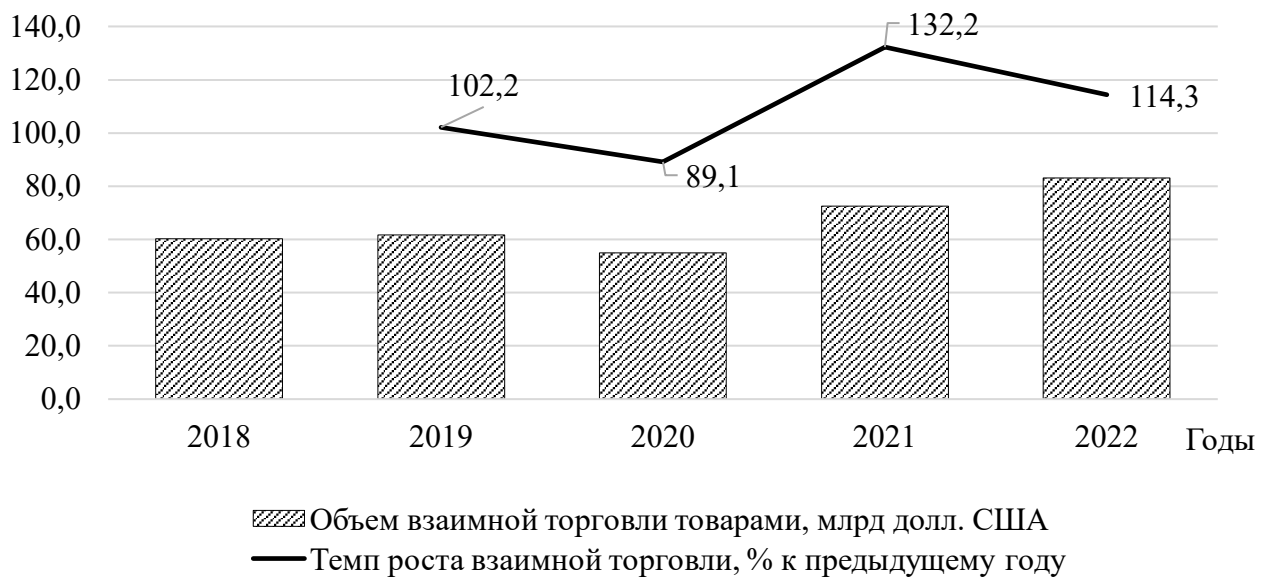

Рисунок 6 – Динамика взаимной торговли стран – членов ЕАЭС, 2018–2022 гг.

Примечание – Составлено автором по: [106; 153; 170].

Согласно таблице 13, наблюдается отрицательный прирост товарной массы экспорта стран ЕАЭС из-за рубежа во всех периодах, кроме 2018 г., когда ее объем увеличился на 4,7% в сравнении с 2017 г.

Таблица 13 – Индексы физического объема внутренней и внешней торговли стран ЕАЭС

В процентах к предыдущему году

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Взаимная торговля в ЕАЭС	107,4	103,0	98,1	111,2
Импорт с третьими странами	102,7	105,9	96,9	113,9
Экспорт с третьими странами	104,7	96,9	99,2	98,5

Примечание – Составлено автором по: [99; 100; 101].

Прекращение многими иностранными компаниями деятельности на российском рынке в условиях СВО дало старт параллельному импорту товаров в Россию, наибольшая часть поставок обеспечивается странами – партнерами РФ по ЕАЭС. В связи с этим на фоне общего экономического спада в интеграционном объединении в 2022 г. в ЕАЭС был зафиксирован рекордный показатель взаимной торговли – 83 млрд долл. США, увеличение на 14,3% в сравнении с 2021 г. (см. рисунок 6). Так, за январь – сентябрь 2022 г. отмечается прирост объемов

казахского, армянского и киргизского импорта товаров в Россию в физическом выражении на 30% по сравнению с таким же периодом 2021 г. [184]. Изменения затронули и структуру импортных поставок: заметно увеличилась доля автомобилей, запчастей к транспортным средствам, станков, оборудования. При этом самую заметную динамику прироста продемонстрировала Армения, из которой за первые три квартала 2022 г. в Россию было поставлено на 42% больше товаров, чем в прошлом году; на втором месте стоит Казахстан с приростом объемов импорта на 15,7% [184]. По причине санкционного давления со стороны Запада на Беларусь запуск параллельного импорта в Россию из этой страны не отмечается.

По результатам I полугодия 2023 г. торговля товарами в рамках ЕАЭС сохранила ключевые особенности предыдущего года, ее объем увеличился на 13% в аналогичном периоде [158]. Анализ структуры взаимной торговли внутри ЕАЭС при исключении фактора поставок продукции ушедших из России компаний на союзный рынок (активизировавшихся в начале мая 2022 г.) целесообразно проводить на основе данных за январь 2022 г. В этом периоде значительная роль в обеспечении взаимных поставок принадлежала следующим группам товаров: недрагоценные металлы и изделия (15,5%), минеральные продукты (10,84%), продукция животного происхождения (6,27%), готовая продукция пищевой промышленности (6,07%) [186]. Низкая доля инвестиционных товаров, необходимых для замены, обновления и модернизации основных средств, в структуре взаимного товарооборота, а именно машин, оборудования и их частей (4,35%), строительных материалов (0,96%), свидетельствует о недостаточном уровне развития обрабатывающей промышленности [153]. Таким образом, не наблюдаются значительные изменения в товарной структуре взаимной торговли в сравнении с предшествующими кризисными годами.

Параллельный импорт в Россию из Казахстана в настоящее время подвергается серьезному испытанию, что формирует угрозу отрицательной динамики показателей взаимной торговли при отсутствии глубинных сдвигов в отраслевой структуре союзных экономик. С апреля 2023 г. в Казахстане запущена

обязательная система оформления товаросопроводительных накладных в торговле с государствами ЕАЭС, позволяющая отслеживать страну происхождения вывозимых с территории страны товаров. На официальном уровне подтверждается, что данная мера направлена на борьбу с обходом российской стороной западных рестрикций. На фоне политических разногласий по поводу признания статуса квазигосударств (см. примечание) в прошлом году также отказала России в помощи в обходе санкций Беларусь, запретив транзит российского угля через свою территорию с середины апреля 2022 г. Аналогичный запрет ввел Казахстан, несмотря на то что угольное эмбарго ЕС на тот момент еще не вступило в силу.

Примечание – Ни одна из стран – членов ЕАЭС, за исключением России, на официальном уровне не признала за Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой статус независимых государств. Беларусь восприняла решение российской стороны с «пониманием и уважением» [145], в то время как президент Казахстана К.Ж. Токаев прямо выразил позицию республики по вопросу непризнания квазигосударств [75], также заявив, что при взаимодействии с Россией Казахстан будет соблюдать весь спектр западных санкций в связи с угрозой вторичных рестрикций в отношении национальной экономики.

Негативное влияние на торговое взаимодействие в рамках ЕАЭС оказывают имеющиеся препятствия на внутреннем рынке. По состоянию на февраль 2024 г. в реестре значится 1 барьер и 35 ограничений [122], работы по снятию которых направлены на поиск компромиссов между сторонами и зачастую тормозятся в связи с тем, что они напрямую затрагивают вопросы соблюдения суверенитета и национальных интересов стран. Несмотря на внешнеполитические шоки, необходимо отметить, что начиная с июля 2022 г. усилиями государств ЕАЭС были успешно сняты 11 барьеров и 1 ограничение во взаимной торговле.

Увеличение объемов промышленного производства в ЕАЭС в 2019 г. (+3,4%) за счет выпуска продукции обрабатывающей промышленности, что продемонстрировано на рисунке 7, происходило более медленными темпами по сравнению с 2017–2018 гг., что обусловлено исчерпанием потенциала восстановительного роста промышленности государств – членов ЕАЭС после финансового кризиса 2014–2015 гг. Одной из причин отрицательного темпа прироста промышленного производства (-2%) на фоне пандемических

мероприятий в 2020 г. выступает сжатие национальных производственных секторов, что также тормозило товарообмен внутри ЕАЭС. Принятие экономическими властями мер по смягчению последствий кризиса в совокупности со снятием коронавирусных ограничений позволило нарастить объемы промышленного производства на 6,1%, превысив в стоимостном измерении уровень 2019 г. В 2022 г. динамика промышленного производства ЕАЭС ухудшилась на фоне введения санкций против России, сокращение объемов промпроизводства в ЕАЭС составило -0,6% по сравнению с 2021 г.

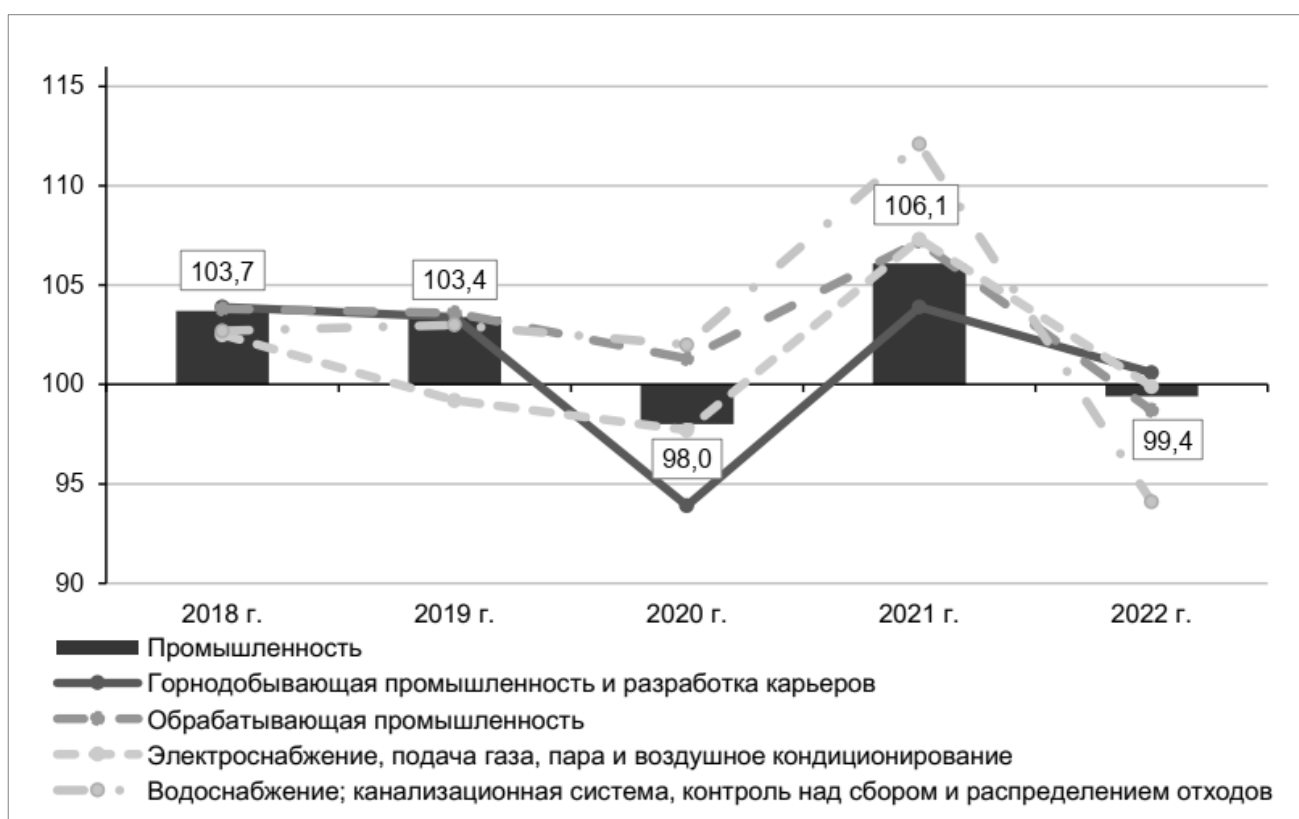

Рисунок 7 – Динамика промышленного производства ЕАЭС по видам экономической деятельности, % к предыдущему году

Источник: [107].

Значимый вклад в экономический рост по итогам 2023 г. вносит улучшение показателя союзного промышленного производства, составившее +3,8% по сравнению со значением 2022 г. При этом наибольший прирост отмечен в отраслях, ориентированных на потребление внутри ЕАЭС (+16,7%) и на экспорт (+8,1%). В Армении и Казахстане наблюдался рост в отраслях производства продукции,

направленной на внешний экспорт. В целом улучшение по индикаторам промышленного производства ЕАЭС продолжает определяться динамикой российских показателей. По итогам 2023 г. доминирование России в промышленном производстве Союза сохраняется, на ее долю приходится 87,8% от его совокупного объема [60].

Динамика индекса комплементарности (complementarity) торговли за период 2015–2020 гг. свидетельствует о том, что интеграционное взаимодействие не привело к адаптации товарной структуры внутреннего экспорта к актуальным потребностям союзных государств [161, с. 10]. В 2021 г. внутренний импорт удовлетворил лишь 3,9% спроса; в том же году под влиянием ценовых условий за счет совокупного импорта из стран вне ЕАЭС внутренний спрос обеспечивался на 17,9% (по сравнению с 15,8% в 2020 г.). [100; 101].

В целом, по прошествии первого 8-летия функционирования ЕАЭС развитие торгового сотрудничества обусловлено наращиванием количественных показателей, нежели чем углублением специализации и кооперирования. Так, в актуальной структуре взаимных ПИИ стран – членов ЕАЭС доминируют капиталовложения со стороны крупных ТНК (около половины которых составляют компании с государственным участием) в сырьевые и инфраструктурные отрасли [146], при наличии высоких потребностей в инвестиционных ресурсах высокотехнологичного сектора экономики. Россия является основным инвестором в ЕАЭС (на ее долю в I полугодии 2023 г. пришлось 85,9% общего объема взаимных инвестиций), участвуя в парных инвестиционных связях со всеми странами ЕАЭС. Второе место занял Казахстан (10,3%) [146], формируя только одну значимую по объемам ПИИ (без участия России) пару – казахстанские ПИИ в Кыргызстане. Несмотря на ужесточающееся санкционное давление по итогам I полугодия 2023 г. объем накопленных ПИИ в ЕАЭС достиг отметки в 98% от совокупного уровня 2022 г., составив 28,1 млрд долл. США.

Укрепление национальных валют и замедление темпов роста мировых цен на продовольствие на фоне замедления внутренней миграции из России привели к снижению инфляционного давления на рынке ЕАЭС к концу II квартала 2023 г.

Как показано в таблице 14, по итогам 2023 г. во всех странах – членах ЕАЭС наблюдалось замедление годовой инфляции. В начале текущего года основной вклад в общий показатель ИПЦ в Армении и Кыргызстане вносят цены на продовольствие, а в остальных государствах ЕАЭС в большей мере на непродовольственные товары.

Таблица 14 – Индекс потребительских цен в странах ЕАЭС

В процентах к соответствующему месяцу предыдущего года

Период	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Декабрь 2022 г.	8,3	12,8	20,3	14,7	11,9
Июнь 2023 г.	-0,5	2,9	14,6	10,5	3,3
Декабрь 2023 г.	0,6	7,4	9,8	7,3	5,8
Январь 2024 г.	0,9	5,9	9,5	5,9	7,4
Примечание – Составлено автором по: [60; 63; 147].					

Неоднородность изменения процентных ставок национальными регуляторами объясняется особенностями внутренних экономических, денежно-кредитных условий и конъюнктуры финансовых рынков США, ЕС и Китая. На фоне замедления динамики ИПЦ в Армении, Беларуси и Казахстане наблюдалось снижение ключевых ставок к концу 2023 г. на 150 б.п., 20 б.п. и 100 б.п. (по сравнению с январем 2023 г.) соответственно [60].

В условиях повышения инфляции в августе 2023 г. до 4,4% в годовом выражении Центральным банком России были приняты вынужденные меры по ужесточению монетарной политики путем установления ключевой ставки на уровне 12% (в сравнении с предыдущим значением в 8,5%). 10.10.2023 г. курс доллара США достиг рекордной с начала года отметки в 101,35 российского рубля [132]. Внеочередное повышение ключевой ставки в октябре 2023 г. до 16% позволило укрепить российскую валюту на фоне увеличения инфляционных ожиданий и возросшего потребительского спроса.

Как показывает опыт прошлых лет, резкие колебания курса российской валюты относительно доллара США оказывают давление на национальные ВФС стран ЕАЭС. Ослабление российского рубля по отношению к мировым резервным валютам, которое было характерно в периоды шоков 2014–2015 гг. и 2019–2020 гг.,

а также I квартала 2022 г., сменилось во II квартале 2022 г. его стремительным укреплением, связанным со сжатием импортных поставок и наращиванием экспортной выручки. Наблюдаемое на этом фоне рекордное обесценение валют государств региона к российскому рублю обуславливает риски для взаимной торговли в условиях сохранения Россией значительной доли (59,4%) в экспорте сырьевых товаров и продовольствия в страны – партнеры по ЕАЭС [153]. Скачок цен на ввозимые из России товары повлек за собой потерю их конкурентоспособности на белорусском, казахском, армянском и киргизском рынках с возможной переориентацией на импорт из третьих государств. Недооцененность национальных валют представляла собой преимущество для экспортеров сельскохозяйственной и промышленной продукции из государств – партнеров России по ЕАЭС, однако сократились возможности по привлечению инвестиций и субсидий со стороны российской экономики, выраженных в долларах США (от которых, в частности, зависел ряд белорусских предприятий).

Примечание – В условиях введения жестких западных санкций против российских юридических и физических лиц, а также наложения ограничений на часть золотовалютных резервов 07.03.2022 г. курс доллара США и евро достиг максимального значения за всю историю, составив 121,5 руб. и 132,4 руб. соответственно [194]. Предпринятые Банком России оперативные решения (в том числе ограничения по текущим операциям, обязательство по продаже доли валютной выручки и др.), направленные на сокращение спроса на иностранную валюту, привели к укреплению курса рубля, который в конце июня 2022 г. был зафиксирован на минимальной отметке с 2015 г. – 52,9 руб. за долл. США [193].

Несмотря в целом на снижение давления со стороны мировых цен на стоимость сырья и нормализацию глобальных цепочек поставок, а также возобновление требования к экспортерам из России об обязательной продаже валютной выручки (вступило в силу 16.10.2023 г.) для стран региона сохраняются риски превышения целевых значений по инфляции в течение 2024 г. Ключевым фактором выступает инфляция издержек в связи с высокой процентной ставкой рефинансирования. Кроме того, существует вероятность ускорения импортируемой инфляции вследствие девальвации курса российского рубля и последующим синхронным ослаблением валют стран ЕАЭС относительно доллара

США при различных уровнях инфляции. Несмотря на стабилизацию объемов взаимной торговли в стоимостном выражении по результатам предпринимаемых странами ЕАЭС монетарных мер, рост затрат на производство и реализацию продукции в условиях нехватки собственных ресурсов у предприятий и повышения стоимости заемных средств (привлекаемых в том числе по программам бюджетного финансирования) может повлечь за собой сокращение числа промышленных предприятий (в частности в области выстраивания импортозамещающих производств), угрожая индустриальному развитию региона и его научно-технологическому суверенитету. Дополнительными проинфляционными рисками для стран ЕАЭС остаются увеличение потребительского спроса на фоне роста заработных плат, неопределенность со стороны внешнего сектора (включая возможность введения Западом новых санкций), ожидания и опасения граждан на фоне СВО.

Ослабление связи между мировыми ценами на сырьевые ресурсы и курсовой динамикой национальных валют стран ЕАЭС обусловлено, в частности, увеличением их доли во взаимных расчетах, которая составила 90% в марте 2023 г. [143]. В контексте преобладания российского рубля в платежах между Россией и странами ЕАЭС данный результат во многом связан с переходом Армении и Беларуси на расчеты за газ в российской валюте с апреля 2022 г. Вместе с тем в расчетах по взаимным поставкам товаров между странами – членами ЕАЭС без участия России, составляющих более четверти совокупного объема транзакций, наибольший удельный вес занимает доллар США [106], что свидетельствует о сохранении зависимости национальных ВФС и, как следствие, национальных экономик государств ЕАЭС в целом от негативного внешнего влияния, в том числе со стороны глобальных платежных систем, контролируемых странами Запада.

Очередной темой для экстренного обсуждения стала необходимость постепенного отказа от доллара США, в том числе как от базисной валюты для распределения ввозных импортных пошлин. Согласованной мерой по итогам Совета ЕЭК стал переход на российский рубль при зачислении и направлении

таможенных пошлин в бюджеты России и Беларуси без изменений данного механизма для остальных стран-членов. Временный порядок перечисления денежных средств, полученных от сбора ввозных пошлин, в российских рублях утвержден соответствующим Решением ВЕЭС от 18.05.2022 г. [33], однако в документе отмечается, что последний действует до момента внесения изменений в ДЕАЭС, т.е. Армения, Казахстан и Кыргызстан оставляют за собой право использовать для этих целей доллар США.

Несмотря на значительный отток капитала за пределы ЕАЭС, объем имеющихся в распоряжении стран – членов интеграционного объединения децентрализованных денежных фондов достаточен для финансирования промышленной кооперации и модернизации национальных хозяйств. В то же время инструменты финансового посредничества, которые имеют принципиальное значение для перераспределения в масштабах всего региона финансовых ресурсов от субъектов, имеющих избыточные сбережения, к субъектам, осуществляющим экономическую деятельность в секторах с высокой добавленной стоимостью, до настоящего момента находятся в стадии формирования.

Финансовая инфраструктура ЕАЭС представляет собой совокупность организаций, являющихся специализированными участниками национальных ВФР, которые обеспечивают движение финансовых ресурсов, образующихся в результате экономической деятельности государств, частных структур и домохозяйств.

В целях распределения системных рисков между всеми секторами ВФР современные развитые страны, в частности США и Канада, переходят к модели ВФС, основанной на фондовом секторе (*capital-market-based model*), в рамках которой финансирование инвестиций осуществляется прежде всего за счет размещения акций. Высокие темпы роста экономики придают импульс увеличению прибыли корпораций и привлечению дополнительного капитала. В рамках ВФР, построенных на базе коммерческих банков (*bank-based model*), важную роль в расширении финансирования инвестиций играют долгосрочные прогнозы устойчивого экономического роста. В условиях преобладания банков на ВФР

ЕАЭС [137, с. 7–10] волатильность финансовых показателей (валютный курс, ключевая ставка, инфляция (ИПЦ) и т.д.) в сочетании с неразвитостью механизмов саморегулирования (см. ниже) являются факторами увеличения рисков для инвесторов.

Для банковских систем стран – членов ЕАЭС характерны низкие показатели рентабельности активов и капитала банков, что показано в таблице 15. По масштабам банковского сектора лидирует Россия, чья доля в совокупных банковских активах Союза превышает 91,9%. Самый низкий показатель рентабельности банковских активов зафиксирован в Кыргызстане (0,9%), рентабельности капитала банков – в Кыргызстане, Беларуси и Армении. Оптимальное значение по первому индикатору варьируется от 1% до 4%, по второму – от 10% до 20%. Можно сделать вывод о низкой эффективности вложений армянских, белорусских и киргизских банков, о неэффективном управлении и контроле за структурой активов и пассивов банка, а также о низком уровне прибыльности вложенного капитала.

Таблица 15 – Основные показатели банковского сектора стран ЕАЭС, 2020 г.

Показатели	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Активы банковского сектора, млрд долл. США	12,8	33,7	74,1	3,5	1405,6
Рентабельность активов банков, %	1,3	1,1	2,5	0,9	1,7
Рентабельность капитала банков, %	9,0	8,9	19,3	5,5	15,7
Источник: [189].					

Согласно рисунку 8, в 2022 г. в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане на долю краткосрочных кредитов пришлось более 3/4 совокупного объема кредитов, выданных юридическим лицам в национальной валюте; в Армении – чуть больше половины. Неразвитость в ЕАЭС долгосрочного кредитования предприятий реального сектора обусловлена отсутствием у большинства банков стабильной и дешевой ресурсной базы.

Рисунок 8 – Объем кредитов, предоставленных юридическим лицам в национальных валютах по срочности кредитов, 2022 г.

Примечание – Составлено автором по: [190].

При этом в рассматриваемом периоде армянские и киргизские банки охотнее предоставляли долгосрочные кредиты предприятиям в иностранной валюте, их доля составила 60% и 76% в общем объеме выданных кредитных ресурсов, что отражено на рисунке 9. По России аналогичная статистика не представлена, однако российские банковские организации обеспечили 92% совокупного объема кредитов, предоставленных в ЕАЭС юридическим лицам в 2022 г. [190]. В целом, данные по привлечению предприятиями кредитных ресурсов подтверждают наличие сильных диспропорций в уровне развития банковского сектора в странах – членах ЕАЭС. Недостаток ресурсов у кредитных организаций в большинстве государств ЕАЭС, а также высокая цена на них оказывает сдерживающее воздействие на производство.

Как показано на рисунке 10, страховые рынки в странах – членах ЕАЭС практически отсутствуют. С позиции глобальных сопоставлений, страховой сектор России также является недостаточно емким и низколиквидным: активы страховых организаций по данным за 2020 г. составляют 3,2% ВВП России, в то время как, например, в Японии – 80,2% [87]. При этом по итогам 2022 г. наблюдается

сокращение числа страховых организаций в Казахстане, Кыргызстане (на 2 ед.) и в России (на 20 ед.) по сравнению с 2020 г. [190].

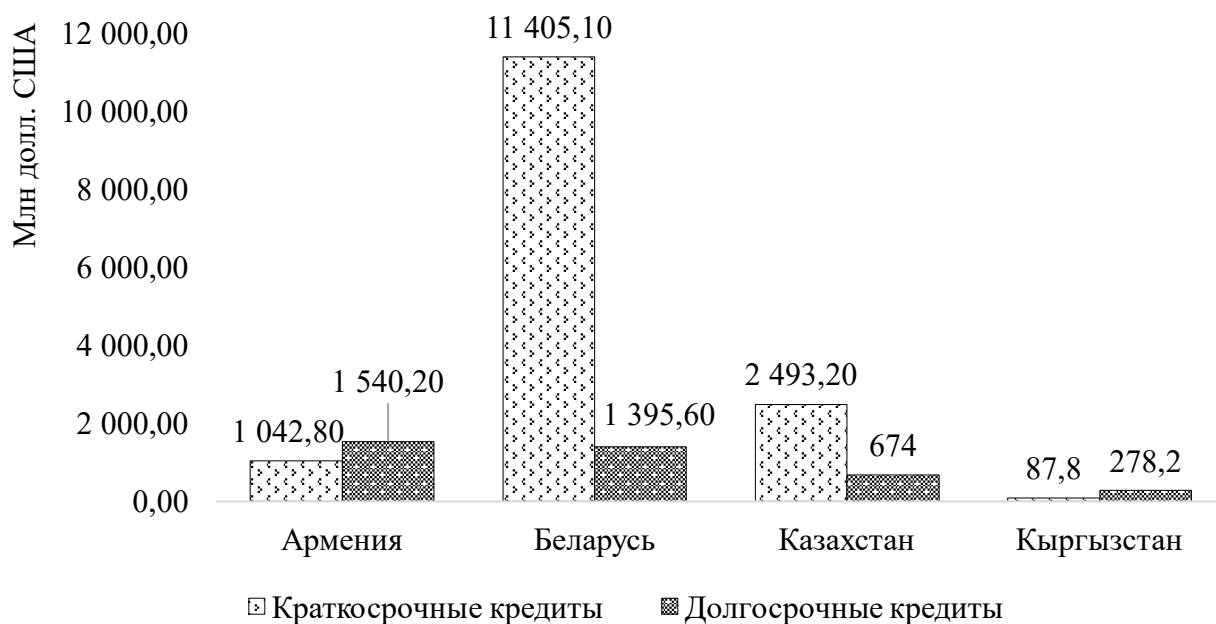

Рисунок 9 – Объем кредитов, предоставленных юридическим лицам в иностранной валюте по срочности кредитов, 2022 г.

Примечание – Составлено автором по: [190].

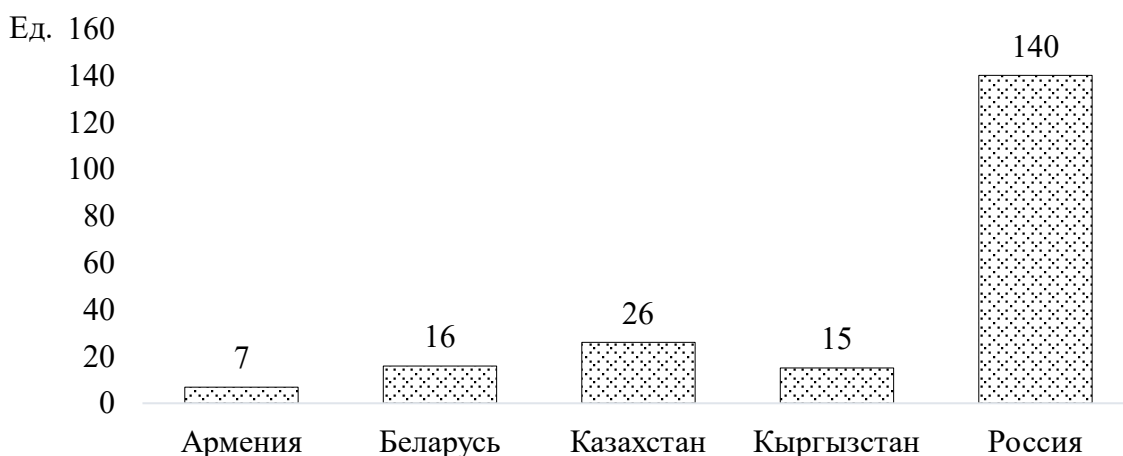

Рисунок 10 – Количество страховых организаций в странах – членах ЕАЭС на конец 2022 г.

Примечание – Составлено автором по: [190].

Фондовые рынки стран ЕАЭС в целом отличаются значительными структурными диспропорциями. Согласно данным, представленным в таблице 16,

по состоянию на 2021 г. 88% совокупного числа участников общего фондового рынка представлено российскими организациями. На армянском и белорусском рынках коллективного инвестирования отсутствуют ПИФы и АИФы, в субъектном составе белорусского, казахского и киргизского фондовых рынков не представлены частные пенсионные фонды. Саморегулирование характерно только для рынка ценных бумаг России.

Таблица 16 – Количество участников рынка ценных бумаг в странах – членах ЕАЭС, 2021 г.

В единицах

Участники финансового рынка	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Брокеры	32	51	38	39	251
Дилеры	32	52	38	35	279
Доверительное управление	8	25	18	9	182
Депозитарии	1	30	1	1	250
Реестродержатели	1	-	-	19	31
Организаторы торгов	1	1	1	2	6
Управляющие компании	4	-	18	-	259
Накопительные (негосударственные) пенсионные фонды	8	-	-	-	41
Акционерные инвестиционные фонды (АИФы)	-	-	18	3	2
Паевые инвестиционные фонды (ПИФы)	-	-	43	-	1965
Клиринговые организации	7	1	1	-	6
Бюро кредитных историй	1	-	2	-	7
Саморегулируемые организации	-	-	-	-	16
Рейтинговые агентства	-	-	-	-	4
Специализированные депозитарии	-	3	-	-	26
Форекс-дилеры	-	-	-	-	4
Итого	95	163	178	108	3329
Примечания					
1 Источник: [183].					
2 По Кыргызстану приведены данные за 2020 г.					

Таким образом, за последние четыре года ЕАЭС в своей деятельности подвергся влиянию как минимум двух мегаугроз – пандемии коронавирусной инфекции (2019–2021 гг.) и глобального геополитического кризиса (2022–2023 гг.).

С одной стороны, преодолению внешних мегаэкономических эффектов, оказывавших негативное давление на союзный рынок товаров в период пандемии COVID-19, способствовало проведение странами ЕАЭС согласованных действий в

отношении производства вакцин, медицинских изделий и оборудования, а также гарантирования наличия продуктов первой необходимости для граждан государств-членов на основании формальных правил интеграционного объединения, что привело к существенному расширению нормативно-правовой базы (увеличению числа МНПА) Союза. Согласно рисунку 6, по состоянию на 2021 г. показатель взаимного товарооборота достиг максимальной с момента создания ЕАЭС отметки в 72,6 млрд долл. США, в частности, за счет наращивания физических объемов поставок. Сокращение взаимного экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в условиях пандемии не наблюдалось, что служит подтверждением успешности решения вопросов обеспеченности населения основными продуктами питания в формате внутреннего рынка. Кроме того, в 2021 г. по сравнению с 2020 г. прирост по данному индикатору составил 20,5%; более половины товарооборота Армении (51,0%), Беларуси (62,6%) и Кыргызстана (67,5%) по данной товарной группе приходилось на страны ЕАЭС [156]. С другой стороны, недопущению более глубокого экономического спада и восстановительному росту экономик стран ЕАЭС после пандемии COVID-19 в большей степени поспособствовало проведение государствами-членами в 2020–2021 гг. стимулирующей бюджетно-налоговой политики на макроуровне. Несмотря на схожесть направлений поддержки экономик (что во многом было продиктовано требованиями соблюдения положений ДЕАЭС и соответствующего распоряжения ЕМПС [36]), национальные меры существенно различались как по количеству принятых решений, так и по инструментарию антикризисного регулирования.

По итогам проведенного исследования количественных показателей успешности интеграции в рамках ЕАЭС за 2022–2023 гг. представляется возможным сформулировать следующие основные проблемы сотрудничества между странами – членами интеграционного объединения, представляющие собой угрозу его устойчивому развитию в новом геополитическом контексте: 1) высокие транзакционные издержки использования национальных валют в трансграничных расчетах (в том числе по взаимным поставкам товаров и услуг) в различных

форматах взаимодействия (С2С, В2В, В2С, В2G и др.); 2) неэффективное использование в интересах промышленного развития интеграционного объединения доступных типов инвестиционных ресурсов; 3) дестабилизация и дезорганизация экономических отношений на внутреннем рынке. Указанные проблемы провоцируют, согласно рисунку 11, отклонение вектора реального развития Союза от позитивного сценария ЕАЭС «Собственный центр силы», определенного ВЕЭС [26] в рамках Основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 г. (далее – ОНЭР-2030) исходя из предпосылок устойчивого роста, адаптации к мировым трендам и вызовам развития, использования странами-членами новых конкурентных преимуществ в неэнергетических сферах экономики за счет синергетических эффектов и ликвидации изъятий и ограничений на общем рынке. Несмотря на превышение целевого значения показателя валового накопления основного капитала в ВВП, по итогам 2022 г. наблюдается замедление темпов прироста инвестиций в основной капитал в ВВП по сравнению с 2021 г. [107], что приводит к сокращению вклада инвестиций в производительность и экономический рост на фоне геополитической неопределенности.

Как следует из самих проблем, их наличие отражает неготовность действующей институциональной среды ЕАЭС к созданию благоприятных условий взаимодействия между экономическими агентами, что препятствует реализации стратегических направлений интеграционного взаимодействия (см. разд. 3.1). Происходящая в настоящее время смена мирохозяйственных укладов, сопровождающаяся смещением центра глобального экономического лидерства из США и западноевропейского региона в развивающиеся на базе нового технологического уклада Китай, Индию, государства Юго-Восточной Азии, с одной стороны, усиливает кризисные явления в ЕАЭС, но с другой стороны, открывает возможности для наращивания научно-технического и кадрово-технологического потенциала за счет выстраивания взаимовыгодной линии сотрудничества с отдельными странами ядра нового мирового порядка и интеграционными объединениями (в том числе ШОС, АСЕАН и др.).

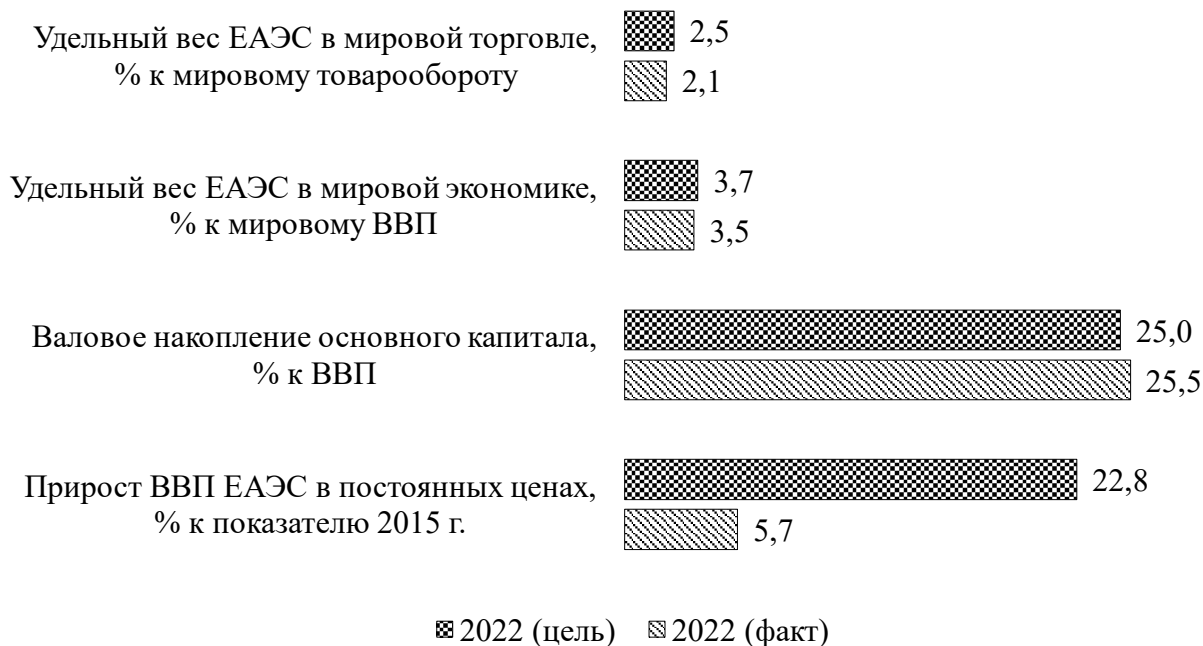

Рисунок 11 – Целевые и фактические значения показателей ОНЭР-2030 по состоянию на 2022 г.

Примечание – Составлено автором по: [83, с. 95]; расчеты автора на основе данных Армстата, Белстата, Росстата, Бюро национальной статистики Республики Казахстан, Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

Институциональные барьеры, являющиеся причинами проблем регионального сотрудничества в ЕАЭС и провоцирующие непродуктивность и неустойчивость взаимных связей между элементами интеграционного объединения всех уровней GES, представлены в таблице 17.

Таблица 17 – Институциональные барьеры устойчивого развития ЕАЭС в современных условиях

Проблема	Институциональные барьеры
Высокие транзакционные издержки использования национальных валют в трансграничных расчетах в различных форматах взаимодействия	<ul style="list-style-type: none"> - <i>Нормативно-правовая база ЕАЭС</i> в части наднационального институционального строительства региональной системы безналичных расчетов - <i>Методы наднационального правового регулирования</i> в части единых принципов функционирования действующих платежно-расчетных сегментов ОФР - <i>Нормативно-правовая база ЕАЭС</i> в отношении биржевого ценообразования на товары и единых правил биржевой торговли

Окончание таблицы 17

Проблема	Институциональные барьеры
Неэффективное использование в интересах промышленного развития интеграционного объединения доступных типов инвестиционных ресурсов	<ul style="list-style-type: none"> - <i>Взаимодействие государств-членов в сфере налогообложения</i> в части единого инструментария налогового стимулирования инвестиционной деятельности - <i>Нормативно-правовая база ЕАЭС</i> по части финансирования программ промышленной кооперации за счет средств бюджета ЕАЭС - <i>Нормативно-правовая база ЕАЭС</i> в части единых механизмов регулирования валютно-финансовых отношений - <i>Методы наднационального правового регулирования</i> применительно к развитию финансовой инфраструктуры ЕАЭС - <i>Нормативно-правовая база ЕАЭС</i> в части функционирования ИИС в сегменте ВФР
Дестабилизация и дезорганизация экономических отношений на внутреннем рынке	<ul style="list-style-type: none"> - <i>Согласованная валютная политика</i> в части инструментария монетарного регулирования в странах ЕАЭС - <i>Методы наднационального правового регулирования</i> в отношении устранения барьеров - <i>Нормативно-правовая база ЕАЭС</i> в части наличных ограничений на внутреннем рынке Союза
Примечание – Составлено автором.	

В условиях отключения ряда российских и белорусских банков от системы SWIFT и частичной блокировки глобальных платежных систем в регионе особую актуальность приобретает вопрос об отказе от доллара США в качестве основной валюты трансграничных расчетов в безналичной форме. Частично данный вопрос решается в рамках действующих технологических сегментов ОФР ЕАЭС (ЕТП). Между тем в настоящих условиях, продуцируемых институциональной средой интеграционного объединения, не представляется возможным полностью исключить фактор давления на банковские учреждения ЕАЭС со стороны международных платежных систем. Так, в марте – мае 2022 г. ряд казахских и армянских банков был вынужден ужесточать правила открытия лицевых счетов для нерезидентов, с прекращением выпуска карт для личного пользования. Ввиду особенностей институционального строительства ОПП, осуществляемого на основе двусторонних соглашений между национальными платежными системами стран ЕАЭС, и механизма контроля за его функционированием, в рамках этого сегмента не предусмотрено формирование региональной системы безналичных расчетов. В связи с узостью нормативно-правовой базы ЕАЭС в части ИВР,

последний реально функционирует исключительно в рамках МОЕХ (с. 78), и несмотря на увеличение оборота его участников (в количестве 31 ед.) на 80% в 2022 г. по сравнению с 2021 г. (до 4,7 трлн российских рублей), доля ИВР в совокупном объеме торгов на Московской бирже составила 0,01% [86]. Повышенный уровень транзакционных издержек использования национальных валют в расчетах между странами ЕАЭС также обусловлен отсутствием правил биржевого ценообразования в национальных валютах (в том числе касаясь сырьевых биржевых товаров). Недостаточный потенциал расчетно-клиринговой системы (далее – РКС) ЕАБР не позволяет компенсировать продуцируемые институциональной средой ЕАЭС неблагоприятные условия.

Примечание – Запущенная в 2018 г. РКС ЕАБР функционирует на базе открытых корреспондентских счетов в национальных (центральных) банках стран – членов ЕАЭС. Конвертация валют в реальном времени достигается за счет участия ЕАБР в валютных биржах России, Казахстана, Беларуси (в статусе маркет-мейкера по валютным парам RUB/KZT, KZT/RUB, RUB/BYR) и Армении, а также доступа к межбанковскому валютному рынку Кыргызстана. По состоянию на начало 2022 г. участниками платежной системы ЕАБР являются 78 финансовых организаций из стран – членов Банка [69]. В 2020 г. в ЕАБР было открыто 159 счетов для 62 юридических лиц (в том числе для 22 и 39 клиентов из России и Казахстана соответственно), первый клиент из Армении открыл счет в феврале 2022 г. Основная масса платежей в рамках РКС ЕАБР осуществляется в российских рублях и тенге [104]. В качестве основной или резервной системы в безналичных расчетах ЕАБР использует Систему передачи банковских сообщений Банка России.

Неэффективное использование в интересах промышленного развития интеграционного объединения доступных типов инвестиционных ресурсов не позволяет странам ЕАЭС быстро подстроиться к потребностям рынка в условиях санкций, усиливая тенденции поиска путей импорта продукции из третьих стран. Одним из основных факторов недостаточности совместных проектов в импортозамещающих отраслях представляется отсутствие механизма финансирования программ промышленной кооперации за счет средств союзного бюджета в условиях ограниченных возможностей прочих централизованных денежных фондов интеграционного объединения (см. примечание). В то же время возрастает потребность, во-первых, в гарантировании инвесторам ВФР их прав и интересов по направлениям, установленным ДЕАЭС и Концепцией развития ОФР,

представленным на рисунке 12, во-вторых, в налоговом стимулировании инвестиционной деятельности на мегауровне. Так, данные о позиции экономик стран ЕАЭС в рейтинге Doing Business по показателю «Налогообложение», представленные в приложении Б, в целом отражают проблемы, которые замедляют инвестиционный потенциал региона. Большой размер налогов и обязательных отчислений, который должна уплачивать или удерживать компания среднего размера, повышенное административное бремя, связанное с уплатой налогов свидетельствуют о высоком уровне налоговой нагрузки на бизнес, а также о низком качестве налогового администрирования. На существенный разброс по рейтингу также влияет разность налоговых режимов для резидентов и нерезидентов в странах ЕАЭС. Так, в Армении, Кыргызстане и России ставки по налогам для нерезидентов на порядок выше, чем для резидентов, налоговые режимы для резидентов и нерезидентов в Беларуси и Казахстане сопоставимы [102].

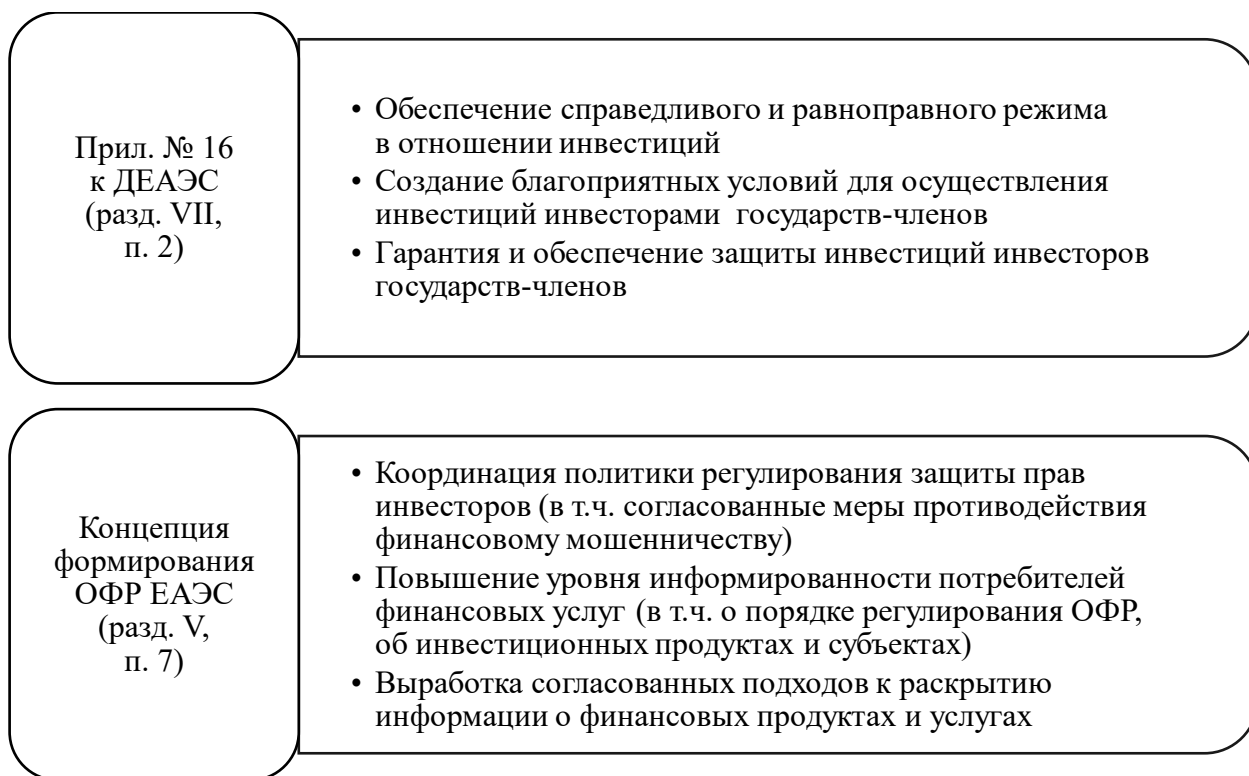

Рисунок 12 – Направления работы по обеспечению защиты прав и интересов инвесторов на ВФР ЕАЭС

Примечание – Составлено автором по: [2; 31].

Примечание – По состоянию на июль 2023 г. инвестиционный портфель ЕАБР в стоимостном объеме составил 5,13 млрд долл. США, в отраслевой структуре преобладают проекты в горнодобывающей отрасли (22,9%), области транспортной инфраструктуры (21,4%), энергетики (18,9%), финансов (10,8%) [192], ориентированные на содействие отдельным предприятиям в частном и государственном секторах экономик. В разрезе будущего инвестиционного портфеля ЕАБР не идентифицируются проекты, направленные на создание производственно-технологических цепочек в регионе, включая взаимные поставки, совместное производство продукции, а также на развитие НИОКР. На данный момент финансирование таких проектов также не осуществляется за счет ЕФСР (с. 65). Согласно статье [58, с. 278–279], недостаточный потенциал ЕАБР для развития производственной кооперации в рамках ЕАЭС обуславливают следующие факторы: 1) небольшой объем оплаченного уставного капитала ЕАБР по сравнению с другими региональными банками развития, который не представляется возможным увеличить в нынешних финансово-экономических условиях; 2) ограниченный доступ ЕАБР к инструментам привлечения внешних заимствований на рынках капитала в национальных валютах стран-учредителей; 3) повышенные процентные ставки по кредитам ЕАБР по сравнению с коммерческими банками и национальными институтами развития.

В рамках действующей институциональной среды ЕАЭС заложена юридическая основа для диверсификации и повышения уровня развития национальных финансовых рынков, сглаживания диспропорций между ними методами национального правового регулирования (см. разд. 3.1). В то же время препятствует реализации указанных на рисунке 12 направлений в узком смысле непроработанность методов наднационального правового регулирования применительно к развитию финансовой инфраструктуры ЕАЭС (включая общие стандарты корпоративного управления, единые требования к инструментальной структуре во всех сегментах финансовых рынков), а также нормативно-правовой базы в отношении ИИС в сегменте ВФР и в части единых механизмов регулирования валютно-финансовых отношений (далее – ВФО) в широком смысле.

Дестабилизация и дезорганизация экономических отношений на рынке ЕАЭС напрямую связана: 1) с «провалами» в наднациональном регулировании экономической деятельности, что ограничивает перемещение факторов производства между границами государств – членов ЕАЭС; 2) неэффективностью методов наднационального правового регулирования, допускающих несоответствие требований, установленных национальным законодательством, формальным правилам интеграционного объединения; 3) отсутствием реально действующих согласованных подходов к проведению странами ЕАЭС монетарной

политики, что показано в приложении В, оказывающим разностороннее влияние на ценовые условия взаимной торговли, в том числе на амплитуду колебаний национальных валют. В сумме данные факторы сигнализируют о недостаточной насыщенности (плотности) институциональной среды ЕАЭС, что не позволяет создать предсказуемые условия экономической деятельности на внутреннем рынке. С учетом большого количества экономических агентов возрастает риск возникновения противоречий при установлении договоренностей, что в сочетании с несовершенством контрактных отношений может приводить к оппортунистическому поведению, связанному с трактовкой сторонами сделки неурегулированных ситуаций в своих интересах. Таким образом, все вышеперечисленные обстоятельства представляют угрозу национальной безопасности, поддерживая неэффективное производство общественных благ и нарастание социально-экономических конфликтов на всех уровнях GES.

Примечания

1 В условиях мирового кризиса сырьевых цен на рубеже 2014–2015 гг. в ЕАЭС на фоне проведения странами-членами различной монетарной политики развернулась девальвационная война, связанная с усилением диспропорций торгового баланса и счета текущих операций. Удорожание взаимного импорта вследствие дисбаланса номинальных и реальных курсов национальных валют стало причиной разворачивания «торговых войн» и, как следствие, переориентации на внешнюю торговлю.

2 В апреле 2022 г. на совещании в ЕЭК казахская сторона выразила недовольство введенными Россией запретами на вывоз сахара и ограничением на экспорт зерновых для государств ЕАЭС, кроме Беларуси, рассмотрев в данных решениях элементы дискриминации [167]. Данная мера, призванная не допустить реэкспорт в третьи страны при возникшей ценовой разнице в условиях беспошлинной торговли, не нарушает ДЕАЭС (ст. 29), провоцируя, однако, в зависящих от поставок стран-партнерах дефицит товаров и продовольственную инфляцию. За решением России последовали временные запреты на экспорт сахара из Казахстана и Кыргызстана. В марте 2022 г. Беларусь ввела запрет на вывоз отдельных видов промышленных товаров в страны – партнеры по ЕАЭС, включая оборудование и транспортные средства.

Характер институциональных барьеров устойчивого развития ЕАЭС указывает на необходимость проведения реформ его институциональной среды, прежде всего, в части развития нормативно-правовой базы Союза с учетом специфики правового пространства ЕАЭС (с. 85), а также внедрения новых инструментов финансового механизма ЕАЭС с внесением изменений в функционал и состав контрольных (надзорных) органов. Таким образом, возникает требование

к трансформации институциональной среды этого интеграционного объединения, ориентированной, на основе опыта предшествовавших интеграционных группировок (часть из которых де-факто прекратила свое функционирование), на преодоление негативных внешних эффектов для национальных экономик в среднесрочной перспективе и дальнейшее продолжение практической деятельности ЕАЭС в долгосрочном аспекте.

Глава 3 СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ЕАЭС

3.1 Направления реформирования институциональной среды ЕАЭС

Видение странами-членами главной цели создания ЕАЭС базировалось на обеспечении условий для развития национальных экономик и повышении их региональной и глобальной конкурентоспособности за счет либерализации поставок продукции на внешние рынки, а также улучшения инвестиционного климата. В перспективе до 01.01.2025 г. ДЕАЭС поставлена цель достижения «четырех свобод» на евразийском пространстве: отмена полного спектра препятствий (барьеров, изъятий и ограничений) для перемещения продуктов, рабочей силы и капитала.

Устранение институциональных разрывов в ЕАЭС (см. примечание) предусмотрено Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (далее – Стратегия-2025) [32]. Документ определяет 11 направлений реализации интеграционного взаимодействия, которые представлены на рисунке 13, и перечень из 523 мероприятий, в том числе по развитию нормативно-правовой базы Союза, дополняющих меры и механизмы, запланированные к реализации согласно действующим МНПА ЕАЭС концептуального характера.

Примечание – Природа институциональных разрывов в евразийской интеграции лежит во взаимодействии различных иерархических режимов интеграции [65]. Со вступлением в силу ДЕАЭС, интеграционное сотрудничество между государствами последовательно прошло четыре этапа развития: ЗСТ, ТС, общий рынок, экономический союз, последние два из которых, однако, следует рассматривать как «неполные» («ограниченные»). Так, в настоящее время из 128 секторов единого рынка услуг [24] только 57 функционируют для всех стран-членов. При этом, согласно Прил. № 16 к ДЕАЭС, во всех секторах и видах деятельности сохраняются

«горизонтальные» ограничения, предусмотренные национальными законодательствами. В свою очередь, полноценному завершению «экономического союза» препятствует незавершенность процесса гармонизации национального законодательства.

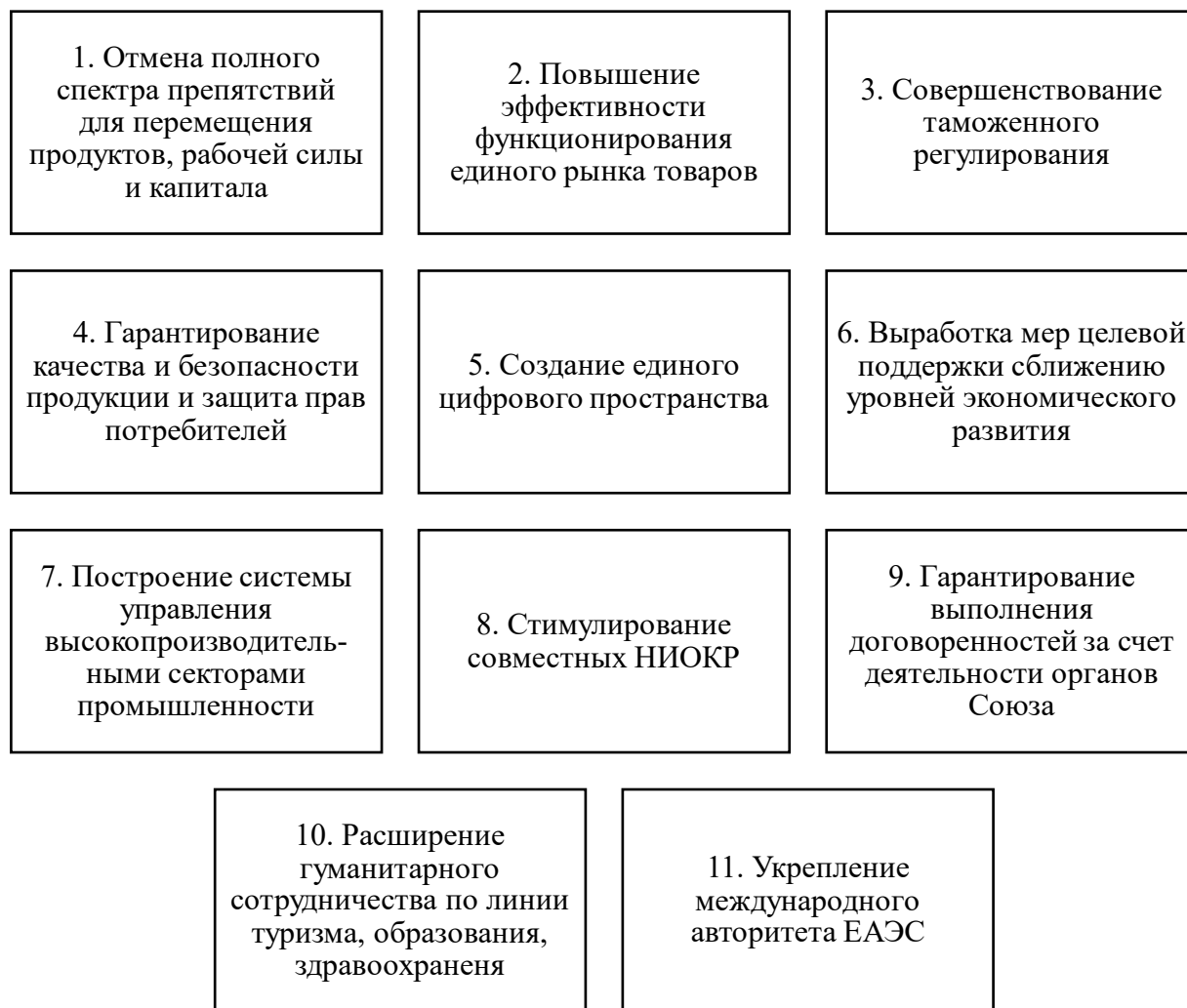

Рисунок 13 – Стратегические направления развития интеграции в рамках ЕАЭС

Примечание – Составлено автором по: [32].

В таблице 18 представлена характеристика проектов по реформированию институциональной среды ЕАЭС в соответствии со Стратегией-2025, которые напрямую направлены на устранение институциональных барьеров устойчивого развития ЕАЭС (см. разд. 2.3) на краткосрочную перспективу.

Перечень завершенных мероприятий в области реформирования институциональной среды ЕАЭС, предусмотренных Стратегией-2025, приведен в таблице 19.

Таблица 18 – Проекты реформирования институциональной среды ЕАЭС в соответствии со Стратегией-2025

Направление	Мероприятие	Срок исполнения
1.4. Формирование ОФР соответствии с Концепцией формирования ОФР ЕАЭС	Заключение международного договора о допуске брокеров и дилеров одного государства-члена к участию в организованных торгах бирж (организаторах торговли) других государств-членов	до 31.12.2024 г.
	Заключение международного договора о взаимном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах-членах	до 31.12.2025 г.
	Заключение международного договора о стандартизированной лицензии	до 31.12.2025 г.
	Разработка и заключение международного договора о наднациональном органе по регулированию общего финансового рынка Союза с внесением изменений в Договор (при необходимости)	до конца 2025 г.
2.2. Формирование общего биржевого товарного рынка Союза	Разработка и утверждение программы развития биржевых торгов товарами, по которым сторонами достигнута договоренность их реализации на биржевых торгах, с включением в нее мероприятий, в том числе направленных на формирование и использование биржевых и внебиржевых индикаторов цен	до 31.12.2024 г.
Примечание – Составлено автором по: [42].		

Таблица 19 – Результаты мероприятий по устранению институциональных барьеров устойчивого развития ЕАЭС в соответствии со Стратегией-2025

Направление	Мероприятие	Результат
1.1. Выполнение государствами – членами Союза принятых договоренностей	Совершенствование Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС на барьеры, изъятия и ограничения в части порядка устранения барьеров	Решение Коллегии ЕЭК от 28.03.2023 г. № 41 Вступило в силу 30.04.2023 г.
1.2. Сокращение изъятий и ограничений на внутреннем рынке Союза	Разработка и утверждение планов мероприятий («дорожных карт») по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке Союза	Решение Совета ЕЭК от 05.10.2021 г. № 106 Вступило в силу 21.11.2021 г.
	Разработка и утверждение порядка взаимодействия государств-членов и ЕЭК при введении и отмене государствами-членами ограничений во взаимной торговле товарами по основаниям, указанным в ст. 29 ДЕАЭС	Решение Совета ЕЭК от 15.04.2022 г. № 55 Не вступило в силу
1.6. Обеспечение доступа к государственным закупкам	Подготовка и подписание соглашения о взаимном признании банковских гарантий при осуществлении государственных (муниципальных) закупок	Подписано 29.08.2023 г. ВГС завершено в России, Беларуси и Казахстане

Окончание таблицы 19

Направление	Мероприятие	Результат
2.2. Формирование общего биржевого товарного рынка Союза	Разработка и утверждение концепции формирования общего биржевого рынка товаров в рамках Союза, в том числе рынков производных финансовых инструментов, базисным активом которых является товар	Проект Концепции представлен на заседании РГ 01.12.2022 г.
5.2. Развитие трансграничного пространства доверия, информационного взаимодействия и электронного документооборота	Разработка и принятие перечня сфер, требующих обеспечения признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном взаимодействии хозяйствующих субъектов с органами государственной власти государств – членов ЕАЭС	Распоряжение Коллегии ЕЭК от 25.01.2022 г. № 8 Вступило в силу 31.01.2022 г.
	Разработка и принятие правил признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии юридических лиц (хозяйствующих субъектов) с уполномоченными органами государств – членов ЕАЭС и ЕЭК с использованием службы доверенной третьей стороны (в определенных государствами-членами сферах)	Решение Коллегии ЕЭК от 22.08.2023 г. № 120 Вступило в силу 23.09.2023 г.
Примечание – Составлено автором по: [42].		

Новая методология идентификации препятствий на рынке Союза утверждена Решением Коллегии ЕЭК от 28.03.2023 г. [45]. Документ определяет: 1) порядок обнаружения препятствий и организации работы со сведениями и обращениями о возможных препятствиях, соответственно полученными ЕЭК в процессе правового мониторинга и поступающими от национальных органов государственной власти, юридических и физических лиц; 2) механизм рассмотрения сведений и обращений (в том числе состав уполномоченных органов), сроки и структуру представления заключения о препятствиях; 3) методологию анализа вопросов о барьерах и ограничениях, перечень оснований для включения барьеров и ограничений в базу (реестр); 4) схему признания барьеров и ограничений ликвидированными. В ст. 28 установлено, что результаты работы по устранению странами барьеров и ограничений подлежат оглашению на заседании Совета ЕЭК не реже одного раза в год.

Актуальный перечень мероприятий по ликвидации ограничений на рынке ЕАЭС утвержден соответствующим решением Совета ЕЭК [38] сроком на 2021–2022 гг. Документ включает сведения о 13 ограничениях, из которых по состоянию на февраль 2024 г. устранены только два.

Решением Совета ЕЭК от 15.04.2022 г. принята схема взаимодействия между странами ЕАЭС и ЕЭК по поводу введения и отмены ограничений на куплю-продажу товаров (за исключением мер по предупреждению инфекций) [39], которая включает: 1) сроки, случаи и механизм уведомления уполномоченным органом государства, вводящего ограничения на основании ст. 29 ДЕАЭС, правительств других государств ЕАЭС и ЕЭК; 2) состав сведений уведомления; 3) порядок проведения консультаций между уполномоченными органами стран ЕАЭС, в том числе по вопросам введения ответных ограничений. Вступление в силу данного документа приурочено к вступлению в силу Протокола об изменениях в ДЕАЭС от 31.03.2022 г. [4].

Согласно Стратегии-2025, создание ОФР ЕАЭС направлено на обеспечение беспрепятственной циркуляции капитала и финансовых услуг на евразийском пространстве за счет повышения конкуренции в финансовом секторе, предоставления бизнесу и населению расширенного спектра финансовых продуктов и ресурсов. На стадии внутригосударственного согласования (далее – ВГС) находится Соглашение о допуске брокеров и дилеров одного государства Союза на биржи других государств-членов [51]. Документ закрепляет за каждой страной-членом обязательство по обеспечению допуска к участию в биржевых организованных торгах дилеров и брокеров, зарегистрированных на территории других союзных государств. Для этого должны соблюдаться следующие требования: 1) наличие лицензии (разрешения) на осуществление профессиональной деятельности, выданной в соответствии с национальным законодательством; 2) отсутствие нарушений законодательства в части регулирования фондового рынка, осуществления биржевой, клиринговой и депозитарной деятельности, злоупотреблений на рынке ценных бумаг и ПФИ и др.;

3) выполнение правил, установленных биржей (организатором торговли), а также другими участниками сделки.

В случае положительного решения о допуске брокеров и дилеров к участию в организованных биржевых торгах Соглашение наделяет их следующими правами (в том числе посредством удаленного доступа): 1) подавать заявки и заключать сделки; 2) становиться участниками клиринга с использованием услуг национальной (с позиции организатора торговли) клиринговой организации; 3) открывать счета в центральных депозитариях государств-членов и др. Контроль за совершением операций брокерами и дилерами в стране ЕАЭС может осуществляться уполномоченными органами других союзных государств. При выявлении несоблюдения положений законодательства союзного государства, резидентом которого является биржа (организатор торговли), его уполномоченный орган принимает меры правового принуждения с привлечением к ответственности нарушителя (брокера, дилера, клиентов и т.д.) и информирует об этом уполномоченный орган по месту регистрации брокера (дилера). В настоящее время (до вступления в силу Соглашения) допуск на финансовые рынки ЕАЭС осуществляется национальными регуляторами.

Примечание – С 08.08.2022 г. осуществляется допуск к организованным торгам на МОЕХ иностранных лиц из «дружественных» стран и зарубежных компаний, конечными бенефициарами которых являются российские юридические или физические лица. Клиенты-нерезиденты, отвечающие требованиям п. 12 Указа [19], имеют доступ ко всем режимам торгов на фондовом и срочном рынках Московской биржи.

Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах ЕАЭС [48] призвано обеспечить, с одной стороны, доступ всех инвесторов к акциям и облигациям высшей категории надежности, с другой – доступ эмитентов ко всем инвестиционным продуктам с приемлемыми уровнем риска и объемом издержек. Проект Соглашения уже одобрен ЕЭК 30.11.2021 г., ВГС завершено в России. Главная цель документа – достижение свободы осуществления операций по выпуску и торговле ценными бумагами в рамках интеграционного объединения за

счет предоставления равных возможностей допуска ценных бумаг высшей категории (согласно рейтингу биржи по месту регистрации эмитента) к размещению и обращению на торгах в странах – партнерах по ЕАЭС. Эмитенты освобождаются от требования к регистрации выпуска ценных бумаг, публикации проспекта и отчета об эмиссии. Проверка размещения эмитентом ценных бумаг и их обращения на соответствие нормам национального законодательства проводится уполномоченным государственным органом по месту нахождения биржи (организатора торговли). В случае решения о применении мер воздействия в отношении эмитента ценных бумаг (включая его должностных лиц) за выявленное правонарушение уполномоченный орган информирует об этом уполномоченный орган страны ЕАЭС, в которой зарегистрирован эмитент, для привлечения последнего к ответственности (если таковая предусмотрена законодательством страны регистрации эмитента).

Проект Соглашения о стандартизированной лицензии в отношении банков и страховых организаций, которые зарегистрированы на территории стран ЕАЭС и на которые не распространяется особый правовой режим в финансовом секторе, утвержден распоряжением Коллегии ЕЭК от 11.04.2023 г. и направлен на ВГС [50]. Документ устанавливает: 1) условия, порядок выдачи, приостановления, пересмотра стандартизированной лицензии; 2) количественные требования (объем собственных средств, норматив достаточности капитала и др.) и требования к деловой репутации соискателей (материнских организаций); 3) подходы к облегчению допуска дочерних предприятий на финансовые рынки других государств – членов ЕАЭС; 4) принципы надзора за материнской («страны происхождения») и дочерними («страны пребывания») организациями; 5) механизм обмена сведениями между национальными уполномоченными (регулирующими) органами (в том числе единые требования к ведению национального реестра стандартизированных лицензий). Согласно ст. 12 проекта Соглашения, с момента вступления в силу документа в отношении соискателей из Кыргызстана, зарегистрированных на территории страны до 01.01.2030 г., действуют пониженные минимальные требования к размеру собственных средств.

Согласно ДЕАЭС (ст. 103), наднациональный регулирующий орган в области финансового рынка с месторасположением в г. Алматы будет сформирован в 2025 г. В связи с этим Стратегией-2025 предусмотрено, что государства-члены в 2025 г. подготовят и заключат соответствующий международный договор, фиксирующий полномочия и функции наднационального органа (за исключением вопросов денежно-кредитной политики, обеспечения финансовой стабильности, допуска участников и надзора за рыночными субъектами), подходы к финансированию и квотированию его деятельности, механизмы принятия решений, организационную структуру, требования к квалификации служащих и др. До вступления в силу документа управление финансовыми рынками осуществляется национальными регуляторами государств – членов ЕАЭС [31]. Концепция формирования ОФР ЕАЭС содержит предварительную схему работы наднационального регулирующего органа в области финансового рынка. Предполагается, что он будет подотчетен ВЕЭС, а в число основных полномочий к 2025 г. войдут: 1) мониторинг соответствия национального законодательства мировым стандартам в области финансов; 2) разработка рекомендаций по согласованному внедрению мировых стандартов в национальное финансовое законодательство; 3) анализ актуальной ситуации на ВФР стран ЕАЭС; 4) ведение, формирование реестра участников ОФР; 5) международное сотрудничество. Вопрос расширения полномочий наднационального органа после 2025 г. будет рассматриваться по мере углубления финансовой интеграции в рамках ЕАЭС.

В марте текущего года Коллегия ЕЭК одобрила проект Соглашения о взаимном признании банковских гарантий при осуществлении государственных (муниципальных) закупок [43]. Документ устанавливает, в частности: 1) требования к банкам-гарантам, зарегистрированным на территории страны – участницы принципала; 2) список оснований для исключения банка-гаранта из перечня гарантов; 3) требования к форме и содержанию банковской гарантии; 4) порядок разрешения споров и разногласий между бенефициаром, гарантом и принципалом; 5) правила назначения государственных уполномоченных органов; 6) порядок взаимодействия между уполномоченными органами в отношении

перечня гарантов. Главная цель Соглашения – обеспечение «национального режима» в государственных закупках путем обеспечения заявок участников из стран ЕАЭС банковскими гарантиями, выданными их банками-резидентами.

Создание общего биржевого товарного рынка (далее – ОБРТ) ЕАЭС предусмотрено п. 2.2 Стратегии-2025. По словам министра ЕЭК С. Глазьева, формирование этой ЕТП приобрело особую актуальность в контексте актуальной геополитической ситуации. Реализация мер по формированию биржевых механизмов торговли, по его оценке, позволит поддерживать независимость национальных экономик от резких колебаний мировых рынков благодаря наличию евразийских механизмов ценообразования, а также развитой валютной инфраструктуры, обеспечивающей свободные сделки и расчеты в национальных валютах [62]. Кроме того, ОБРТ призван стать площадкой для реализации предприятиями малого и среднего бизнеса импортозамещающей продукции государственным заказчикам из ЕАЭС.

Для обеспечения сотрудничества в данной сфере в апреле 2021 г. была создана РГ в составе представителей ЕЭК, уполномоченных органов государств ЕАЭС, национальных бирж и производителей биржевых товаров. По итогам заседания РГ 01.12.2022 г. был представлен проект Концепции формирования ОБРТ ЕАЭС, состоящий из 14 разделов и включающий в том числе положения о целях, принципах обеспечения, механизмах, этапах создания ОБРТ и др. [114]. При разработке Проекта эксперты исходили из единства для всех стран ЕАЭС принципов добросовестной конкуренции и прозрачности ценообразования на базе рыночных механизмов (включая биржевые и внебиржевые индикаторы цен, объективные схемы накопления и обработки информации о договорах). Ранее на апрельском заседании РГ в 2022 г. были представлены: 1) предварительный перечень товаров для продажи на торгах, включающий минеральные удобрения, лесо- и стройматериалы, продовольственные товары, уголь, металл и др., который (по мере запуска других сегментов ОФР, принятия единых правил биржевой торговли в рамках общих рынков электроэнергии (далее – ОЭР), газа (далее – ОГР), нефти и нефтепродуктов (далее – ОРНиНП), ликвидации барьеров в рамках

взаимной торговли) планируется дополнить энергетическими ресурсами; 2) модели формирования ОБРТ. По мнению российской стороны, в целях стимулирования конкуренции целесообразно проводить торги на всех национальных биржах с формированием единого биржевого комитета по управлению работой ОБРТ. Представители Беларуси предложили двухэтапную схему на основе ряда действующих операторов биржевой торговли (I этап) (см. примечание), открытые заявки которых будут перенаправляться в специально организованный евразийский центр электронных торгов для продолжения работы по встречным предложениям (II этап) [131]. Последний может служить базой размещения общего торгового модуля, подключение к которому требует выработки единого протокола обмена данными.

Примечание – Для отработки условий торговли на ОБРТ ЕАЭС (I этап) 21.07.2022 г. были проведены тестовые торги на базе Белорусской универсальной товарной биржи, в которых приняли участие хозяйствующие субъекты и биржи стран ЕАЭС под контролем представителей органов государственной власти и ЕЭК. Схема работы основывалась на бесплатном удаленном допуске заинтересованных национальных участников к регистрации и осуществлению сделок купли-продажи рапсового масла (с возможностью транспортировки внутри таможенной территории) в любой из валют стран ЕАЭС.

В развитие ИИС ЕАЭС 22.08.2023 г. Коллегия ЕЭК утвердила правила признания электронной цифровой подписи и признания юридической силы электронных документов при трансграничном информационном обмене, которые распространяют действие в том числе на валютную сферу (согласно Перечню, утвержденному 25.01.2022 г. [49]).

Дальнейшее развитие технологических сегментов ОФР Союза (ЕТП) регламентируется действующими МНПА ЕАЭС в соответствии с данными таблицы 20.

Согласно Стратегии развития ИИС ЕАЭС до 2025 г. [37], развитие сервисов для реализации экономической политики в отраслях, определенных ДЕАЭС, будет завершено до конца 2025 г. В Техническом задании [44] отмечается, что информационное сопровождение межгосударственных услуг в области реализации согласованной валютной политики и регулирования финансовых рынков (включая

сферу страхования, банковскую сферу, валютный и фондовый рынки) в различных форматах взаимодействия (G2G, B2G, B2B, C2G и др.) будет осуществляться в рамках принятых правовых актов органов Союза.

Таблица 20 – Нормативная база развития ЕТП ЕАЭС в валютно-финансовой сфере

Сегмент	Документ
Интегрированная информационная система	Решение Совета ЕЭК от 22.08.2017 № 100 «Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года»
	Решение Коллегии ЕЭК от 02.04.2019 № 55 «О техническом задании на развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза»
Общее биржевое пространство	Распоряжение Коллегии ЕЭК от 03.11.2020 № 159 «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по формированию общего биржевого пространства в рамках Евразийского экономического союза»
Общее платежное пространство	Решение ВЕЭС от 01.10.2019 № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза»
Примечание – Составлено автором.	

Планом мероприятий («дорожной картой») [47] предусмотрена работа по созданию общего биржевого пространства (далее – ОБП) в качестве технологического сегмента ОФР ЕАЭС в контексте реализации комплекса взаимосвязанных международных соглашений между странами-членами, которые представлены в таблице 21. Ключевые направления развития ОБП ЕАЭС включают: 1) свободное трансграничное перемещение денежных средств, ценных бумаг и ПФИ; 2) взаимный допуск профессиональных участников на биржи стран ЕАЭС; 3) гармонизацию подходов к организации корпоративного управления в отношении бирж и эмитентов (в том числе на основе стандартов, принятых Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)); 4) создание общедоступной информационной базы Союза, включающей сведения об эмитентах, ценных бумагах, посредниках; 5) разработку единых механизмов противодействия злоупотреблениям на фондовом рынке (манипулирование, нарушение условий применения непубличной информации и др.); 6) обеспечение взаимодействия в рамках торговой и учетной инфраструктуры фондовых рынков государств-членов; 7) развитие электронного трансграничного взаимодействия между акторами рынков ценных бумаг ЕАЭС и др.

Таблица 21 – Нормативно-правовое обеспечение создания ОБП ЕАЭС

Документ	Планируемый срок реализации
Соглашение о допуске брокеров и дилеров одного государства – члена ЕАЭС на биржи (организаторов торговли) других государств-членов	Заключение: 2020–2025 гг.
Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах ЕАЭС	Заключение: 2020–2027 гг.
Соглашение о правовой помощи и взаимодействии по уголовным и административным делам в финансовой сфере	Разработка и согласование: 2022–2029 гг.
Соглашение о взаимном признании выпусков ценных бумаг и других финансовых инструментов в государствах – членах ЕАЭС	Рассмотрение целесообразности, разработка: 2020–2027 гг.
Соглашение о принципе окончательности расчетов по сделкам с ценными бумагами, совершенным на бирже (организаторе торговли)	Рассмотрение целесообразности, разработка: 2023–2030 гг.
Концепция (международный договор) создания института центрального контрагента	Рассмотрение целесообразности, разработка: 2023–2030 гг.
Концепция (международный договор) создания института репозитариев	Рассмотрение целесообразности, разработка: 2023–2030 гг.
Примечание – Составлено автором по: [47].	

В ходе интеграции биржевой инфраструктуры фондовых рынков стран ЕАЭС одним из приоритетных направлений также является пост-трейдинговое обеспечение функционирования ОБП. Существуют два подхода к объединению национальных расчетно-депозитарных систем: 1) организация двусторонних корреспондентских отношений между центральными депозитариями стран – членов ЕАЭС на базе концепции иностранного номинального держателя; 2) формирование евразийского расчетно-депозитарного пространства в рамках централизованного технологического узла с использованием механизма конвертации взаимных требований к ведению междепозитарных счетов и совершению операций по ним [135, с. 17]. Согласно «Дорожной карте» [47], соответствующее решение должно быть принято государствами-членами совместно с ЕЭК не позднее конца 2030 г.

Концепция формирования ОФР ЕАЭС содержит следующие задачи по развитию ОПП до 2025 г. [90]: 1) сотрудничество между системами передачи финансовых сообщений (СПФС) и расчетов по стандарту ISO 20022; 2) взаимодействие по вопросам быстрых платежей, расчетов в форме цифровых

аккредитивов и залладных; 3) совершенствование технологий применительно к финансовой сфере; 4) гарантирование кибербезопасности. С целью реализации этих направлений представители центральных (национальных) банков стран ЕАЭС объединились в РГ по координации развития национальных платежных систем и выступают с докладом один раз в 2 года на заседании Совета ЕЭК [42]. Процесс взаимного признания карт национальных платежных систем на пространстве ЕАЭС, требующий полного раскрытия платежной инфраструктуры его стран-участниц, тормозится в связи с наложенными на НСПК санкциями. Основными направлениями развития российского финансового рынка на 2023–2025 гг. [160] предусмотрено завершение межсистемной интеграции СБП с государствами ЕАЭС до конца 2025 г., позволяющей физическим лицам круглосуточно осуществлять денежные переводы между собой и в пользу юридических лиц без использования банковской карты.

В контексте мер по устранению институциональных барьеров, определенных Стратегией-2025, особое значение приобретают мероприятия по финализации процесса сближения национального законодательства в области финансов (п. 1.4.1), а также по проработке вопроса признания национальных рейтинговых агентств и (или) учреждению рейтингового агентства Союза (п. 1.4.9–1.4.10), нацеленные на сбалансированное развитие инфраструктуры ОФР ЕАЭС. В то же время важными стратегическими мероприятиями представляются обеспечение правовых условий для создания, деятельности и развития общих энергетических рынков (п. 2.3.1–2.3.3), развитие преференциальных режимов в торговле, установление всестороннего торгово-экономического сотрудничества с третьими странами и интеграционными объединениями (п. 11.3), подробная информация о ходе исполнения которых представлена в приложении Г.

План мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере финансового рынка [41] включает: 1) внедрение гармонизированного глоссария в отношении ВФР; 2) введение перечней организационно-правовых форм и видов деятельности участников финансового рынка; 3) принятие общих правил осуществления деятельности на страховом,

банковском и фондовом рынке в соответствии с общемировыми стандартами; 4) внедрение согласованной спецификации ценных бумаг и финансовых инструментов; 5) сближение требований к деятельности саморегулируемых организаций (СРО) в страховом и фондовом секторе; 6) сближение элементов бухгалтерской отчетности (в том числе аудита) банковских, страховых организаций и профессиональных акторов фондового рынка на основе МСФО и МСА. После 2025 г. или по окончании работ по гармонизации законодательства в области финансов и по мере углубления финансовой интеграции государствами ЕАЭС будут рассмотрены возможности согласования (путем заключения международных договоров) общих подходов к трансграничному предоставлению финансовых услуг без коммерческого присутствия, включая механизмы регулирования трансграничных споров, порядок защиты и передачи персональных данных и т.д., а также к допуску посредством открытия трансграничных филиалов.

Примечание – Отношения, связанные с осуществлением аудиторской деятельности на евразийском пространстве, дополнительно регламентируются Соглашением об осуществлении аудиторской деятельности в рамках ЕАЭС [16]. Документом установлено, что аудиторские организации в рамках Союза должны функционировать согласно Кодексу этики профессиональных бухгалтеров (ст. 16) и международным стандартами аудиторской деятельности (ст. 15), принятыми Международной федерацией бухгалтеров. Наряду с МСА, перечень последних содержит следующие категории: 1) контроль качества; 2) практика аудита; 3) обзорные проверки; 4) сопутствующие аудиту услуги и др. При этом отмечается, что использование в государстве – члене ЕАЭС иных правил ведения аудиторской деятельности допускается в случае, если они устанавливают требования по вопросам, не урегулированным международными стандартами аудиторской деятельности, либо дополняют последние.

Согласно таблице 22, развитие ВФС ЕАЭС главным образом направлено на совершенствование системы контроля (надзора) по вопросам проведения государствами-членами совместных мероприятий по регулированию экономики. Институциональные инновации в области согласованного регулирования финансовых рынков и единых правил предоставления субсидий в отношении промышленной кооперации направлены на внедрение новых инструментов финансового механизма ЕАЭС – услуг Евразийской перестраховочной компании (далее – ЕПК), субсидий из бюджета ЕАЭС.

Таблица 22 – Направления развития ВФС ЕАЭС

Направление развития	Документ	Статус документа
Деятельность контрольных (надзорных) органов	Соглашение о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации	Проект Соглашения одобрен ЕЭК 21.06.2019 г. ВГС завершено в России и Казахстане
Состав контрольных (надзорных) органов	Соглашение о Консультационном совете по курсовой политике государств – членов ЕАЭС	Проект Соглашения одобрен ЕЭК 16.07.2019 г. Направлен на ВГС
Состав инструментов финансового механизма ЕАЭС	Соглашение об учреждении Евразийской перестраховочной компании	Подписан в Ереване 20.10.2022 г. Вступил в силу 22.11.2023 г.
	Протокол о внесении изменений в ДЕАЭС	Подписан в Москве 25.05.2023 г. ВГС завершено в России
Примечание – Составлено автором.		

Проектом Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации [40] предусмотрено снятие препятствий для реализации валютных операций между резидентами союзных государств, связанных: 1) с передвижением продуктов, осуществлением работ (услуг), обменом информацией на территории ТС ЕАЭС; 2) приобретением акций и долей, внесению вкладов (паев) в уставный капитал (фонд) предприятия ЕАЭС; 3) приобретением на организованных национальных фондовых биржах (рынках) ценных бумаг, эмитированных в ЕАЭС (в том числе государственных); 4) предоставлением, получением и возвратом кредитов и займов, уплатой сумм процентов и штрафов по соответствующим договорам; 5) получением и исполнением банковских гарантий уполномоченных организаций стран – членов ЕАЭС; 6) денежными переводами в пределах таможенной территории ЕАЭС. В области валютного контроля предполагается проведение мероприятий по выявлению соответствия осуществляемых резидентами и нерезидентами валютных операций положениям Соглашения и национального валютного законодательства, проверке обоснованности валютных расчетов, соблюдения требований к открытию и ведению счетов резидентами стран в кредитных организациях, достоверности отчетности. Также предусмотрена гармонизация законодательно установленных степеней ответственности за неисполнение валютного законодательства (в том числе за осуществление противозаконных операций, несоблюдение сроков

представления информации, форм учета и отчетности, несвоевременное выполнение резидентом обязательства по получению или возврату денежных средств за (не)поставленные товары и услуги), меры уголовной ответственности применительно к последнему при реализации сделки в крупном размере и т.д.

В соответствии с проектом Соглашения о Консультационном совете по курсовой политике государств – членов ЕАЭС [46], курсовая политика в рамках Союза будет регулироваться специальным консультативно-совещательным органом в составе председателей национальных (центральных) банков. В целях координации курсовой политики на евразийском пространстве на Совет возлагаются функции по определению возможных внешних шоков, которые могут отрицательно воздействовать на устойчивость внутренних валютных рынков, и разработке мер по их минимизации в отношении инфляционных процессов и макроэкономической стабильности. Предусмотрен постоянный обмен информацией между финансовыми регуляторами, в том числе по вопросу действий, которые могут спровоцировать неустойчивость обменного курса государственных валют ЕАЭС.

Учреждение ЕПК в форме международной финансовой организации нацелено на увеличение объемов взаимной торговли и инвестиций, а также наращивание экспорта совместно произведенных товаров в третьи страны и привлечения внешних инвестиций за счет обеспечения единых условий страхования, минимизации предпринимательских и политических рисков, урегулирования убытков. Устав компании (Прил. к Соглашению об учреждении ЕПК [17]) определяет перечень ее основных функций: 1) перестрахование, обеспечение экспортных кредитов (включая все финансовые инструменты поддержки экспорта), экспортно ориентированное финансирование и инвестирование (в том числе при взаимодействии с экспортными кредитными агентствами, страховщиками, перестраховщиками стран ЕАЭС и третьих государств); 2) содействие проведению оценки рисков и урегулированию убытков при перестраховании рисков в рамках ЕАЭС; 3) международное сотрудничество; 4) выпуск, размещение, оборот, погашение и выкуп собственных ценных бумаг;

5) инвестирование средств (страховые резервы, собственный капитал и др.) в государствах-членах и за их пределами; 6) проведение маркетинговых исследований, консультаций в сфере перестрахования и др.

С целью стимулирования работы ЕПК предусмотрено освобождение от налогов в отношении: 1) ее активов, операций и сделок (за исключением платы за обслуживание); 2) зарплаты председателя и членов, сотрудников ЕПК (в случаях, установленных Соглашением); 3) ценных бумаг Компании, дивидендов (процентов) по ним. Учредителями ЕПК являются правительства стран – членов ЕАЭС, которые становятся ее участниками после оплаты своих долей в ее уставном капитале (валюта – российский рубль), распределение долей представлено на рисунке 14.

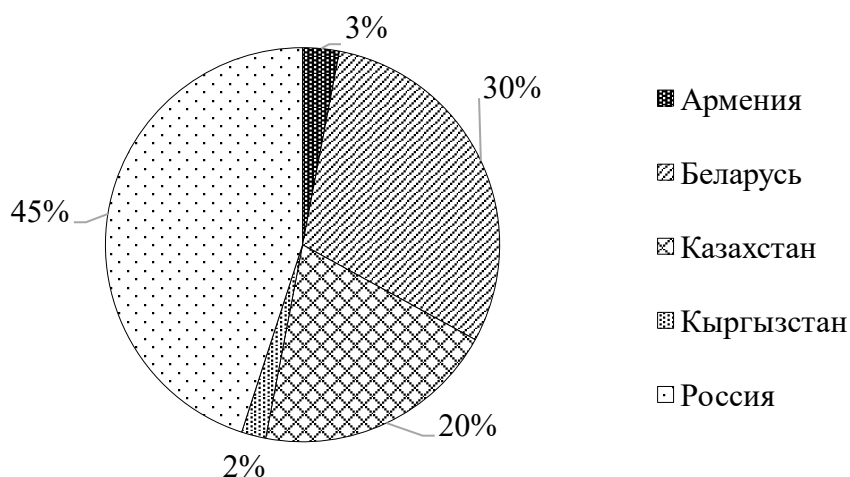

Рисунок 14 – Распределение долей в уставном капитале ЕПК между государствами – членами ЕАЭС

Примечание – Составлено автором по: [17].

Протокол о внесении изменений в ДЕАЭС от 25.03.2023 г. [5] предусматривает субсидирование кооперационных промышленных проектов за счет средств бюджета Союза сроком на 5 лет. Согласно Протоколу, решение об оказании такого финансового содействия принимается Советом ЕЭК на основании списка совместных проектов в сфере промышленности, определенных ЕМПС.

Годовая сумма, направляемая на субсидирование, установлена в размере 10% от совокупного стоимостного объема зачислений в государственные бюджеты от

специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин [34] в финансовом году, предшествующем утверждению бюджета ЕАЭС. Финансовое содействие оказывается через субсидирование ставок процента по кредитам и займам, предоставляемым международными и национальными финансовыми организациями. Положение об отборе совместных кооперационных проектов и оказании финансового содействия подлежит утверждению ЕМПС [52] по результатам вступления в силу указанного Протокола [5]. Согласно проекту, Положение будет регламентировать: 1) правила и параметры отбора промышленных кооперационных проектов (в том числе требования к составу участников, пакету документов, ожидаемым результатам от реализации проекта); 2) требования к кредитополучателям (заемщикам), кредитодателям (национальным и международным финансовым учреждениям); 3) структуру и условия кредитного договора (включая льготную ставку процента, запрет на выплату дивидендов, целевое использование средств и др.); 4) принципы и механизм подачи, рассмотрения, одобрения заявки на включение проекта в программу субсидирования (включая порядки ранжирования приоритетных проектов, экспертизы документов, структуру соглашения о предоставлении субсидии); 5) график выплат и отчетности (включая порядок расчета размера субсидии, период льготного кредитования, требования к докладу о ходе реализации проекта); 6) состав уполномоченных органов по контролю за соблюдением критериев по отбору проектов, требований к кредитодателям, за реализацией проектов; 7) финансовую ответственность ЕЭК, финансовых организаций и заемщиков; 8) основания для приостановления и прекращения субсидирования. Согласно разд. VII проекта Положения, возмещение недополученных кредитодателями доходов по кредитным договорам осуществляется в российских рублях по курсу, зафиксированному на день одобрения кооперационного проекта; субсидирование предоставляется в размере ключевой ставки (рефинансирования) национального (центрального) банка страны-кредитополучателя.

Исследование союзных стратегических и концептуальных документов ЕАЭС, а также направлений развития ВФС Союза в контексте выявленных

институциональных барьеров устойчивого развития интеграционного объединения (см. разд. 2.3) позволило прийти к выводу о наличии институционального риска для ЕАЭС, что вызвано незавершенностью формирования его институциональной среды в условиях изменчивости и неопределенности экономического развития и обусловлено сложностью согласования экономических интересов суверенных стран – участниц объединения. Здесь и далее под институциональным риском мы понимаем вероятность невыполнения целей интеграционного объединения вследствие недостаточной эффективности связей между национальными экономиками и несовершенства его институциональной среды.

Применительно к интеграционному объединению, выявленные нами факторы институционального риска (см. ниже) представляется возможным классифицировать по продолжительности их действия [91, с. 4]. Факторы, относящиеся к группе краткосрочных, имеют в своей основе сохранение действующих институциональных барьеров устойчивого развития интеграционного объединения в краткосрочном периоде, однако вступление в силу соответствующей нормативно-правовой базы способно создать условия для удовлетворения текущих интересов государств и части будущих общественных потребностей. Долгосрочные факторы институционального риска характеризуются в целом неспособностью по итогам развития институциональной среды интеграционного объединения обеспечить благоприятные условия для интенсивного экономического роста стран-членов, представляя собой прямую угрозу для его дальнейшего функционирования.

По нашему мнению, краткосрочные факторы институционального риска для ЕАЭС представляют собой:

- неопределенность сроков вступления в силу соответствующих нормативно-правовых документов (в отношении принятия согласованных подходов к регулированию правоотношений в валютной сфере, запуска механизма субсидирования в отношении промышленных товаров за счет средств бюджета ЕАЭС и взаимного признания банковских гарантий для целей государственных закупок, деятельности Консультационного совета по курсовой политике),

напрямую определяющих процесс трансформации институциональной среды ЕАЭС;

- нарушение сроков реализации мероприятий, установленных Стратегией-2025: отсутствие «дорожной карты» по ликвидации наличных барьеров и ограничений на рынке ЕАЭС на 2024–2025 гг., утвержденного проекта концепции создания общего рынка биржевых товаров по состоянию на февраль 2024 г.;

- неизвестность даты начала работы ЕПК (несмотря на вступление в силу соответствующего международного соглашения в ноябре 2023 г. [17]).

Основным долгосрочным фактором институционального риска для ЕАЭС является недостаточный потенциал повышения плотности его институциональной среды, формирующийся вследствие:

- недостатка международных договоров, которые фиксируют намерения государств – членов ЕАЭС по созданию таких технологических сегментов, как ИВР и ОПП. В настоящее время их функционирование в странах-членах подчинено различным принципам, что препятствует формированию общей платежно-расчетной инфраструктуры. Кроме того, также не планируется институциональное строительство региональной системы безналичных расчетов, формируя условия для повышения рисков использования национальных валют в трансграничных расчетах на фоне глобальной геоэкономической ситуации;

- отсутствия единых инструментов монетарного регулирования в ЕАЭС, развития межгосударственного взаимодействия в сфере прямого налогообложения, а также единых механизмов регулирования ВФО в планах по развитию институциональной среды. Ситуация усложняется незавершенностью процесса сближения финансовых законодательств стран ЕАЭС. В рамках Плана мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере финансового рынка [41] как единственного МНПА в данной области не представляется возможным осуществить комплексный переход к модели саморегулирования на финансовых рынках стран и выровнять диспропорции их инструментальной структуры.

Таким образом, процесс реформирования институциональной среды ЕАЭС в целом носит противоречивый характер. Это обусловлено тем, что:

1. Реформы институциональной среды ЕАЭС не затрагивают выработку единых подходов и инструментов монетарного регулирования в странах ЕАЭС. Между тем в контексте запуска механизма финансового содействия реализации программ промышленной кооперации за счет средств бюджета ЕАЭС вопрос о существенном различии в размерах ставок рефинансирования (ключевых ставок) в странах – членах ЕАЭС приобретает особую актуальность.

2. Вопрос о принятии единых механизмов регулирования ВФО в рамках ЕАЭС не подлежит рассмотрению в контексте реформирования институциональной среды ЕАЭС, что отчасти связано с незавершенностью процесса сближения финансовых законодательств государств-членов (в том числе в части сближения требований к системе управления рисками, внутренней системе управления акторов банковского, страхового (до 2025 г.) и фондового рынков (до 2029 г.), а также к организации внутреннего контроля и осуществлению процедур противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) последних (до 2025 г.)) [41].

3. Наднациональный регулирующий орган ЕАЭС в области финансовых рынков, который планируется сформировать к 2025 г., не наделяется реальными полномочиями по управлению (контролю) в сфере ВФО, что не может способствовать снижению системных рисков в рамках ВФС ЕАЭС в целом в среднесрочной перспективе.

4. Не предусмотрены меры правовой ответственности для государств – членов ЕАЭС за своевременное неустранение выявленных барьеров (в сроки, установленные Методологией [45]).

Стратегия развития ЕАЭС в целом ориентирована на устранение институциональных разрывов евразийской экономической интеграции и нацелена на завершение этапа экономического союза к 2025 г., характеризуемого свободным обращением продуктов, капитала, трудовых ресурсов, а также частичным сближением национальных экономических политик. Между тем проекты

реформирования институциональной среды ЕАЭС, предусмотренные в том числе союзными стратегическими и концептуальными документами, не в полной мере способствуют устранению институциональных барьеров устойчивого развития этого интеграционного объединения и формированию благоприятных условий для интенсивного экономического роста евразийского региона с учетом современных трендов мегаэкономики. Все это обуславливает актуальность выработки предложений по дальнейшему совершенствованию организации институциональной среды ЕАЭС на основе учета выявленных краткосрочных и долгосрочных факторов институционального риска.

3.2 Практические рекомендации по развитию институциональной среды ЕАЭС в интересах устойчивого развития региона

При разработке предложений по совершенствованию элементов институциональной среды ЕАЭС мы опирались на разработанную нами схему построения структуры институциональной среды интеграционного объединения (см. разд. 1.2). Приоритеты и меры для совершенствования механизма регулирования устойчивого развития этого интеграционного объединения, которые представлены в таблице 23, определены нами с учетом требований к реализации стратегических направлений интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС к 2025 г. (краткосрочная перспектива), выполнению задач устойчивого развития региона, поставленных ОНЭР-2030 (среднесрочная перспектива) [26] (а именно: 1) достижение долгосрочной макроэкономической устойчивости; 2) обеспечение деловой и инвестиционной активности на высоком уровне; 3) инновационная модернизация национальных экономик; 4) обеспечение доступности финансовых ресурсов; 5) инфраструктурное развитие; 6) реализация

кадрового потенциала; 7) повышение экологической эффективности; 8) установление и поддержание взаимовыгодного межрегионального сотрудничества; 9) реализация потенциала в сфере внешней торговли), реализации приоритетов развития ЕАЭС до 2045 г. (а именно: 1) самодостаточность региона; 2) интеллектуально-технологическое лидерство региона; 3) высокий уровень жизни граждан [53]) и достижению конечных целей интеграционного объединения (на долгосрочную перспективу).

Таблица 23 – Приоритетные направления государственного регулирования в области устойчивого развития ЕАЭС

Направление регулирования	Меры регулирования	Цели регулирования
Развитие механизма трансформации сбережений домохозяйств и фирм в инвестиции в рамках ЕАЭС	<ul style="list-style-type: none"> - Развитие нормативно-правовой базы в сфере функционального и инструментального развития финансового рынка ЕАЭС - Стандартизация и лицензирование деятельности профессиональных акторов финансового рынка ЕАЭС - Создание единого налогового механизма стимулирования инвестиций - Переход к интегрированной модели контроля (надзора) за финансовым сектором экономики на мегауровне 	<ul style="list-style-type: none"> - Снижение рисков субъектов экономики в процессе общественного производства - Привлечение долгосрочных ресурсов домохозяйств и фирм для развития реального сектора экономики - Стимулирование инновационной активности фирм - Гарантирование прав собственности инвесторов
Создание благоприятной конкурентной среды на внутреннем рынке	<ul style="list-style-type: none"> - Межгосударственное согласование ключевых условий рефинансирования - Устранение административных, организационных ограничений в сфере промышленной кооперации 	<ul style="list-style-type: none"> - Обеспечение равного доступа предприятий из стран-членов к механизму государственной поддержки на макро- и мегауровне - Обеспечение ценовой конвергенции во взаимной торговле продуктами - Продвижение межстрановых кластерных инициатив и совместного предпринимательства для целей устойчивого развития - Демонополизация производства
Снижение транзакционных издержек в рамках ЕАЭС	<ul style="list-style-type: none"> - Организация системы прямого обмена товарами и услугами в рамках ЕАЭС - Развитие технологических платформ трансграничного взаимодействия между 	<ul style="list-style-type: none"> - Преодоление разбалансированности между объемами действительного и денежного капитала для непрерывного воспроизводства в масштабах ЕАЭС

Окончание таблицы 23

Направление регулирования	Меры регулирования	Цели регулирования
	субъектами экономических отношений в валютно-финансовой сфере	- Снижение затрат агентов экономики при перераспределении денежного капитала (поиск контрагентов и партнеров, заключение сделок, ожидание и подтверждение транзакций и др.)
Примечание – Составлено автором.		

Расширение линейки доступных способов, инструментов и методов трансформации сбережений домашних хозяйств и фирм в инвестиции в масштабах всего интеграционного объединения является основой для его промышленного развития. Для этого в ЕАЭС необходимо сформировать развитую нормативно-правовую базу, обеспечивающую распределение ответственности между хозяйствующими субъектами на различных уровнях экономики в процессе развития общего финансового рынка.

Важным условием для консолидации долгосрочных инвестиционных ресурсов (в том числе за счет использования внутренних источников) для развития реального сектора экономики является переход к интегрированной модели контроля (надзора) за финансовым сектором на мегауровне, который целесообразно проводить в несколько этапов.

В рамках первого (начального) этапа, в течение которого исполнение задач по макро- и микропруденциальному надзору и регулированию продолжит быть закрепленным за национальными уполномоченными органами, необходимо разработать и согласовать формальные правила ЕАЭС в отношении:

- 1) гармонизированных стандартов риск-ориентированного контроля за деятельностью профессиональных акторов финансового рынка и инфраструктурных организаций (регулятивные полномочия, управление рисками, оценка достаточности капитала, порядок обмена информацией между регуляторами, меры ответственности за нарушение законодательства и т.д.);
- 2) единых требований к изменению организационно-правовой формы, прекращению деятельности, финансовому оздоровлению профессиональных

участников финансового рынка и инфраструктурных организаций рынка ценных бумаг (порядок подготовки программ финансового оздоровления, банкротства, а также основания к признанию несостоятельности и др.); 3) унифицированных подходов к противодействию злоупотреблениям на фондовом рынке; 4) общих требований к регулированию системно значимых организаций на финансовом рынке (критерии отнесения к системно значимым организациям, опубликование информации, реорганизация и ликвидация, мониторинг рисков, стандарты финансовой состоятельности, корпоративный контроль); 5) перечней и сроков мероприятий по внедрению международных стандартов для кредитных (Базель II и III) и страховых (стандарты IAIS и Solvency II) организаций в законодательства стран – членов ЕАЭС с учетом фактического уровня их внедрения.

Начало второго (переходного) этапа связано с учреждением наднационального органа ЕАЭС по регулированию финансовых рынков, в перечень полномочий которого целесообразно включить, в частности: 1) контроль за внедрением согласованных на первом этапе требований регулирования и надзора в национальные законодательства, включая мониторинг состояния финансовых рынков по итогам практической реализации последних хозяйственными субъектами, а также разработку предложений по их корректировке в случае выявления негативного влияния на функционирование ОФР; 2) разработку единого Кодекса корпоративного управления ЕАЭС на базе методологии корпоративного управления в ОЭСР; 3) подготовку рекомендаций по сближению требований по вопросам гарантирования прав потребителей и инвесторов на рынке финансов, гармонизации механизмов проведения контроля и регулирования в валютной сфере, унификации условий недопущения использования инсайдерской информации и осуществления незаконных манипуляций в области финансовой деятельности. По завершении внедрения каждого из гармонизированных на законодательном уровне положений в практику ведения бизнеса предлагается развивать перечень функций наднационального органа (включая регулирование и надзор за деятельностью обособленных групп

профессиональных акторов, выявление новых видов трансграничных системных рисков и их предупреждение и др.).

Третий (заключительный) этап предусматривает принятие интегрированной модели ВФС ЕАЭС, выстроенной на базе эффективно функционирующих небанковских организаций. В этой связи исходным пунктом концепции надзора за состоянием финансового сектора, подлежащей утверждению в 2030 г., должно выступать наделение наднационального органа статусом мегарегулятора в целях осуществления комплексного регулирования в отношении всех акторов финансового сектора (включая инфраструктурные организации). По нашему мнению, мегарегулятор ЕАЭС должен выполнять следующие функции: 1) проведение макропруденциальной политики (мониторинг состояния системно значимых финансовых организаций, риск-ориентированный надзор за участниками ОФР); 2) микропруденциальный надзор и регулирование (оценка финансового положения выборочных акторов ОФР ЕАЭС); 3) контроль за исполнением Кодекса корпоративного управления ЕАЭС; 4) регулирование и контроль в валютной сфере; 5) контроль за гарантированием прав потребителей и инвесторов на ОФР ЕАЭС; 6) обеспечение справедливой конкуренции на ВФР (мониторинг в области исполнения профессиональными акторами ОФР ЕАЭС единых запретов к использованию конфиденциальной информации, противодействие недобросовестной предпринимательской деятельности (в том числе взаимодействие с офшорными юрисдикциями, ПОД/ФТ и т.д.). Предлагаемая структура мегарегулятора представлена на рисунке 15.

Деятельность каждого департамента, подотчетного Комитету по микропруденциальному надзору, направлена на разработку рекомендаций по обеспечению прав потребителей и инвесторов, а также сближению законодательств союзных государств в рамках соответствующего сегмента финансового рынка, включая подготовку перечня требований к структуре собственного капитала участников страхового и банковского рынков, разработку нормативов по проведению поставщиками услуг на фондовом рынке транзакций с финансовыми инструментами (с использованием мировых практик риск-ориентированного

надзора) и контроль за их исполнением. В перечень полномочий Группы по корпоративному управлению предлагается включить: 1) подготовку предложений по гармонизации Кодексов корпоративного управления стран ЕАЭС; 2) разработку единого Кодекса корпоративного управления ЕАЭС; 3) взаимодействие с финансовыми регуляторами стран ЕАЭС по вопросам внедрения и исполнения положений единого Кодекса; 4) выработку рекомендаций по внедрению единых запретов в части использования конфиденциальной информации акторами ОФР ЕАЭС и осуществления ими финансовых манипуляций, а также контроль за их выполнением.

Рисунок 15 – Структура мегарегулятора ЕАЭС

Примечание – Составлено автором.

Представляется, что главными направлениями работы Комитета по макропруденциальному надзору должны стать: 1) мониторинг, определение и смягчение рисков ВФС ЕАЭС; 2) разработка рекомендаций для финансовых регуляторов ЕАЭС по предотвращению финансовых кризисов, сокращению последствий наличных системных рисков; 3) определение унифицированных

стандартов функционирования системно значимых финансовых организаций и оценки их кредитоспособности; 4) разработка программ реструктуризации системно значимых финансовых организаций, контроль за их исполнением национальными регуляторами финансовых рынков; 5) взаимодействие с финансовыми регуляторами ЕАЭС по вопросам проведения согласованной макроэкономической политики.

Группу стратегического планирования предлагается наделить следующими функциями: 1) разработка на ежегодной основе программы развития ОФР ЕАЭС (в том числе при взаимодействии с другими структурными подразделениями мегарегулятора ЕАЭС); 2) мониторинг исполнения программы государственными финансовыми регуляторами; 3) разработка рекомендаций по обеспечению выполнения прогнозных значений индикаторов развития ОФР ЕАЭС; 4) подготовка антикризисных программ реструктуризации финансового сектора.

Деятельность Комитета по валютному регулированию и валютному контролю должна быть нацелена на выработку рекомендаций по таким направлениям унификации национальных валютных законодательств ЕАЭС, как регулирование и контроль, ослабление препятствий для трансграничного передвижения капитала и инвестиций по территории ЕАЭС, ПОД/ФТ, деофшоризация и т.д.

На уровне государств – членов ЕАЭС необходимо обеспечить наличие и практическое использование: 1) единого глоссария финансовых терминов (инфраструктура, инструменты, продукты) в контексте выравнивания организационных диспропорций на финансовых рынках (в том числе по отношению к деятельности профессиональных участников) и гармонизации инструментальной структуры во всех сегментах ВФР); 2) единых стандартов и порядка лицензирования деятельности профессиональных участников финансового рынка («единый паспорт»); 3) общих налоговых механизмов стимулирования инвестиционной деятельности агентов экономики.

Процесс гармонизации инструментальной структуры фондовых рынков стран-членов, на наш взгляд, требует завершения разработки единой классификации

ценных бумаг и ПФИ и обязательного внедрения отдельных недостающих видов ценных бумаг в национальные законодательства к 2025 г. Для сближения организационной структуры национальных рынков ценных бумаг мы предлагаем до 2030 г. создать условия для активизации работы организаций коллективного инвестирования для стран, где последние уже присутствуют (денационализация управления частью денежных средств государственных инвестиционных фондов) либо начинают создаваться (налоговые льготы для участников), выработать единые стандарты раскрытия информации. Для увеличения объемов биржевой торговли в регионе целесообразно в долгосрочной перспективе разрешить допуск на союзные биржи ценных бумаг большего числа категорий, т.е. акций и облигаций и тех компаний, которые имеют рейтинговую оценку не ниже удовлетворительного уровня кредитоспособности. В этой связи в рамках ЕАЭС необходимо также:

- 1) разработать единые требования к деятельности национальных рейтинговых агентств (прежде всего, в части методологии рейтинговых оценок) – до 2025 г.;
- 2) выработать и запустить упрощенный механизм взаимного признания ПФИ (единые стандарты допуска для всех организаторов торгов) – 2025–2027 гг.;
- 3) подготовить и согласовать проект международного договора об учреждении наднационального рейтингового агентства в ЕАЭС (функции, правовой статус, финансирование деятельности, управление, порядок осуществления рейтинговых действий, принципы рейтингового процесса и т.д.) – 2027–2030 гг.;
- 4) запустить наднациональное рейтинговое агентство ЕАЭС – 2030 г.

Дальнейшая гармонизация инструментальной структуры банковских рынков ЕАЭС (до 2025 г.) предполагает разработку и внедрение единых требований к реализации электронных банковских услуг (защита информации, управление рисками, противодействие мошенничеству, программное и техническое обеспечение). В свою очередь, гармонизация организационной структуры напрямую связана с выработкой единой нормативной базы в области небанковских кредитных организаций и бюро кредитных историй: 1) разработкой и внедрением согласованных правил деятельности бюро кредитных историй (схема лицензирования, источники формирования и перечень сведений, включенных в

состав кредитных историй, перечень лиц, обязанных предоставлять данные о кредитных историях, защита данных), разработкой нормативно-правовой базы в области отдельных видов небанковских финансовых посредников (при их отсутствии), гармонизацией требований к функционированию небанковских финансовых посредников (порядок создания и лицензирования, механизм защиты прав потребителей, раскрытие информации) – 2025–2027 гг.; 2) гармонизацией мер ответственности за нарушение законодательства в отношении бюро кредитных историй, разработкой Кодекса поведения для небанковских финансовых посредников, носящего добровольный характер, – 2028–2030 гг.

В рамках развития инструментальной структуры рынков страхования к 2025 г. мы предлагаем разработать список видов страхования, в обязательном порядке распространяемых на резидентов из всех союзных государств (включая обязательное социальное страхование, в том числе страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, медицинское и пенсионное страхование, обязательное страхование гражданской ответственности, в том числе ответственности владельцев транспортных средств, а также перевозчика перед пассажирами), гармонизировать применительно к ним размер страховых тарифов, сумм, порядок возмещения ущерба. В целях повышения доступности услуг целесообразно ввести в долгосрочной перспективе единый страховой полис для данных видов страхования, действующий на всей территории ЕАЭС. Таким образом, в области гармонизации обязательного страхования можно выделить следующую последовательность действий: 1) взаимное признание полиса ОСАГО (за счет присоединения всех стран-членов к международному договору «Зеленая карта» (Green Card) либо разработки нового страхового продукта), разработка перечня видов обязательного страхования, гармонизация основных понятий в области данных видов страхования, внедрение недостающих видов страхования в национальную практику – до 2025 г.; 2) гармонизация условий страхования (страховые тарифы, суммы, методология расчета ущерба, осуществления страховых выплат и т.д.), переход к модели «взаимного признания»

страховых полисов – 2025–2027 гг.; 3) введение единого страхового полиса – 2027–2030 гг.

Для содействия формированию СРО во всех секторах финансового рынка (включая СРО профессиональных акторов фондового рынка, актуариев) в краткосрочной перспективе (до 2025 г.) следует разработать гармонизированные требования в области СРО (условия членства, права и обязанности, единые стандарты раскрытия информации, система разрешения споров между участниками и потребителями, меры воздействия на участников за нарушение условий членства), а также выработать глоссарий, содержащий гармонизированные понятия, относящиеся к СРО. В среднесрочном плане (к 2028 г.) необходимо завершить внедрение единых требований и терминологии в области СРО в нормативно-правовую базу стран – членов ЕАЭС, установив обязательное членство в СРО для профессиональных участников банковского, фондового и страхового рынков. На перспективу до 2030 г. мы предлагаем развивать трансграничные СРО на ОФР ЕАЭС, предоставляющие возможность членства профессиональным участникам, зарегистрированным на территории любого государства-участника, на основании минимального перечня документов.

В части развития системы защиты прав акционеров в среднесрочном периоде целесообразно, наряду с внедрением стандартов аудиторской деятельности и Кодекса этики профессиональных бухгалтеров (IESBA) в практику субъектов хозяйства (согласно Соглашению от 19.04.2022 г.[16], вступление в силу которого планируется до января 2025 г.), разработать и утвердить обязательный к исполнению единый Кодекс корпоративного управления ЕАЭС с учетом Принципов корпоративного управления ОЭСР, который гарантирует «право акционеров на передачу или перевод акций, получение актуальной информации о корпорации на регулярной основе, участие и голосование на общих собраниях акционеров, избрание и смещение членов совета директоров, а также участие в прибылях корпорации» [168]. Предлагается также включить в Кодекс: 1) право акционеров на внесение изменений в повестку дня собрания акционеров и проекты документов; 2) требование к недискриминационному отношению к акционерам;

3) меры ответственности за нарушение положений Кодекса. После 2025 г. возможно создание Евразийского форума по корпоративному управлению (по примеру ЕС), проводящего регулярные встречи с целью определения направлений развития законодательств стран-членов в области корпоративного управления. Членство в форуме может быть предоставлено представителям наднационального органа финансового регулирования, эмитентам и инвесторам из союзных государств.

В контексте завершения разработки гармонизированных требований к законодательству стран – членов ЕАЭС в области финансов (согласно Плану («Дорожной карте») [41]), запуска модели «взаимного признания» в рамках ОБП и стандартизированной лицензии в банковском и страховом секторах к 2025 г. на среднесрочную перспективу предлагается перейти к концепции «единого паспорта» (single passport) участников, инструментов и продуктов для всех сегментов ОФР.

В данной связи к 2030 г. государствам-членам необходимо разработать и принять пакет международных соглашений. В части сектора фондового рынка необходимо определить: 1) единый перечень видов деятельности и услуг в фондовом секторе финансового рынка, подлежащих взаимному принятию; 2) общий список финансовых инструментов для взаимного признания проспектов эмиссии; 3) механизм допуска на ОФР финансовых организаций и инструментов в режимах учреждения дочерних компаний, трансграничного предоставления услуг и создания филиалов (порядок надзора за деятельностью организаций, полномочия органов контроля, информационное взаимодействие между регуляторами страны происхождения и принимающей стороны, перечень правонарушений и санкций, минимальные сроки начала деятельности (в зависимости от режима) и т.д.); 4) требования к выпуску ценных бумаг (в том числе к форме и содержанию проспекта, случаям освобождения от публикации, порядку утверждения регулятором, раскрытию информации и т.д.) и допуску к листингу; 5) требования к финансовой устойчивости участников фондового рынка (минимальный размер капитала, деловая репутация и квалификация руководителей и т.д. в зависимости

от вида деятельности организации); б) обязательства по компенсации убытков инвесторов (условия покрытия убытков, размер и сроки выплаты и др.).

Механизм стандартизированной лицензии в секторах банковского и страхового рынков необходимо к 2030 г. дополнить: 1) правами организаций, получивших разрешение в одной стране ЕАЭС, предоставлять услуги в других странах ЕАЭС или открывать филиалы (с внесением изменений в порядок надзора за деятельностью страховых и банковских организаций, сроки начала профессиональной деятельности, расширением полномочий контрольных органов и т.д.); 2) обязательными требованиями к финансовой устойчивости банков (достаточность капитала, буферы капитала, нормативы ликвидности, финансовый рычаг и др.) и страховых компаний (структура и качество собственных средств, норматив платежеспособности и др.) на основе международных стандартов, невыполнение которых ведет к отзыву лицензии; 3) схемой страхования банковских депозитов, позволяющей вкладчикам кредитной организации получать возмещение понесенных расходов в филиале, зарегистрированном на территории другой союзной страны (с установлением суммы страхового возмещения, перечня получателей, сроков выплаты, приоритета гарантирования депозитов (в случае банкротства банка), порядка финансирования и требований к структуре активов филиалов и т.д.).

В целях обеспечения недискриминационного инвестиционного налогового режима к 2030 г. предлагается: 1) гармонизировать налоговое законодательство в области операций на финансовом рынке для физических и для юридических лиц (единая ставка налога с процентов по депозитам и ценным бумагам, на доходы от дивидендов и прироста курсовой стоимости), отталкиваясь от минимального размера ставки и максимального размера налоговых льгот, применяемых в союзных государствах; 2) расширить понятие налогового резидента (как физического или юридического лица – резидента любого государства ЕАЭС); 3) ввести специальный налоговый режим, предусматривающий отмену налога на доходы организаций, направляемые на инвестиции в развитие производства, реализацию НИОКР, внедрение схем ускоренной амортизации основных фондов;

4) утвердить схему совместной работы уполномоченных органов стран ЕАЭС в области прямого налогообложения. Для этих целей в период до 2025 г. необходимо разработать и принять соответствующий международный договор (включая «дорожную карту») в рамках ЕАЭС (ответственный исполнитель – Отдел налоговой политики ЕЭК). Выработку дальнейших рекомендаций по совершенствованию прямого налогообложения целесообразно поручить Консультативному комитету по налоговой политике и администрированию. В целях стимулирования развития совместных инвестиционных и венчурных фондов мы предлагаем отменить налог на дивиденды для вкладчиков из стран – членов ЕАЭС в долгосрочной перспективе.

На микроуровне ответственность в области сохранности сбережений и повышения инвестиционной уверенности хозяйствующих субъектов в равной мере налагается как на финансовые организации, так и на предприятия реального сектора. Это требует от них осуществления эффективного управления рисками, обеспечения защиты прав инвесторов на основе реализации требований ЕАЭС, прочно внедряемых в корпоративную культуру.

Благоприятная конкурентная среда на внутреннем рынке ЕАЭС необходима для уменьшения коррупции, раскрытия потенциала малого и среднего бизнеса, поощрения принятия предпринимательских рисков, связанных в том числе с инновационной деятельностью. В рамках данного направления требуется сочетание адресных мер стимулирования бизнес-кооперации с обеспечением равного доступа хозяйствующих субъектов из стран-членов к субсидиям из бюджета ЕАЭС. Для формирования стимулов к совместному предпринимательству и развитию международных кластерных инициатив целесообразно задействовать прямые (сопоставимость правовых норм в отношении прав собственности, регистрационных требований и процедур, принципов налогообложения, порядка субсидирования и др.) и косвенные экономические инструменты (в том числе налоговые льготы, субсидии участникам и т.д.). Установление предела разницы ставок рефинансирования (ключевых ставок) в $\pm 2\%$, а также поддержание ее размера на уровне, не превышающем рентабельность производства в

приоритетных отраслях экономики (в государстве-члене с наибольшей монетизацией), позволит решить ряд основных задач устойчивого развития за счет достижения ценовой конвергенции во взаимной торговле (в том числе факторами производства, имеющими товарную форму), внесения странами – членами ЕАЭС равного вклада в создание производственно-технологических цепочек, снижения уровня монополизации национальных экономик.

Наряду с административными барьерами (см. выше), в настоящее время преградой для развития промышленной кооперации выступают организационные барьеры. В их числе – ограничения на внутреннем рынке, порождающие проблему дестабилизации и дезорганизации экономических отношений. Для ее решения целесообразно предусмотреть ответственность для государств ЕАЭС за нарушение сроков устранения наличных барьеров, установленных Методологией [185]. В качестве такой меры может применяться положение о праве других государств-членов введения ответных ограничений, аналогичное предусмотренному Решением Совета ЕЭК от 15.04.2022 г. в отношении ст. 29 ДЕАЭС [39]. Помимо этого, факторами повышения издержек предприятий на стадии производства, перевозки, продажи товаров являются отсутствие ОГР, ОЭР и ОРНиНП ЕАЭС, неразвитость транспортно-логистической инфраструктуры, устранение которых зависит от скорости и итогов согласования интересов государств – членов ЕАЭС. Представляется, что для эффективного выполнения достигнутых на мегауровне договоренностей правила в отношении физических и юридических лиц целесообразно закреплять в международных договорах между странами ЕАЭС, в то время как обязательства государств возможно фиксировать в МНПА, выработанных органами Союза. Внедрение же новых инструментов финансового механизма ЕАЭС, связанное с институциональными инновациями, требует внесения соответствующих изменений в ДЕАЭС (в частности, в области согласованной валютной политики). Таким образом, совершенствование методов наднационального правового регулирования по соответствующим вопросам должно проводиться с учетом специфики правоприменительной практики в рамках Союза. Такое распределение позволит максимально задействовать все виды

правотворчества в ЕАЭС и ускорить процесс принятия ключевых решений в интересах устойчивого развития региона.

Новые глобальные риски оказывают давление на финансовые рынки, диктуя государствам ЕАЭС необходимость делать упор на внутренние ресурсы и адресное сотрудничество с третьими странами и интеграционными союзами в процессе накопления действительного капитала, тесно связанного с денежным капиталом в рамках воспроизводственного процесса. Как показано выше, на текущий момент национальные платежные системы стран – членов ЕАЭС характеризуются неспособностью обеспечения беспрепятственного трансграничного перемещения денежного капитала. По нашему мнению, в современных условиях наиболее оптимальным решением по развитию расчетных отношений в рамках ЕАЭС является использование механизма многостороннего клиринга, заключающего в себе позитивный опыт групп стран по реализации взаимных расчетов в национальных валютах (включая ММО и интеграционные объединения, в том числе Совет экономической взаимопомощи, Центральноамериканский общий рынок, ЕС и др.). Эта мера обусловлена, во-первых, необходимостью выхода ЕАЭС на траекторию устойчивого развития в ближайшей перспективе (максимальный срок – к 2030 г., согласно ОНЭР-2030) для поддержания интеграционных процессов в целом, во-вторых, требованием к автоматизации транзакций и свободному обслуживанию трансграничных операций не только в пределах интеграционного объединения, но и между государствами ЕАЭС и его внешнеэкономическими партнерами. Адекватность данного предложения подтверждается соответствующими исследованиями ученых из области мировой экономики, финансов, денежного обращения и кредита [117; 133].

Одним из способов либерализации транзакций в рамках ЕАЭС является переход стран-членов к единой валюте. Между тем устойчивое развитие региона само по себе выступает объективным и необходимым требованием к такому переходу. Длительность этого процесса обусловлена высокими трансформационными и транзакционными издержками стран по линии согласования и принятия единой валютной, монетарной, бюджетно-налоговой

политики и перестройки структуры институциональной среды интеграционного объединения. В свою очередь, правовой основой для расчетов по клиринговым счетам выступает международное соглашение, и его подписание не сопряжено с инновациями в собственно экономических методах совместного регулирования экономики.

В части организации многосторонних клиринговых расчетов между странами ЕАЭС автором диссертации предлагается использовать в качестве расчетной единицы переводной рубль, в качестве организации по учету взаимных задолженностей по платежам в оплату взаимных поставок – ЕАБР (специально созданное для этих целей его структурное подразделение), в котором подлежат открытию счета клиринговых банков государств ЕАЭС. В соответствующем соглашении необходимо также предусмотреть: 1) списки товаров (включая в обязательном порядке товары, подлежащие продаже на ОБРТ, общих энергетических рынках, а также продукцию, отвечающую потребностям устойчивого развития региона) и услуг (в том числе широкий перечень финансовых услуг, образовательные услуги, услуги в области НИОКР и пр.) для взаимных поставок; 2) выражение всех сумм в контрактах купли-продажи в свободно конвертируемой валюте (например, в долларах США) по конкурентоспособным ценам, устанавливаемым на основе цен мировых рынков; 3) объем, срок предоставления клиринговыми банками технического кредита при возникновении дисбалансов во взаимной торговле.

Использование преимуществ прямого товарообмена представляется перспективным направлением для поддержания стабильных расчетных отношений между странами ЕАЭС и третьими странами в контексте реализации соглашений о ЗСТ и торгово-экономическом сотрудничестве (включая платежи по товарообороту, платежи, связанные со строительством инфраструктурных объектов, обучением специалистов, научно-техническим сотрудничеством и др.). Таким образом, выстраивание системы непрерывных платежей через многосторонний клиринг в рамках ЕАЭС в интересах движения факторов производства, потоков ресурсов и продуктов на едином рынке, с одной стороны, и

развития альянсов с научно-инженерными центрами государств-лидеров по поводу формирования производственных мощностей нового технологического уклада, с другой стороны, является одним из ключевых мероприятий по совершенствованию институциональной среды интеграционного объединения.

Осуществление валютных и финансовых операций, лежащее в основе перераспределения денежного капитала в масштабах экономики, сопряжено с транзакционными издержками хозяйствующих субъектов. Для их снижения необходимо налаживание эффективной работы ЕТП в сфере финансового рынка.

Согласно имеющимся в ЕАЭС нормативно-правовым документам, формирование как ОПП, так и ИВР, в целом направлено на облегчение трансграничных потоков капитала благодаря совершенствованию платежно-расчетной инфраструктуры на пространстве ЕАЭС. По нашему мнению, необходимым условием повышения эффективности работы данных технологических сегментов ОФР Союза является четкое разграничение сфер и принципов их деятельности с помощью методов наднационального правового регулирования.

За сегментом ОПП на долгосрочную перспективу целесообразно закрепить пространство, где все лица могут осуществлять безналичную оплату товаров (работ, услуг), а также получать наличные денежные средства в национальных валютах стран – членов ЕАЭС с использованием банковской карты в пределах территории ЕАЭС. В числе базовых принципов функционирования ОПП предлагается установить: 1) использование технологической платформы НСПК «Мир»; 2) гарантирование безопасности банкоматов и POS-терминалов; 3) контроль за идентификацией и аутентификацией; 4) непрерывность осуществления платежей; 5) контроль за транзакциями в зависимости от их размера. В краткосрочном плане (и в дальнейшем) трансграничные платежи могут осуществляться с использованием СБП. При этом работу по практической реализации единых платежных решений (взаимное обслуживание, эмиссия банковских карт, программы лояльности, тарифная политика для валютной конвертации, требования к надзору за деятельностью национальных платежных

систем и раскрытию информации и пр.) целесообразно проводить, с нашей точки зрения, в рамках двусторонних соглашений между операторами платежных систем ЕАЭС (включающих «дорожную карту» с указанием конкретных мероприятий и сроков их проведения в качестве неотъемлемых частей этих соглашений) с учетом местной специфики (состав участников, особенности хождения пластика, структура расчетных схем, технологические стандарты функционирования и географическая расположенность устройств (POS-терминалы, банкоматы, каналы связи), степень готовности процессинг-сервисов и др.).

Для выполнения целей ИВР, предусмотренных действующими МНПА ЕАЭС (см. разд. 2.2), в особенности в части обеспечения прямых взаимных котировок национальных валют, в качестве инфраструктурной основы ИВР, задействованного на пространстве межбанковских конверсионных операций, автором диссертации предлагается использовать цифровую платформу РКС ЕАБР, применяющую систему связи СПФС Банка России. В целях принятия единых принципов функционирования ИВР необходимо сформировать РГ в составе представителей национальных (центральных) банков стран ЕАЭС, ЕЭК, ЕАБР и крупных банков. В их числе предлагается определить: 1) развитие форм безналичных расчетов (включая прямое дебетование (Direct Debit), аккредитив, инкассо); 2) стимулирование кредитных организаций из стран ЕАЭС к пользованию услугами расчетного обслуживания ЕАБР (на базе преимуществ тарифной политики, способов исполнения транзакций, скорости проведения операций и др.); 3) безопасность расчетов (контроль за идентификацией клиентов, защита данных); 4) учет различных групп рисков при совершении платежных операций; 5) управление рисками (покрытие убытков, источники финансирования, достоверность информации и т.д.).

В контексте запланированных запусков ОБРТ и ОБП, имеющих соответствующую нормативно-правовую основу, автором диссертации предлагается дополнить ее рядом формальных правил интеграционного объединения с целью комплексного устранения институциональных барьеров устойчивого развития ЕАЭС. Так, для повышения эффективности интеграции

биржевой инфраструктуры на евразийском пространстве в рамках ОБП необходимо: 1) на законодательном уровне гармонизировать технологические условия взаимного допуска ценных бумаг и профессиональных участников фондового рынка к обращению на базе электронного документооборота (ЭД), установить общие требования к регулированию внебиржевых рынков (в том числе ликвидность и прозрачность, минимальные параметры капитала участников), внедрить понятия в отношении злоупотребления на фондовом сегменте финансового рынка (определения инсайдерской торговли, манипулирования рынком, незаконного разглашения инсайдерской информации, меры уголовной ответственности, порядок контроля и мониторинга), унифицировать инструменты и услуги на биржевых рынках ценных бумаг (включая систему фондовых индексов и агрегированных индикаторов), развить единую биржевую систему раскрытия информации – к 2025 г.; 2) гармонизировать нормативную базу в области инфраструктурных организаций (условия учреждения, минимальный размер собственного и уставного капитала, организационные требования, порядок отзыва лицензий, системы риск-менеджмента, корпоративного контроля и др.), внедрить организацию Центрального контрагента при его отсутствии в стране ЕАЭС, развить организацию торговых репозитариев – 2025–2027 гг.; 3) создать расчетно-депозитарный кластер на ОБП (на основании международного договора, регламентирующего в том числе порядок регулирования, систему опубликования корпоративной и финансовой отчетности, механизм ЭД, технологию обеспечения расчетов по сделкам с ценными бумагами, правила перевода денежных средств и т.д.) – 2027–2030 гг.

Ускоренное формирование ОБРТ приобретает особое значение в контексте запланированного перехода к полномасштабной работе общего рынка электроэнергии к 2025 г. Для запуска в установленный срок биржевых торгов сырьевыми товарами на евразийском пространстве международный договор по созданию ОБРТ целесообразно проработать в том числе по следующим направлениям: 1) определение перечня товаров и ПФИ на товарные базисные активы для реализации на биржевых торгах, разработка и внедрение в

законодательства стран ЕАЭС унифицированных требований по вопросам формирования объективных рыночных цен на биржевые товары, построения и применения биржевых и внебиржевых индикаторов цен, отражающих состояние и динамику рынка конкретного товара (в части ОГР, ОЭР, ОРНиНП в рамках принятия соответствующих международных договоров); 2) моделирование интегрированной биржевой системы (определение перечня национальных бирж – участников альянса, механизма проведения расчетов между участниками торгов), создание единой информационной электронной платформы (способы участия в торгах для резидентов и нерезидентов ЕАЭС, идентификация участников торгов), согласование системы диспетчеризации товарных поставок по заключаемым биржевым сделкам (транспортно-логистические услуги, складская деятельность), разработка требований к регистрации внебиржевых сделок с биржевыми товарами, механизмов учета индикаторов биржевых и внебиржевых цен на сопоставимых зарубежных рынках, порядка взаимодействия между уполномоченными органами стран-членов по вопросу регулирования ОБРТ ЕАЭС и т.д. После запуска ОБРТ в среднесрочной перспективе представляется необходимым: 1) установить региональные бенчмарки на основные товары, торгуемые на внутреннем и внешнем рынках (методика оценки стоимости, формирование и развитие организации маркетмейкеров в государствах ЕАЭС, международное сотрудничество) с целью формирования справедливого ценообразования на локальную продукцию в масштабах мирового рынка; 2) наделить РГ по обеспечению сотрудничества в данной области полномочиями по выработке предложений в отношении согласованного регулирования ОБРТ, в том числе по вопросам процедуры хеджирования рисков, выявления и пресечения спекулятивных операций и злоупотреблений на ОБРТ, заключения сделок с внебиржевыми ПФИ, регулирования ценовых индикаторов на товарных рынках и инвестируемого капитала и др.

Для активизации работы по 7-му направлению функционирования ОФР ЕАЭС, а именно гарантированию прав инвесторов и заказчиков услуг в области финансов [11], в части полноценного запуска ИИС ЕАЭС в отношении сегмента

ОФР, который должен состояться, по нашему мнению, не позднее 2030 г., необходимо, в соответствии с Техническим заданием [44], согласовать и принять международный договор, регламентирующий работу: 1) единой базы МНПА ЕАЭС по вопросам регулирования финансовой сферы, базы регулятивных санкций в отношении агентов финансового рынка; 2) единой системы обмена статистической, научной и аналитической информацией о состоянии финансовых рынков между национальными регуляторами и органами ЕАЭС, системы информационных реестров в банковском (бюро кредитных историй, кредитные организации, кредитные истории), страховом (договоры обязательного и добровольного страхования, страховые агенты, актуарии), фондовом (выпуски и проспекты ценных бумаг, ценные бумаги, допущенные к торгам) секторах и баз данных в отношении СРО, лицензий, аттестатов профессиональных участников финансового рынка и др., единой системы раскрытия сведений о рейтинговых агентствах; 3) объединенной общедоступной системы публикации информации о профессиональных участниках фондового рынка на базе единых стандартов ЭД, информационного ресурса для сравнения услуг страховщиков и посредников на страховом рынке ЕАЭС.

Повышение насыщенности (плотности) институциональной среды ЕАЭС в контексте актуальных мегаугроз и мегавызовов должно быть ориентировано на выполнение задач устойчивого развития интеграционного объединения, определенных в ОНЭР-2030, по результатам которого представится возможным обеспечить на практике снижение межстранового неравенства в регионе, технологического отставания национальных экономик от стран ядра нового мирохозяйственного уклада, встраивание их в современные тренды научно-технического и социально-экономического прогресса. Особое значение принадлежит эффекту синергии, достигаемому за счет функционирования развитой рыночной инфраструктуры, высокой взаимозависимости организаций, обусловленной многообразием соглашений и контрактов, которые основаны на общих правилах и нормах поведения, а также скоординированному реагированию и адаптации организаций в условиях меняющегося внешнего контекста.

Положительные эффекты от реализации указанных выше мер по реформированию (см. разд. 3.1) и совершенствованию институциональной среды ЕАЭС можно представить следующим образом: 1) предупреждение отрицательного внешнего влияния (глобальная экономическая рецессия, международный финансово-энергетический кризис, наложение санкций по инициативе третьих государств и т.д.); 2) налаживание взаимовыгодного торгового сотрудничества между странами ЕАЭС; 3) содействие устранению риска дезинтеграции. Представляется, что комплексная реализация этих мер сделает возможным оценивать положительный эффект от интеграционного взаимодействия страновой и совокупной динамикой реального ВВП ЕАЭС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствие консенсуса в трактовке базовой категории «институт» препятствует комплексной реализации возможностей, которые открывает ее применение к анализу отношений на различных уровнях GES. Наиболее адекватным приемом для выбора методологии изучения процессов, протекающих в интеграционных объединениях как структурных элементах мегаэкономики, представляется пространственный подход, предполагающий выявление уровней, занимаемых объектами регулирования институтов, в GES в зависимости от способа трактовки последних. Его применение позволило установить, что для исследования деятельности интеграционных объединений могут применяться институциональная и неинституциональная методологии. Г. Шмоллер, представитель исходного институционализма, для классификации правил, входящих в состав институтов, предложил концепции нравов (правил, отражающих образ жизни) и права (выработанных государством правил, зафиксированных в правовых актах), тем самым впервые разграничив микро- и макроуровни институционального анализа. Впоследствии для их обозначения неинституционалисты Л. Дэвис и Д. Норт ввели понятия институциональных соглашений (правил, отраженных в контрактах между сторонами) и институциональной среды (контролируемых обществом базовых политических, социальных и юридических правил), отличающейся от концепции права Г. Шмоллера допущением об отсутствии письменной фиксации части правил, связанных авторами с неформальными институтами. Четкость характеристики правовой и экономической природы интеграционного объединения может быть обеспечена только с точки зрения методологии исходного институционализма, а именно концепции права, которая относит к институтам исключительно правила, соответствующие требованиям документальной фиксации. С учетом данной методологии, автором диссертации предложено определение: институты

интеграционного объединения – правила совместного регулирования национальных экономик и механизмы, обеспечивающие их исполнение.

В современных условиях стратегия интеграционного объединения является важнейшим механизмом согласования его конечных целей с краткосрочными задачами устойчивого развития. Исследование эволюции ресурсной составляющей устойчивого развития позволило обосновать новый этап реализации глобальной стратегии, связанный с повышением международной мобильности производительных ресурсов, требующим усиления регулирующей роли государства и международных организаций в социально-экономических процессах. Обосновано, что движущая роль в устойчивом развитии на современном этапе принадлежит интеграционному объединению, она заключается в деятельности по регулированию международных торговых, миграционных и инвестиционных режимов, капитала фондов денежных средств на всех уровнях экономики, обеспечивающей непрерывность процесса общественного воспроизводства в масштабах национального и мирового хозяйства. Автором уточнена трактовка категории «устойчивое развитие», рассматриваемое им как процесс комплексного развития экономической, социальной, экологической подсистем общества на основе либерализации международного движения факторов производства, обеспечивающего соблюдение баланса интересов субъектов экономических отношений, контролирующих и потребляющих ресурсы, для поддержания жизни и деятельности людей, принадлежащих как к нынешним, так и к будущим поколениям.

В современной институциональной теории под институциональной средой понимается наделенная системными признаками совокупность институтов, регулирующая деятельность социально-экономических объектов различных пространственных уровней GES. Одним из таких признаков выступает ее целостность, обеспечивающая согласованность политической, социальной и правовой подсистем общества для достижения непрерывности и стабильности процесса общественного воспроизводства. Исследования показали, что успешность реализации стратегических целей (выраженная в количественных

социально-экономических показателях), определенных государствами-членами на конкретный период времени, зависит от текущего выбора методов и инструментов совместного регулирования экономики (и формируемых ими социально-экономических условий для взаимодействия экономических агентов в соответствующих сферах общественных отношений) на основе учета внутренних и внешних факторов и их изменений. При этом в случае институциональных изменений они всегда сопровождаются одновременным преобразованием всей системы причинно-следственных взаимосвязей. В данной связи автор диссертации считает целесообразным определить институциональную среду интеграционного объединения как упорядоченную совокупность институтов интеграционного объединения, определяющую социально-экономические результаты его деятельности через формирование и поддержание основополагающих социально-экономических условий для взаимодействия экономических агентов по поводу реализации стратегии интеграционного объединения.

В институциональной экономической теории негативные явления в институциональной среде, влекущие за собой проблемы социально-экономического развития, принято связывать с институциональными барьерами. В контексте устойчивого развития интеграционного объединения институциональные барьеры создаются действующей институциональной средой интеграционного объединения. Они провоцируют риск невыполнения конечных целей интеграционного объединения через снижение эффективности связей на макроуровне и обострение социально-экономических конфликтов на низших уровнях GES. Подход к идентификации институциональных барьеров устойчивого развития интеграционного объединения, предложенный автором диссертации, основан на качественном анализе структуры действующей институциональной среды интеграционного объединения (непосредственно условий деятельности экономических субъектов). Для этих целей в русле системной методологии разработана авторская схема структуры институциональной среды интеграционного объединения с выделением в ее составе двух связанных между собой подсистем: административно-правовых (включая в качестве элементов

нормативно-правовую базу, формальные правила интеграционного объединения, методы правового регулирования, правотворческую деятельность, контрольные (надзорные) органы, прямое регулирование цен, лицензирование, квотирование) и экономических методов совместного регулирования экономики (элементами которой выступают методы и инструменты финансового механизма интеграционного объединения). Наличие неблагоприятных условий, продуцируемых институциональной средой интеграционного объединения, выражается в проблемах его функционирования, в связи с чем обоснована необходимость количественного анализа показателей успешности интеграционных процессов, позволяющего оценить потоки факторов производства между национальными экономиками и в целом уровень их социально-экономического развития с учетом актуальных мегаугроз и мегавывозов.

Исследование реального опыта функционирования СНГ, ТС и ЕЭП, ЕврАзЭС подтвердило, что возможности развития данных интеграционных объединений определялись особенностями их институциональной среды. При исчерпании потенциала стремительного экономического роста в странах – членах СНГ узость нормативно-правовой базы интеграционного объединения в сочетании с несовершенством методов правового регулирования предопределили недостижимость целей развития СНГ. Незавершенность процесса трансформации институциональной среды ЕврАзЭС, обусловленная рассогласованностью прямых и косвенных методов управления экономикой, в том числе различием подходов к макроэкономическому регулированию и принципов функционирования ВФС, неразвитостью механизмов реализации межгосударственных целевых программ, де-факто привела к прекращению деятельности ТС и ЕЭП и последующей реорганизации ЕврАзЭС в ЕАЭС. На этой основе автором диссертации были выявлены вызовы, предстоящие к разрешению странами ЕАЭС в ходе развития институциональной среды данного интеграционного объединения, касающиеся создания благоприятных условий для снижения роли средне- и низкотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности в обеспечении

экономического роста, налаживания перспективных внешнеторговых связей с третьими странами, участия всех пяти стран в реализации целей ЕАЭС.

В процессе исследования было установлено, что преодолению негативных эффектов от пандемии COVID-19 способствовали изменения в подсистеме административно-правовых методов совместного регулирования экономики (развитие формальных правил интеграционного объединения, расширение нормативно-правовой базы ЕАЭС), а также проводимая государствами-членами стимулирующая бюджетно-налоговая политика на макроуровне. Автором диссертации выявлено, что в новом геополитическом контексте устойчивому развитию этого интеграционного объединения препятствуют высокие транзакционные издержки использования национальных валют в трансграничных расчетах (в том числе по взаимным поставкам товаров и услуг) в различных форматах взаимодействия (С2С, В2В, В2С, В2G и др.), неэффективное использование в интересах промышленного развития интеграционного объединения доступных типов инвестиционных ресурсов, а также дестабилизация и дезорганизация экономических отношений на внутреннем рынке. В рамках анализа каждой из проблем интеграционного сотрудничества были определены элементы действующей институциональной среды ЕАЭС, которые продуцируют неблагоприятные условия для деятельности экономических агентов. На этой основе была обоснована необходимость трансформации институциональной среды ЕАЭС в направлении инноваций в части инструментария финансового механизма ЕАЭС, сопровождаемых количественными и качественными изменениями в формальных правилах интеграционного объединения.

В ходе анализа проектов реформирования институциональной среды ЕАЭС были определены направления ее трансформации, затрагивающие внедрение новых инструментов финансового механизма ЕАЭС – услуг ЕПК и субсидий из бюджета ЕАЭС. В процессе исследования стратегических и концептуальных документов этого интеграционного объединения было установлено, что запланированные к реализации мероприятия не в полной мере способствуют устранению институциональных барьеров устойчивого развития Союза, в том

числе по причине недостатка международных договоров применительно к созданию региональной системы безналичных расчетов, непредусмотренности межгосударственного взаимодействия в сфере прямого налогообложения, непроработанности вопроса о принятии единых подходов к монетарному регулированию и единых механизмов регулирования ВФО, узости методов наднационального правового регулирования в части развития финансовой инфраструктуры Союза и др. Эти причины выступают для ЕАЭС в качестве долгосрочных факторов институционального риска, определяемого автором диссертации как вероятность невыполнения целей интеграционного объединения вследствие недостаточной эффективности связей между национальными экономиками и несовершенства его институциональной среды. Несмотря на существование также краткосрочных факторов институционального риска, именно долгосрочные факторы особым образом препятствуют дальнейшему функционированию ЕАЭС, характеризуясь в целом неспособностью по итогам развития институциональной среды интеграционного объединения обеспечить благоприятные условия для интенсивного экономического роста его стран-членов.

В результате проделанной работы были получены рекомендации по совершенствованию механизма регулирования устойчивого развития ЕАЭС в интересах реализации стратегических направлений интеграционного взаимодействия, выполнения задач устойчивого развития региона, его приоритетов и конечных целей. Приоритетными направлениями государственного регулирования устойчивого развития интеграционного объединения являются: развитие механизма трансформации сбережений домохозяйств и фирм в инвестиции в рамках ЕАЭС, создание благоприятной конкурентной среды на внутреннем рынке, снижение транзакционных издержек в рамках ЕАЭС. Автором диссертации разработана структура мегарегулятора ЕАЭС, который предлагается сформировать к 2030 г. на базе наднационального органа регулирования финансовых рынков. В части развития нормативно-правовой базы получены конкретные рекомендации по разработке и принятию международных договоров, регламентирующих работу ИИС ЕАЭС в сфере ВФР, а также проведение

многосторонних клиринговых расчетов как внутри Союза, так и между странами ЕАЭС и третьими государствами (включая интеграционные объединения) в контексте реализации соглашений о ЗСТ и торгово-экономическом сотрудничестве, а также в интересах формирования Большого евразийского партнерства. По линии институциональных инноваций автором диссертации сформированы предложения по внедрению новых инструментов финансового механизма ЕАЭС: прямых налогов в части взаимодействия стран – членов ЕАЭС в сфере налогообложения (в том числе установление единой ставки налога с процентов по депозитам и ценным бумагам, на доходы от дивидендов и прироста курсовой стоимости, отмена налога на доходы организаций, направляемых на инвестиции в развитие производства, реализацию НИОКР, внедрение схем ускоренной амортизации основных фондов в рамках специального налогового режима) и ставки рефинансирования в части согласованной валютной политики (установление предела разницы ставок рефинансирования (ключевых ставок) $\pm 2\%$, а также поддержание ее размера на уровне, не превышающем рентабельность производства в приоритетных отраслях экономики (в государстве-члене с наибольшей монетизацией)). Авторские предложения нацелены на преодоление выявленных им институциональных барьеров устойчивого развития ЕАЭС и минимизацию краткосрочных и долгосрочных факторов институционального риска, реализация которых (в совокупности с завершением работ в области интеграционной повестки) позволит заложить прочную основу для дальнейшего развития общества в направлении экологизации, устойчивого экономического роста и социокультурного прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества : редакция от 06.10.2007, с изменениями от 10.10.2014 : подписан в г. Астане 10.10.2000. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106656/ (дата обращения: 09.09.2023).

2. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29.05.2014 : [с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 05.04.2022]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 07.10.2022).

3. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза : [подписан в г. Нур-Султане 29.05.2019]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19bn0038/> (дата обращения: 24.10.2022).

4. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года : подписан в г. Москве 31.03.2022. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413488/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100011 (дата обращения: 09.09.2023).

5. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части оказания финансового содействия при реализации государствами – членами Евразийского экономического союза совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности : подписан в

г. Москве 25.05.2023. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447933/ (дата обращения: 09.09.2023).

6. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года : подписан в г. Москве 25.05.2023. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447935/ (дата обращения: 09.09.2023).

7. Соглашение о сотрудничестве в области организации интегрированного валютного рынка государств – членов Евразийского экономического сообщества : [заключено в г. Санкт-Петербурге 25.01.2006]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902042716?section=text> (дата обращения: 25.10.2022).

8. Соглашение о согласованной макроэкономической политике : [заключено в г. Москве 09.12.2010]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113002/ (дата обращения: 09.09.2023).

9. Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала : заключено в г. Москве 23.12.2014. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174011/ (дата обращения: 25.10.2022).

10. Соглашение о свободной торговле между государствами-членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам : [заключено в Бурбае 29.05.2015]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/15bn0092/> (дата обращения: 25.10.2022).

11. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны : [заключено в

г. Астане 17.05.2018]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18bn0054/> (дата обращения: 25.10.2022).

12. Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны : [заключено в г. Москве 25.10.2019]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19bn0128/> (дата обращения: 25.10.2022).

13. Соглашение об обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Евразийского экономического союза : [заключено в г. Москве 20.07.2021]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21bn0087/> (дата обращения: 09.09.2023).

14. Соглашение о проведении совместных контрольных мероприятий по вопросам соблюдения порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств – членов Евразийского экономического союза : [заключено в г. Москве 16.11.2021]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21bn0150/> (дата обращения: 09.09.2023).

15. Соглашение о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй, в рамках Евразийского экономического союза : заключено в г. Москве 21.12.2021. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404017/ (дата обращения: 09.09.2023).

16. Соглашение об осуществлении аудиторской деятельности в рамках Евразийского экономического союза : [заключено в г. Москве 19.04.2022]. – Текст :

электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22bn0064/> (дата обращения: 26.10.2022).

17. Соглашение об учреждении Евразийской перестраховочной компании : [заключено в г. Ереване 20.10.2022]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22bn0188/> (дата обращения: 28.02.2024).

18. Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны : [заключено в г. Астане 17.05.2018]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18bn0101/> (дата обращения: 25.10.2022).

19. О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами : Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 (с изменениями от 15.10.2022). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994/ (дата обращения: 26.10.2022).

20. О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств : Постановление ВС РФ от 12.12.1991 № 2014-1. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [правовой сервер]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/1c5d2b9ecc270669c071bd598fa7a97d0f662999/ (дата обращения: 28.04.2021).

21. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств [о принятии Устава Содружества Независимых Государств] : [принято в Минске 22.01.1993]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901995?marker=6540IN> (дата обращения: 09.09.2023).

22. Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы : утверждены Решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 09.02.2004 № 152. – Текст : электронный // Евразийское экономическое сообщество :

официальный сайт. – URL: <https://evrazes.com/docs/view/30> (дата обращения: 09.09.2023).

23. О размерах (шкале) долевых взносов государств – членов Евразийского экономического союза в бюджет Евразийского экономического союза : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10.10.2014 № 79 : [в ред. от 11.12.2020]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/14vr0079/> (дата обращения: 04.05.2022).

24. Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 110 : [в ред. от 10.12.2021]. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/14vr0110/> (дата обращения: 07.10.2022).

25. О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза : [Решение Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 № 12]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420273253> (дата обращения: 24.10.2022).

26. Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 № 28. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/15vr0028/> (дата обращения: 25.10.2022).

27. О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза : [Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 № 7]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/456006392> (дата обращения: 24.10.2022).

28. О Концепции формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза : [Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 № 8]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/456006395> (дата обращения: 24.10.2022).

29. О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 18 : текст с изменениями, вступившими в силу с 25.05.2023. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18vr0018/> (дата обращения: 24.02.2024).

30. О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 23. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18vr0023/#pril2> (дата обращения: 24.10.2022).

31. О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19vr0020/> (дата обращения: 25.10.2022).

32. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : [Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12]. – Текст : электронный // TKS.RU : [таможенный портал]. – URL: <https://law.tks.ru/document/598927> (дата обращения: 24.10.2022).

33. О временном порядке перечисления сумм ввозных таможенных, специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 18.05.2022 № 1. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22vr0001/> (дата обращения: 07.10.2022).

34. Об оказании финансового содействия при реализации государствами – членами Евразийского экономического союза совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности : [Решение Высшего Евразийского экономического совета от 25.05.2023 № 4]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301662947> (дата обращения: 09.09.2023).

35. О плане мероприятий («дорожной карте») по гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в нефтяной сфере : Распоряжение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 8. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20rv0008/> (дата обращения: 24.10.2022).

36. О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 : [Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 10.04.2020 № 6]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/564670858> (дата обращения: 09.09.2023).

37. Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22.08.2017 № 100. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/17sr0100/> (дата обращения: 25.10.2022).

38. О плане мероприятий («дорожной карте») по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на 2021–2022 годы : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.10.2021 № 106. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21sr0106/> (дата обращения: 09.09.2023).

39. О Порядке взаимодействия государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии при введении и отмене государствами – членами Евразийского экономического союза ограничений во взаимной торговле товарами по основаниям, указанным в статье 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 15.04.2022 № 55. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22sr0055/> (дата обращения: 09.09.2023).

40. О проекте Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации : Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 21.06.2019 № 27. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19s00027/> (дата обращения: 25.10.2022).

41. О плане мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка : Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 № 27. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20s00027/> (дата обращения: 08.05.2022).

42. О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : [Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.04.2021 № 4] : текст с изменениями, вступившими в силу с 26.01.2024. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21s00004/> (дата обращения: 05.02.2024).

43. О проекте Соглашения о взаимном признании банковских гарантий при осуществлении государственных (муниципальных) закупок : Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 30.03.2023 № 10. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/23s00010/> (дата обращения: 09.09.2023).

44. О техническом задании на развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза : Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02.04.2019 № 55. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19kr0055/> (дата обращения: 25.10.2022).

45. Об утверждении Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и признания барьеров и ограничений устраненными : Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.03.2023 № 41. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/23kr0041/> (дата обращения: 09.09.2023).

46. О проекте Соглашения о Консультационном совете по курсовой политике государств – членов Евразийского экономического союза : Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.07.2019 № 115. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19r00115/> (дата обращения: 25.10.2022).

47. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по формированию общего биржевого пространства в рамках Евразийского экономического союза : [Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 03.11.2020 № 159]. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/566218456> (дата обращения: 09.08.2022).

48. О проекте Соглашения о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах Евразийского экономического союза : Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29.11.2021 № 198. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21r00198/> (дата обращения: 25.10.2022).

49. Об утверждении перечня сфер, требующих обеспечения признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе

и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном взаимодействии хозяйствующих субъектов с органами государственной власти государств – членов Евразийского экономического союза : Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25.01.2022 № 8. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22r00008/> (дата обращения: 09.09.2023).

50. О проекте Соглашения о стандартизированной лицензии в банковском и страховом секторах услуг в рамках Евразийского экономического союза : Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11.04.2023 № 45. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/23r00045/> (дата обращения: 10.09.2023).

51. О проекте Соглашения о допуске брокеров и дилеров одного государства – члена Евразийского экономического союза к участию в организованных торгах бирж (организаторов торговли) других государств-членов : Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25.04.2023 № 56. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/23r00056/> (дата обращения: 28.08.2023).

52. О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Евразийского межправительственного совета «Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами – членами Евразийского экономического союза» : [Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25.07.2023 № 112]. – Текст : электронный // Правовой портал Евразийского экономического союза. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01040600/err_28072023_112 (дата обращения: 09.09.2023).

53. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» : [подписана в г. Санкт-Петербурге 25.12.2023] – Текст : электронный // Правовой портал Евразийского

экономического союза. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01543175/ms_26122023 (дата обращения: 06.02.2024).

Научная, учебная и информационно-справочная литература

54. 15 лет Содружества Независимых Государств (1991–2005) = 15 years of the commonwealth of independent states (1991–2005) : статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. – Москва : Статкомитет СНГ, 2006. – 433 с. – ISBN 5-89078-061-1. – Текст : непосредственный.

55. Абрамов, Е. Что такое устойчивое развитие. Разные взгляды и подходы / Е. Абрамов, М. Андея, Ю. Бубнов. – Текст : электронный // Группа компаний ICS : [официальный сайт]. – 02.09.2011. – URL: https://www.icsgroup.ru/library/publications/Sustainable_development/?ysclid=lr9foo1kbl703394652 (дата обращения: 19.02.2024).

56. Агапова, Е.В. Влияние институциональных факторов на экономический рост / Е.В. Агапова, И.В. Рябов, О.О. Смирнова. – Текст : непосредственный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 5-6. – С. 39–46.

57. Актуальные направления финансовой интеграции в ЕАЭС: правовой анализ : монография / В.Е. Понаморенко, И.М. Лифшиц, К.Г. Сорокин [и др.] ; под общей редакцией В.Е. Понаморенко. – Москва : Русайнс, 2015. – 184 с. – ISBN 978-5-4365-0588-6. – Текст : непосредственный.

58. Алексеев, П.В. Роль Евразийского банка развития в международной кооперации государств-членов ЕАЭС / П.В. Алексеев, В.Я. Пищик. – DOI 10.14451/1.191.277. – Текст : непосредственный // Экономические науки. – 2020. – № 10. – С. 277–282.

59. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2014. – 33 с. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7f/Analiz-integratsionnykh-obedineniy.pdf> (дата обращения: 22.05.2020). – Текст : электронный.

60. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития» / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2024. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01043491/err_13022024_2 (дата обращения: 27.02.2024). – Текст: электронный.

61. Байдуллин, А.Э. Взаимная трансплантация институтов секторов российской экономики : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Байдуллин Адель Энверович ; Финансовый университет при Правительстве РФ. – Москва, 2017. – 230 с. – Текст : непосредственный.

62. Беларусь и Россия представили схемы формирования общего биржевого рынка товаров ЕАЭС. – Текст : электронный // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации : официальный сайт. – 22.04.2022. – URL: <https://russia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/b812b7382c13eb5b.html> (дата обращения: 26.10.2022).

63. Белорецкий, М. В каких странах ЕАЭС самая высокая инфляция – смотрим статистику / М. Белорецкий. – Текст: электронный // Myfin : [портал]. – 19.02.2024. – URL: <https://myfin.by/stati/view/v-kakih-stranah-eaes-samaa-vysokaainflacia-smotrim-statistiku> (дата обращения: 27.02.2024).

64. Бенсон, И.Н. Влияние качества институциональной среды на благосостояние и экономический рост: межстрановые сопоставления / И.Н. Бенсон. – DOI 10.21638/11701/spbu05.2016.303. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2016. – № 3. – С. 38–55.

65. Беренда, С.В. Наличные институциональные разрывы экономической интеграции в интеграционных объединениях мира, на примере ЕАЭС / С.В. Беренда. – Текст : электронный // Эффективная экономика : электронный научный специализированный журнал. – 2015. – № 4. – URL: <http://www.economy.nauka.com.ua/?op=1&z=3989> (дата обращения: 07.10.2022).

66. Большая советская энциклопедия. В 30 томах. Том 24, книга 1 / главный редактор А.М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1976. – 607 с. – ISBN 978-00-1685562-0. – Текст : непосредственный.

67. Бостанова, Е.П. Добровольное ограничение суверенитета государства в условиях глобализации (на примере интеграционных процессов в ЕАЭС) / Е.П. Бостанова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции, 22 ноября – 02 декабря 2017 года / ответственный редактор Л.А. Андреева. – Т. 4 (4). – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2017. – С. 86–90.

68. Будущий Евразийский экономический союз эффективно свяжет Европу и АТР, считает Путин. – Текст : электронный // Armenpress : [Армянское информационное агентство]. – 07.09.2012. – URL: <https://armenpress.am/rus/news/692516.html> (дата обращения: 28.10.2022).

69. В Евразийском банке развития открыты счета для первого клиента из Республики Армения в рамках расчетно-платежной инфраструктуры. – Текст : электронный // Интернет-портал СНГ. – 19.02.2022. – URL: <https://e-cis.info/news/568/98384/?ysclid=llgxy3sllm501285913> (дата обращения: 09.09.2023).

70. Валиева, О.В. Институциональная среда инноваций: теоретический и прикладной аспекты / О.В. Валиева. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2007. – Т. 7, № 2. – С. 134–143.

71. Василенко, Н.В. Институциональная среда организаций: характеристики и уровни регулирования / Н.В. Василенко. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 3 (27). – С. 147–151.

72. Василенко, Н.В. Образование в контексте институционального подхода / Н.В. Василенко, В.В. Шапкин. – Текст : непосредственный // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2011. – № 1 (7). – С. 4–17.

73. Ващекин, Н.П. Образование и устойчивое развитие : [микроформа] : Концептуальные проблемы : [монография] / Н.П. Ващекин, К.Х. Делокаров, А.Д.

Урсул. – Москва : Московский государственный университет коммерции, 2001. – 332 с. – ISBN 801-05964. – Текст : непосредственный.

74. Вельяминов, Г.М. Международное право: опыты / Г.М. Вельяминов ; Российская академия наук, Институт государства и права. – Москва : Статут, 2015. – 1005 с. – ISBN 978-5-8354-1096-5. – Текст : непосредственный.

75. Волкова, Ю. Токаев заявил о непризнании «квазигосударств» ДНР и ЛНР / Ю. Волкова. – Текст : электронный // РБК : [сетевое издание]. – 17.06.2022. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2022/62aca4ff9a7947d44a976f2e> (дата обращения: 07.10.2022).

76. Волошина, А.Ю. Эволюция пространства мегаэкономики на современном этапе : специальность 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Волошина Анастасия Юрьевна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2014. – 444 с. – Текст : непосредственный.

77. Вольчик, В.В. Институты, информация и институциональная структура экономики / В.В. Вольчик, А.А. Оганесян. – Текст : непосредственный // Journal of Economic Regulation = Вопросы регулирования экономики. – 2010. – Т. 1, № 2. – С. 30–42.

78. Воронина, Т.В. Интеграция и дезинтеграция как проявление внутренних противоречий интеграционной системы / Т.В. Воронина. – Текст : непосредственный // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 119–123.

79. Воронов, А.С. Ресурсный комплекс устойчивого развития экономических систем / А.С. Воронов, А.Б. Ильин, Л.С. Леонтьева. – Текст : непосредственный // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. – 2017. – № 3 (93). – С. 162–167.

80. Гайдар, Е.Т. Гибель империи : уроки для современной России / Е.Т. Гайдар. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 440 с. – ISBN 5-8243-0759-8. – Текст : непосредственный.

81. Ганеева, М.В. Проблема эффективности региональных интеграционных проектов в современной экономике / М.В. Ганеева. – Текст : непосредственный //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2016. – № 2. – С. 50–61.

82. Гапонова, С.Н. Институциональная система и институциональная среда: взаимосвязь и субординация / С.Н. Гапонова, В.С. Рац, Г.И. Рац. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 108.

83. Глазьев, С.Ю. О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года / С.Ю. Глазьев, С.П. Ткачук. – DOI 10.21686/2410-7395-2023-1-90-112. – Текст : непосредственный // Международная торговля и торговая политика. – 2023. – Т. 9, № 1 (33). – С. 90–112.

84. Гоббс, Т. Сочинения. В 2 томах. Том 1 / Томас Гоббс ; составитель В.В. Соколов ; перевод с латинского и английского Н. Федорова и А. Гутермана. – Москва : Мысль, 1989. – 621 с. – ISBN 5-244-00021-7. – Текст : непосредственный.

85. Гоббс, Т. Сочинения. В 2 томах. Том 2 / Томас Гоббс ; составитель В.В. Соколов ; перевод с латинского и английского Н. Федорова и А. Гутермана. – Москва : Мысль, 1991. – 735 с. – ISBN 5-244-00460-3. – Текст : непосредственный.

86. Годовые отчеты и Отчеты о сделках с заинтересованностью. 2022 / МОЕХ. – Текст : электронный // Московская биржа : официальный сайт. – URL: <https://www.moex.com/a2657> (дата обращения: 09.09.2023).

87. Государства. – Текст : электронный // TheGlobalEconomy.com. – URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/economies/> (дата обращения: 09.09.2023).

88. Грейф, А. Институты и путь к современной экономике : уроки средневековой торговли : перевод с английского / Авнер Грейф. – Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. – 532 с. – ISBN 978-5-7598-0813-8. – Текст : непосредственный.

89. Гриневич, Ю.А. Государственное регулирование экономики в таблицах и схемах : учебно-методическое пособие / Ю.А. Гриневич, Д.М. Шатунов. – Нижний Новгород, 2017. – 68 с. – URL: http://www.unn.ru/books/met_files/GREtab.pdf (дата обращения: 08.09.2023). – Текст : электронный.

90. Гришина, А.К. Влияние институциональной среды на внешнеэкономическое сотрудничество стран ЕАЭС / А.К. Гришина. – DOI 10.26456/2219-1453/2021.2.159-173. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2021. – № 2 (54). – С. 159–173.

91. Гришина, А.К. Институциональный риск для ЕАЭС: сущность, факторы, пути устранения / А.К. Гришина. – Текст : непосредственный // Евразийское пространство: экономика, право, общество. – 2024. – № 2. – С. 3–8.

92. Гришина, А.К. Модель принятия экономических решений в классической и интерпретативной парадигмах: сравнительный анализ в контексте теории / А.К. Гришина. – DOI 10.14451/1.204.25. – Текст : непосредственный // Экономические науки. – 2021. – № 11 (204). – С. 25–33.

93. Гришина, А.К. Роль интеграционного объединения в устойчивом развитии общества / А.К. Гришина. – Текст : непосредственный // Финансовый бизнес. – 2024. – № 2. – С. 3–5.

94. Гришина, А.К. Роль цифровой повестки в формировании институциональной среды ЕАЭС / А.К. Гришина. – Текст : непосредственный // Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики : сборник трудов IV Международной научно-практической конференции, 9 декабря 2021 года / под общей редакцией С.В. Шкиотова, В.А. Гордеева. – Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. техн. ун-та, 2021. – С. 76–83.

95. Гришина, А.К. Системный подход к исследованию институциональной среды интеграционного объединения / А.К. Гришина. – DOI 10.14451/1.210.57. – Текст : непосредственный // Экономические науки. – 2022. – № 5 (210). – С. 57–62.

96. Дементьев, В.В. Политическая экономия институтов: проблема определения предмета исследования / В.В. Дементьев. – Текст : непосредственный // Журнал институциональных исследований. – 2014. – Т. 6, № 3. – С. 96–121.

97. Дергачев, В.А. Регионоведение : учебник для студентов вузов / В.А. Дергачев, Л.Б. Вардомский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юнити, 2010. – 519 с. – ISBN 978-5-238-01732-7. – Текст : непосредственный.

98. Доклад «О результатах анализа динамики взаимной торговли государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в 2010–2014 годах». – Москва, 2015. – 61 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/934/Report_2010_2014.PDF (дата обращения: 06.10.2022). – Текст : электронный.

99. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2019 году». – Москва, 2020. – 108 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/84f/Report_2019.pdf (дата обращения: 06.10.2022). – Текст : электронный.

100. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2020 году». – Москва, 2021. – 65 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7d/Report_2020.pdf (дата обращения: 09.09.2023). – Текст : электронный.

101. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2021 году». – Москва, 2022. – 67 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf (дата обращения: 09.09.2023). – Текст : электронный.

102. Доклад Евразийской экономической комиссии «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах – членах Евразийского экономического союза». – Москва, 2023. – 211 с. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ca0/Doklad-o-delovom-klimате-EAES-19-05-2023-g-docx.pdf> (дата обращения: 08.09.2023). – Текст : электронный.

103. Дондокова, Е.Б. Институциональная среда малого предпринимательства: особенности трансформации в России : [монография] / Е.Б. Дондокова, Ж.Б. Тумунбаярова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2014. – 148 с. – ISBN 978-5-89230-475-7. – Текст : непосредственный.

104. ЕАБР начал переговоры о расчетах в нацвалютах через его систему с нацбанками ЕАЭС, у ЦБ РФ возникли вопросы. – Текст : электронный // Финмаркет : информационное агентство. – 12.12.2018. – URL: <http://www.finmarket.ru/currency/news/4907211> (дата обращения: 26.10.2022).

105. Евразийский экономический союз / Е.Ю. Винокуров, Д.А. Коршунов, В.С. Перебоев, Т.В. Цукарев ; под редакцией Е. Ю. Винокурова ; Евразийский банк развития. – Санкт-Петербург : Центр интеграционных исследований, 2017. – 287 с. – ISBN 978-5-906157-37-9. – Текст : непосредственный.

106. Евразийский экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2021. – 188 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Brief_Statistics_Yearbook_2021.pdf (дата обращения: 06.10.2022). – Текст : электронный.

107. Евразийский экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2023. – 187 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd4/Brief_Statistics_Yearbook_2023.pdf (дата обращения: 09.09.2023). – Текст : электронный.

108. Евразия в поисках идентичности : [монография] / И.И. Орлик [и др.] ; Российская академия наук, Институт экономики ; ответственные редакторы С.П. Глинкина, А.З. Зевин. – Москва : [б. и.] ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. – 251 с. – ISBN 978-5-98187-838-1. – Текст : непосредственный.

109. ЕврАзЭС: экономическое притяжение / редакционный совет: Г.А. Рапота [и др.]. – Москва, 2005. – 221 с. – URL: <https://evrazes.com/files/documentslistpage/18/evrazes-n-04.pdf> (дата обращения: 08.09.2023). – Текст : электронный.

110. Единый рынок нефти и газа ЕАЭС: за и против. – Текст : электронный // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса : [портал]. – 01.06.2016. – URL: <https://nangs.org/news/markets/edinyj-rynok-nefti-i-gaza-eaes-za-i-protiv-13848?ysclid=16byu0ldse543301298> (дата обращения: 24.10.2022).

111. Елистратова, В.В. Формирование правовой системы Евразийского экономического союза / В.В. Елистратова. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 1 (114). – С. 46–51.

112. Ермаленок, А.Е. Международные интеграционные объединения: синергетический эффект / А.Е. Ермаленок, Е.А. Семак. – Текст : непосредственный // Беларусь и мировые экономические процессы. – 2009. – № 5. – С. 155–165.

113. Ефимов, В.М. От машин удовольствия к моральным сообществам (размышления над новой книгой Джеффри Ходжсона) / В.М. Ефимов. – Текст : непосредственный // Журнал институциональных исследований. – 2013. – Т. 5, № 2. – С. 7–47.

114. ЕЭК представила проект Концепции формирования общего биржевого рынка товаров ЕАЭС. – Текст : электронный // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. – 02.12.2022. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eek-predstavila-proekt-kontseptsii-formirovaniya-obshchego-birzhevogo-rynka-tovarov-eaes/> (дата обращения: 08.09.2023).

115. Желаева, С.Э. Институциональные аспекты устойчивого развития социо-эколого-экономических систем различных типов : [монография] / С.Э. Желаева, В.Е. Сактоев, Е.Д. Цыренова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2005. – 156 с. – ISBN 5-892300240-0. – Текст : непосредственный.

116. Зингалес, Л. Спасение капитализма от капиталистов: Скрытые силы финансовых рынков – создание богатства и расширение возможностей : перевод с английского / Луиджи Зингалес, Рагхурам Раджан. – Москва : Ин-т комплексных стратегических исследований : ТЕИС, 2004. – 492 с. – ISBN 5-7218-0572-2. – Текст : непосредственный.

117. Иванова, Т.Б. Становление, особенности и совершенствование финансовой инфраструктуры в экономике России : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Иванова Татьяна Борисовна ; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2005. – 38 с. – Текст : непосредственный.

118. Игониная, Л.Л. Финансовая инфраструктура и экономический рост / Л.Л. Игониная. – Текст : непосредственный // Вестник Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. – 2005. – № 4. – С. 48–55.

119. Иншаков, О.В. Уровневый анализ объекта, предмета и метода экономической теории / О.В. Иншаков. – Текст : непосредственный // Известия

Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2004. – № 4 (40). – С. 5–18.

120. Иншаков, О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации / О.В. Иншаков. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2003. – № 9. – С. 42–51.

121. Капогузов, Е.А. Что понимается под импортом институтов / Е.А. Капогузов, С.Н. Левин, К.С. Саблин. – DOI 10.31063/2073-6517/2019.16-3.15. – Текст : непосредственный // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 480–487.

122. Карта реестра ограничений. – Текст : электронный // Портал общих информационных ресурсов и открытых данных. – Раздел сайта «Функционирование внутренних рынков». – Обновляется ежемесячно. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/obstacle-limitations.aspx> (дата обращения: 27.02.2024).

123. Карташова, О.И. Методы прямого и косвенного регулирования экономики: критерии идентификации и результаты применения / О.И. Карташова, С.Р. Муравьев, М.С. Бодня. – Текст : непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – Т. 9, № 10 (199). – С. 20–29.

124. Кашкин, С.Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования / С.Ю. Кашкин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2151–2160.

125. Клейнер, Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г.Б. Клейнер. – Текст : непосредственный // Вестник Российской академии наук. – 2011. – Т. 81, № 9. – С. 794–811.

126. Клейнер, Г.Б. Эволюция институциональных систем / Г.Б. Клейнер. – Москва : Наука, 2004. – 240 с. – ISBN 5-02-032878-2. – Текст : непосредственный.

127. Ковалева, И.Н. Устойчивое развитие региональных кластеров на основе рационального использования ресурсов : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)» : диссертация на

соискание ученой степени доктора экономических наук / Ковалева Ирина Николаевна ; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». – Москва, 2014. – 43 с. – Текст : непосредственный.

128. Королев, М.А. Наднациональность с точки зрения международного права / М.А. Королев. – DOI 10.24833/0869-0049-1997-2-3-20. – Текст : непосредственный // Московский журнал международного права. – 1997. – № 2. – С. 3–20.

129. Косикова, Л.С. Экономическая политика России в постсоветском регионе (ретроанализ, оценка итогов, предложения) (окончание) / Л.С. Косикова. – Текст : непосредственный // Российский экономический журнал. – 2010. – № 3. – С. 44–71.

130. Котова, Н.Е. Евразийский экономический союз: совершенствование нормативно-правовой базы / Н.Е. Котова. – Текст : непосредственный // Вестник Финансового университета. – 2016. – Т. 20, № 5 (95). – С. 126–132.

131. Крючкова, Е. ЕАЭС выходит на биржу / Е. Крючкова. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сетевое издание]. – 23.04.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5326341> (дата обращения: 26.10.2022).

132. Курс доллара США в 2023 году. – Текст: электронный // RateStats.com : [сайт]. – URL: <https://ratestats.com/dollar/2023/> (дата обращения: 27.02.2024).

133. Кучмезов, И.М. Проблемы создания единого платежного пространства стран Евразийского экономического союза : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Кучмезов Ислам Мухаматович ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2021. – 27 с. – Текст : непосредственный.

134. Лазарева, Е. Путин возродил проект Большая Евразия в противовес странам Запада / Е. Лазарева. – Текст : электронный // URA.RU : информационное агентство. – 26.05.2022. – URL: <https://ura-news.turbopages.org/ura.news/s/articles/1036284661> (дата обращения: 27.10.2022).

135. Лансков, П. Возможности развития трансграничных расчетов по ценным бумагам на рынках капитала ЕАЭС / П. Лансков, Б. Черкасский. – Текст : непосредственный // Рынок ценных бумаг. – 2016. – № 5. – С. 14–17.

136. Лебедева, А.К. Дедолларизация как основная тенденция реформирования мировой валютной системы: возможности и перспективы / А.К. Лебедева. – Текст : непосредственный // Новое качество образования и науки: возможности и перспективы : сборник статей международной научно-практической конференции, 11–15 октября 2017 года / под редакцией Г.Б. Клейнера, Х.А. Константиноиди ; ответственный редактор В.В. Сорокожердьев. – Москва : Науч.-исслед. ин-т истории, экономики и права, 2017. – С. 103–107.

137. Лебедева, А.К. Институциональные вызовы экономическому сотрудничеству в рамках ЕАЭС / А.К. Лебедева. – Текст : электронный // Хроноэкономика. – 2020. – № 1 (22). – С. 5–14. – URL: http://hronoconomics.ru/01_2020.pdf (дата обращения: 05.03.2020).

138. Лебедева, А.К. Институциональные особенности рыночной трансформации постсоветских стран: уроки для ЕАЭС / А.К. Лебедева. – Текст : непосредственный // Самоуправление. – 2020. – Т. 2, № 1 (118). – С. 233–236.

139. Лебедева, А.К. Интеграционные процессы на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик (СССР) с участием и без участия России: место Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на постсоветском пространстве / А.К. Лебедева. – Текст : непосредственный // Экономика. Бизнес. Банки. – 2017. – № 3 (24). – С. 86–95.

140. Лебедева, А.К. Необходимость формирования кластерной политики в рамках Евразийского экономического союза / А.К. Лебедева. – Текст : непосредственный // Экономические науки. – 2017. – № 149. – С. 104–108.

141. Лесных, В.В. Институциональная экономика : учебное пособие / В.В. Лесных, В.В. Ильяшенко. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2009. – 330 с. – ISBN 978-5-94646-172-6. – Текст : непосредственный.

142. Макаева, Л.И. Институциональные барьеры инновационного развития: сущность и виды / Л.И. Макаева. – Текст : электронный // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 19–25. – URL: <https://dgpu-journals.ru/wp-content/uploads/2020/02/makaeva-1.pdf> (дата обращения: 08.09.2023).

143. Макаров, А. Страны ЕАЭС достигли доли расчетов в нацвалютах в ЕАЭС в 90% в марте 2023 / А. Макаров. – Текст : электронный // Bizmedia.kz. – 24.05.2023. – URL: <https://bizmedia.kz/2023/05/24/strany-eaes-dostigli-doli-raschetov-v-naczvalyutah-v-eaes-v-90-v-marte-2023/> (дата обращения: 09.09.2023).

144. Мезоэкономика: элементы новой парадигмы : монография / под редакцией В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. – Москва : Институт экономики Российской академии наук, 2020. – 392 с. – ISBN 978-5-9940-0661-0. – Текст : непосредственный.

145. МИД Белоруссии «отнесся с уважением» к признанию Россией ДНР и ЛНР. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сетевое издание]. – 22.02.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5229215> (дата обращения: 07.10.2022).

146. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023 / Евразийский банк развития. – Алматы, 2023. – 64 с. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 27.02.2024). – Текст : электронный.

147. Мониторинг уровня инфляции в государствах – членах ЕАЭС / Евразийская экономическая комиссия, Департамент макроэкономической политики. – Москва, 2023. – 4 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/810/Monitoring-inflyatsii-EAES_2-kv.-2023.pdf (дата обращения: 09.09.2023). – Текст : электронный.

148. На фоне геополитических потрясений, экономика всех трех республик Южного Кавказа показывает стремительный рост... – Текст : электронный // Politeconomics : [Telegram-канал]. – 21.10.2022. – URL: <https://t.me/politeconomics/9954> (дата обращения: 28.10.2022).

149. Налогообложение. – Текст : электронный // Всемирный банк : официальный сайт. – Раздел сайта «Doing Business = Оценка бизнес-

регулирования». – URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/data/exploretopics/-paying-taxes> (дата обращения: 24.10.2022).

150. Национальные счета. – Текст : электронный // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx (дата обращения: 22.05.2022).

151. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норт ; перевод с английского А.Н. Нестеренко ; предисловие и научное редактирование Б.З. Мильнера. – Москва : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – ISBN 5-88581-006-0. – Текст : непосредственный.

152. Нурулин, А.Р. Понятие и признаки международных интеграционных объединений / А.Р. Нурулин. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 60–65.

153. О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза, январь – декабрь 2021 года : аналитический обзор / Евразийская экономическая комиссия. – ЕЭК, 21.02.2022. – 8 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/analytics/Analytics_I_202112.pdf (дата обращения: 09.09.2023). – Текст : электронный.

154. О путях урегулирования проблемы задолженности государств – участников СНГ. – Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – 28.04.2000. – URL: http://www.mid.ru/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/r17Fzr0mbE6x/content/id/737702 (дата обращения: 04.05.2021).

155. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза, январь 2022 года : экспресс-информация / Евразийская экономическая комиссия. – ЕЭК, 15.03.2022. – 3 с. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/e6f/January2022.pdf> (дата обращения: 07.10.2022). – Текст : электронный.

156. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств – членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики : годовой доклад за 2021 год / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2022. – 63 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d19/Annual_report_2021.pdf (дата обращения: 06.10.2022). – Текст : электронный.

157. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза, январь – декабрь 2023 года : аналитический обзор / Евразийская экономическая комиссия. – ЕЭК, 21.02.2024. – 39 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf (дата обращения: 27.02.2024). – Текст: электронный.

158. Объем взаимной торговли между странами ЕАЭС вырос на 13% по итогам I полугодия. – Текст: электронный // Интерфакс.ру : [сетевое издание]. – 13.09.2023. – URL: <https://www.interfax.ru/world/920573> (дата обращения: 27.02.2024).

159. Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках / С.П. Глинкина [и др.] ; ответственный редактор С.П. Глинкина ; Российская академия наук, Институт экономики. – Москва : ИЭ РАН, 2015. – 266 с. – ISBN 978-5-9940-0568-2. – Текст : непосредственный.

160. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов / Банк России. – Москва, 2022. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf (дата обращения: 28.02.2024). – Текст: электронный.

161. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2022 : международный доклад НИУ ВШЭ : к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / С.С. Агаджанян, А.С. Амирбекова, Д.Н. Ахвердян [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» ; руководитель авторского коллектива М.К. Глазатова. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2022. – 64 с. – ISBN 978-5-7598-2650-7. – Текст : непосредственный.

162. Платонова, Е.Д. Опыт формирования институтов интеграции и его значение для развития новых мегарегионов в глобальном экономическом пространстве / Е.Д. Платонова, Сунь Юймэн. – Текст : непосредственный // Экономические науки. – 2017. – № 5 (150). – С. 7–10.

163. Платонова, Е.Д. Этапы эволюции институтов интеграции в экономическом пространстве региональных межгосударственных объединений (теоретический аспект) / Е.Д. Платонова, Сунь Юймэн. – Текст : электронный // Наукоедение : интернет-журнал. – 2017. – Т. 9, № 4. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/96EVN417.pdf> (дата обращения: 03.10.2021).

164. Подпругин, М.О. Устойчивое развитие региона на основе эффективного использования земельных ресурсов : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Подпругин Максим Олегович ; Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. – Улан-Удэ, 2015. – 23 с.

165. Подшивалова, М.В. Современное состояние и тенденции развития институциональной среды России / М.В. Подшивалова. – Текст : непосредственный // Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. – 2014. – №1. – С. 17–26.

166. Полтерович, В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В.М. Полтерович. – Текст : непосредственный // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3–20.

167. Полухин, А. Казахстану не хватило пшеницы / А. Полухин. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сетевое издание]. – 22.04.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5326323> (дата обращения: 07.10.2022).

168. Принципы корпоративного управления ОЭСР : [приняты на заседании Совета ОЭСР 27.05.1999] : [в редакции от 22.04.2004]. – ОЭСР, 2004. – URL: <https://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceprinciples/32159669.pdf> (дата обращения: 25.05.2022). – Текст : электронный.

169. Пчелинцев, О.С. Проблемы формирования экономической системы устойчивого развития / О.С. Пчелинцев. – Текст : непосредственный // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 4. – С. 5–26.

170. Развитие ЕАЭС: продолжение интеграции вопреки санкциям. – Текст : электронный // Институт изучения мировых рынков : [канал Яндекс.Дзен]. – 11.05.2023. – URL: https://dzen.ru/a/ZFyW_kTWdTGRMxsQ (дата обращения: 09.09.2023).

171. Растет кооперация стран ЕАЭС. Цифры 2022. – Текст : электронный // Центр международной торговли. – 23.05.2022. – URL: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/rastet-kooperatsiya-stran-eaes-tsifry-2022/> (дата обращения: 09.09.2023).

172. Расширяя пространство возможностей : отчет Евразийской экономической комиссии, 2012–2015. – ЕЭК, 2015. – 153 с. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_ar2015_preview.pdf (дата обращения: 22.05.2021). – Текст : электронный.

173. Сазанова, С.Л. Институт предпринимательства в институциональном пространстве России / С.Л. Сазанова. – Текст : непосредственный // Вестник университета. – 2017. – № 9. – С. 109–113.

174. Сальников, А.М. Государственное регулирование национальной экономики : учебное пособие / А.М. Сальников. – Ярославль : ПКФ «Союз-Пресс», 2021. – 108 с. – ISBN 978-5-6046051-2-7. – Текст : непосредственный.

175. Селищева, Т.А. Устойчивое развитие стран ЕАЭС в контексте расширенных критериев устойчивости / Т.А. Селищева. – Текст : непосредственный // Экология и общество: баланс интересов : сборник тезисов докладов участников Российского научного форума, Вологда, 16-20 ноября 2020 года / ответственный редактор А.А. Шабунова. – Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук, 2020. – С. 24–27.

176. Серегин, Э.В. Влияние интеграции на экономику страны (на примере Финляндии) : специальность 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

наук / Серегин Эдуард Викторович ; Уральский государственный технический университет – УПИ. – Екатеринбург, 2004. – 152 с. – Текст : непосредственный.

177. Сёрл, Дж. Что такое институт? / Дж. Сёрл; перевод с английского И. Болдырева, Е. Мордмиллович. – DOI 10.32609/0042-8736-2007-8-5-27. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – С. 4–27.

178. Силова, Е.С. Качество институциональной среды и его влияние на экономический рост : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Силова Елена Сергеевна ; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2007. – 23 с. – Текст : непосредственный.

179. Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений / Евразийская экономическая комиссия, Департамент макроэкономической политики. – ЕЭК, 2019. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatoriy-integratsii-2019.pdf> (дата обращения: 08.09.2023). – Текст : электронный.

180. Содружество Независимых Государств и Европейский союз : статистические сравнения : [сборник] / Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. – Москва : Межгос. стат. комитет СНГ, 2008. – 204 с. – ISBN 978-5-89078-083-6. – Текст : непосредственный.

181. Созаев-Гурьев, Е. ЕАЭС светит договор: электроэнергию стран союза объединят общим рынком / Е. Созаев-Гурьев, Н. Хренков. – Текст : электронный // Известия : [информационный портал]. – 24.04.2019. – URL: <https://iz.ru.turbopages.org/iz.ru/s/871120/nikolai-khrenkov-egor-sozaev-gurev/eaes-svetit-dogovor-elektroenergiiu-stran-soiuza-obediniat-obshchim-rynkom> (дата обращения: 24.10.2022).

182. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия / Л.Б. Вардомский [и др.] ; Российская академия наук, Институт экономики. – Москва : ИЭ РАН, 2012. – 398 с. – ISBN 978-5-9940-0381-7. – Текст : непосредственный.

183. Статистические таблицы. Показатели финансовой статистики для мониторинга основных направлений экономического развития Евразийского экономического союза. – Дата обновления: 29.06.2022. – Текст : электронный // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/fin_stat/stat_tables/ (дата обращения: 09.09.2023).

184. Страны ЕАЭС увеличили ввоз товаров в Россию на 30 процентов. – Текст : электронный // Альта-Софт : [таможенный портал для участников ВЭД]. – 23.11.2022. – URL: https://www.alt.ru/ts_news/95371/ (дата обращения: 09.09.2023).

185. Стратегия Евразийского банка развития, 2022–2026. – ЕБР, 2022. – 73 с. – URL: https://eabr.org/upload/EDB_Strategy_for_2022-2026-RU.cleaned.pdf (дата обращения: 26.10.2022). – Текст : электронный.

186. Структура взаимной торговли государств - членов ЕАЭС по разделам и группам ТН ВЭД ЕАЭС за январь 2022 года. – Текст : электронный // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tables/intra/2022/01/I202201_2_2.pdf (дата обращения: 09.09.2023).

187. Тарарышкин, Ю.В. Финансовый механизм ЕАЭС в контексте экономической безопасности / Ю.В. Тарарышкин. – Текст : непосредственный // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2020. – № 2 (139). – С. 60–69.

188. Торговля товарами. – Текст : электронный // Экономический анализ интеграции в Евразийском экономическом союзе. – URL: https://eaeu.economy.gov.ru/trade_in_goods (дата обращения: 09.09.2023).

189. Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2020 год : статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2021. – 125 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/stat_tables/2021/finstat_2020.pdf (дата обращения: 26.10.2022). – Текст : электронный.

190. Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2022 год : статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2023. – 117 с. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/4e8/finstat2022.pdf> (дата обращения: 09.09.2023). – Текст : электронный.

191. Цагова, И.А. Проблемы соотношения и взаимосвязи понятий «система права», «правовая система», «правовая семья» / И.А. Цагова. – Текст : непосредственный // Юрист – Правоведь. – 2012. – № 4 (53). – С. 125–128.

192. Цифры и факты. – Текст : электронный // Евразийский банк развития : официальный сайт. – Обновляется ежемесячно. – URL: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/> (дата обращения: 24.08.2023).

193. Что могут сделать власти, чтобы удержать курс выше 50 руб. за доллар. – Текст : электронный // РБК Pro : [сервис]. – 24.06.2022. – URL: <https://pro.rbc.ru/demo/62b46abc9a794729bf08e767> (дата обращения: 07.10.2022).

194. Шахназарян, Г. Курс доллара стабилизировался на рынке Forex после рекорда накануне / Г. Шахназарян. – Текст : электронный // Сервис РБК Инвестиции : [сервис]. – 08.03.2022. – URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/622073429a7947777f0a6bad> (дата обращения: 07.10.2022).

195. Шibaева, Е.А. К вопросу о наднациональности межправительственных организаций универсального характера / Е.А. Шibaева. – DOI 10.24833/0869-0049-1992-4-81-93. – Текст : непосредственный // Московский журнал международного права. – 1992. – № 4. – С. 81–93.

196. Шмоллер, Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда / Густав Шмоллер ; перевод В.М. Нечаева. – Москва : Издатель К.Т. Солдатенков, 1902. – 368 с. – Текст : непосредственный.

197. Шубников, Ю.Б. Признаки и функции социальных институтов / Ю.Б. Шубников. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – С. 44–49.

198. Шумский, Н.Н. Институциональные механизмы интеграции в Содружестве Независимых Государств / Н.Н. Шумский. – Текст : непосредственный // Журнал международного права и международных отношений. – 2014. – № 1. – С. 80–87.

Литература на иностранном языке

199. Balassa, B. The Theory of Economic Integration / B. Balassa. – New York : Routledge, 2011. – 304 p. – ISBN 978-0415679107. – Text : unmediated.

200. Berger, P. The Social Construction of Reality / P. Berger, T. Luckman. – London : Penguin Books, 1991. – 249 p. – ISBN 9780140135480. – Text : unmediated.

201. Bromley, D. Sufficient Reason: Volitional Pragmatism and the Meaning of Economic Institutions / D. Bromley. – DOI 10.3197/096327107780160337. – Text : unmediated // Environmental Values. – 2007. – Vol. 16, No. 1. – Pp. 125–129.

202. Costanza, R. Natural capital and sustainable development / R. Costanza, H. Daily. – Text : unmediated // Conservation Biology. – 1992. – Vol. 6, No. 1. – Pp. 37–46.

203. Davis, L. Institutional Change and American Economic Growth / L. Davis, D. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – 282 p. – ISBN 0 521 08111 4. – Text : unmediated.

204. Freedman, B. Environmental Science: a Canadian perspective / B. Freedman. – 6th ed. – Halifax : Dalhousie university libraries digital editions, 2018. – 823 p. – URL: <https://dalspace.library.dal.ca/handle/10222/74278> (date of access: 05.03.2024). – Text : electronic.

205. Hasenclever, A. Interests, Power, Knowledge: The Study of International Regimes / A. Hasenclever, P. Mayer, V. Rittberger. – DOI 10.2307/222775. – Text : unmediated // Mershon International Studies Review. – 1996. – Vol. 40, No. 2. – Pp. 177–228.

206. Hudson, M. The Progressive Codification of International Law / M. Hudson. – DOI 10.2307/2188688. – Text : unmediated // The American Journal of International Law. – 1926. – Vol. 20, No. 4. – Pp. 655–669.

207. Informe de avance cuatrienal sobre el progreso y los desafíos regionales de la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible en América Latina y el Caribe / CEPAL (Naciones Unidas). – Santiago, 2019. – URL: <https://www.fundacioncarolina.es/wp-content/uploads/2019/06/CEPAL-Informe-de-avance-cuatrienal-sobre-el-progreso-y-los-desafios-regionales-de-la-Agenda-2030-para-el-Desarrollo-Sostenible-en-América-Latina-y-el-Caribe.pdf> (date of access: 05.03.2024). – Text : electronic.

208. Keohane, R. Neoliberal institutionalism: a perspective on world politics / R. Keohane. – Text : electronic // International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. New York : Routledge, 2020. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9780429032967-1/neoliberal-institutionalism-perspective-world-politics-robert-keohane> (date of access: 27.10.2022).

209. Keohane, R. Power and Interdependence: World Politics in Transition / R. Keohane, J. Nye. – Boston : Little, Brown, 1977. – 273 p. – ISBN 9780316489355. – Text : unmediated.

210. Krasner, S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables / S. Krasner. – DOI 10.1017/CBO9780511808760.004. – Text : unmediated // International Organization. – 1982. – Vol. 36, No. 2. – Pp. 185–205.

211. Lebedeva, A.K. Essence of the cluster approach to the organization of regional monetary and financial systems: European experience and possibility of its application in the framework of the Eurasian economic union / A.K. Lebedeva. – Text : unmediated // Global economy in the XXI century: dialectics of confrontation and solidarity / V.V. Chaplya, D.P. Sokolov (eds.). – London : LSP, 2018. – Pp. 333–345.

212. Levy, M. The Study of International Regimes / M. Levy, O. Young, M. Zurn. – DOI 10.1177/1354066195001003001. – Text : unmediated // European Journal of International Relations. – 1995. – Vol. 1, No. 3. – Pp. 267–330.

213. McCloskey, D. Bourgeois dignity: Why economics can't explain the modern world / D. McCloskey. – DOI 10.1017/S0022050711001744. – Text : unmediated // The Journal of Economic History. – 2011. – Vol. 71, No. 2. – Pp. 542–544.

214. Mearsheimer, J. The false promise of international institutions / J. Mearsheimer. – Text : unmediated // International Security. – 1994/1995. – Vol. 19, No. 3. – Pp. 5–49.

215. Morgenthau, H. Politics among nations. The struggle for power and peace / H. Morgenthau. – 3rd ed. – New York : Alfred A. Knopf, 1962. – 630 p. – ISBN B000H0PYCM. – Text : unmediated.

216. National strategy for ecologically sustainable development / Council of Australian Governments. – Dec. 1992. – URL: <https://catalogue.nla.gov.au/catalog/165883> (date of access: 19.02.2024). – Text : electronic.

217. Prithpal, K. Sustainable Development, Environment and Human Right: An Issue / K. Prithpal. – Text : unmediated // OIDA International Journal of Sustainable Development. – 2010. – Vol. 1, No. 4. – Pp. 73–77.

218. Rosenau, J.N. Turbulence in world politics: a theory of change and continuity / J.N. Rosenau. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 480 p. – ISBN 0-691-02308-5. – Text : unmediated.

219. Ruggie, J. International Responses to Technology: Concepts and Trends / J. Ruggie. – DOI 10.1017/S0020818300031696. – Text : unmediated // International Organization. – 1975. – Vol. 29, No. 3. – Pp. 557–583.

220. Swaminathan, A. Institutional environment / A. Swaminathan, J. Wade. – Text : electronic // The Palgrave encyclopedia of strategic management / M. Augier, D. Teece (eds.). – London : Palgrave Macmillan, 2016. – URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1057/978-1-349-94848-2_608-1 (date of access: 27.10.2022).

221. Wilk, K. International Affairs: International Administrative Regulation: the Case of Rubber / K. Wilk. – DOI 10.2307/1947891. – Text : unmediated // The American Political Science Review. – 1942. – Vol. 36, No. 2. – Pp. 323–337.

222. World Economic Outlook Database. – Text : electronic // International Monetary Fund : official website. – April 2018. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx> (date of access: 27.10.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Сущность концепции международного режима

Наряду с экономической наукой исследование инструментов достижения согласия о взаимоприемлемых нормах и принципах поведения на глобальной арене в условиях развития процессов интеграционного сотрудничества также проводится в рамках теории международных отношений. Последователи теории международных режимов, послужившей базисом к становлению институционального подхода в исследованиях международных отношений в 1970–1980-х гг., подчеркивают насыщенность современной децентрализованной международной системы институтами. Так, Дж. Рагги отмечает, что «международное поведение институционализировано, т.е. ограничено рамками, приоритизирующими один из всех возможных вариантов действия» [219, с. 559].

В современной научной литературе «классической» принято считать дефиницию международного режима, предложенную С. Краснером, под которым он понимает ««набор явных или скрытых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, относительно которых сближаются ожидания акторов в конкретной области международных отношений» [210, с. 186]. В этом определении роль формализованных регулирующих органов отходит на второй план и уступает место международному сотрудничеству, осуществляемому в определенных рамках. С. Краснер уточняет отдельные элементы международного режима: «Принципы – это убеждения относительно фактов, причинно-следственных связей и правильности того или иного действия. Нормы – стандарты поведения, определенные в форме прав и обязанностей. Правила – определенные запреты или предписания для действий. Процедуры принятия решений – доминирующие практики достижения и реализации коллективного выбора» [210, с. 186].

Необходимо отметить, что на протяжении длительного периода времени понятие международного режима использовалось преимущественно в рамках международного права и трактовалось, в частности, как координация на базе международных конвенций железных дорог [206, с. 675], межгосударственного согласования производства каучука [221, с. 323–324] и др. После формирования ООН в 1945 г. исследователи международных режимов фокусировали

особое внимание на анализе уставов, процессов и процедур принятия управленческих решений в рамках международных организаций.

По результатам многочисленных методологических дискуссий относительно концепции С. Краснера было сформировано три концептуально-теоретических подхода к изучению международных режимов [205], за основу которых учеными признавались социальные институты. Так, по мнению представителей бихевиористского подхода, режим представляет собой упорядоченную социальную практику по взаимодействию государств и иных категорий акторов в рамках рамочного соглашения с целью принятия решения по конкретной проблематике. В свою очередь, сторонники когнитивистского направления рассматривают международные режимы в контексте идей и восприятий, разделяемых всеми их участниками. В отличие от формального подхода, относящего международные режимы к нормам, закрепленным в нормативных договорах, когнитивисты отводят ключевую роль в установлении повторяющегося и устойчивого сотрудничества политическим дискурсам.

Предложенная М. Леви, О. Янгом и М. Цурном «консенсусная» трактовка международных режимов в качестве «социальных институтов, состоящих из согласованных принципов, норм, правил, процедур и программ, которые регулируют взаимодействие акторов в рамках определенной проблематики» [212, с. 274], тем не менее, не смогла поставить точку в решении методологических проблем и разночтений в исследовательской терминологии, вследствие чего в научный оборот было введено понятие международного института как синонима термину «международный режим». Дж. Миршаймер определил международные институты как «набор правил, определяющих способы осуществления отношений сотрудничества и конкуренции между государствами» [214, с. 25]. В свою очередь, Р. Кохейн выделил в составе режимов неформальные институты, как «совокупность устойчивых и взаимосвязанных правил, предписывающих роли акторов и структурирующих их деятельность и ожидания» [208, с. 163]. Таким образом, подчеркивается, что существование последних не связано с международными организациями (а также наднациональными или межгосударственными органами регулирования интеграционных процессов), в связи с чем последние не могут входить в состав международных институтов.

Приложение Б

Позиция экономик стран – членов ЕАЭС в рейтинге Doing Business по показателю «Налогообложение», 2020 г.

Таблица Б.1

Индикатор	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Суммарная оценка (max = 100)	81,5	71,2	78,2	67,2	80,5
Платежи (количество в год)	15	7	10	26	9
Общая ставка налогов и взносов, % от прибыли	22,6	53,3	28,4	29,0	46,2
Индекс процедур после подачи отчетности и уплаты налогов (max = 100)	79,4	50,0	48,9	37,4	77,8
Место в рейтинге	52	99	64	117	58
Примечания 1 Составление и публикация рейтинга Doing Business официально прекращены Всемирным банком в 2021 г. 2 Составлено автором по: [149].					

Приложение В
Режимы монетарной политики в странах ЕАЭС

Таблица В.1

Страна	Режим монетарной политики	Целевой показатель инфляции	Ставка национального (центрального) банка
Армения	Инфляционное таргетирование	4,0% ($\pm 1,5\%$)	8,75%
Беларусь	Монетарное таргетирование	не более 6%	9,50%
Казахстан	Инфляционное таргетирование	5,0% ($\pm 1,5\%$)	14,75%
Кыргызстан	Инфляционное таргетирование	5,0–7,0%	13,00%
Россия	Инфляционное таргетирование	4,0%	16,00%
Примечание – Составлено автором по данным официальных сайтов центральных (национальных) банков государств – членов ЕАЭС (дата обращения: 21.02.2024).			

Приложение Г

О целях и результатах формирования ОГР, ОЭР и ОРНиНП ЕАЭС

К 01.01.2025 г. в рамках ЕАЭС запланировано создание ОГР, ОЭР и ОРНиНП. Ожидается, что расширение доступа к взаимной торговле оптовыми продавцами и покупателями электроэнергии и повышение прозрачности цен позволит национальным предприятиям промышленности покупать электроэнергию по более низким ценам, что отразится на себестоимости выпускаемой продукции и, как следствие, приведет к снижению цен для конечных потребителей. Ежегодный совокупный эффект от создания ОГР и ОРНиНП на пространстве ЕАЭС оценен В. Путиным более чем в 1 млрд и 8 млрд долл. США соответственно [110]. Особую важность обеспечения стабильности на рынках энергоресурсов для развития всех отраслей промышленности в условиях сильных колебаний мировых цен на минеральные товары отметил член Коллегии ЕЭК в области интеграции и макроэкономики С. Глазьев.

Концепция формирования ОЭР ЕАЭС, принятая решением ВЕЭС от 08.05.2015 г. [25], предусматривает возможность заключения следующих типов договоров купли-продажи электроэнергии между контрагентами из стран – партнеров по ЕАЭС: 1) свободные двусторонние контракты; 2) срочные контракты на сутки вперед, заключаемые в рамках централизованной электронной торговли в конкретный период и часы, с определением условий (цена, объем, график) поставок на основе биржевых механизмов. Ключевым этапом по созданию ОЭР ЕАЭС стало подписание 29.05.2019 г. президентами государств – членов ЕАЭС Протокола о внесении изменений в ДЕАЭС (вступил в силу 05.04.2022 г.) [3], регламентирующего юридические основы создания, функционирования и развития ОЭР в статусе международного договора. Данному событию предшествовала достигнутая в апреле 2019 г. министрами энергетики стран ЕАЭС договоренность об обязательном разделении компаний – участников трансграничной торговли по монопольному (генерация) и конкурентному (передача по сетям) направлениям работы [181]. 03.02.2023 г. ЕМПС утвердил правила доступа к услугам по трансграничной передаче электрической мощности в рамках ОЭР ЕАЭС. Следующий этап состоит в разработке остальных трех МПНА, более детально регулирующих правила работы на ОЭР в области внутренней торговли электроэнергией, определения и распространения пропускной способности общих линий электропередачи (в редакции соответствующих решений ЕМПС от октября 2023 г.) и информационного обмена. На IV этапе в 2024 г. будет определен статус унификации требований доступа к услугам национальных монопольных компаний и правил ценообразования и тарификации (ст. 82 ДЕАЭС, Прил. № 21 к ДЕАЭС) в разрезе

национальных законодательств. Привязку принятия Советом ЕЭК положительного решения о ликвидации страновых ограничений на участие национальных компаний по генерации и передаче электроэнергии в ОЭР к вступлению в силу международного договора о создании общего рынка газа в ЕАЭС инициировала белорусская сторона в целях обеспечения на ОЭР конкурентного преимущества от эффективного оборудования, а не от цены на газ.

Базовые принципы Концепции формирования ОРНиНП (утверждена решением ВЕЭС от 31.05.2016 г.) [28] включают: 1) недискриминационный доступ национальных энергетических компаний к нефтяной инфраструктуре государств ЕАЭС для осуществления торговли по двусторонним договорам; 2) обеспечение прозрачного рыночного тарифообразования по отношению к нефти и нефтепродуктам на основе биржевых и внебиржевых параметров; 3) использование единой методики ценообразования на транспортировочные услуги; 4) создание системы интегрированных электронных торгов в границах ЕАЭС. В рамках I этапа создания ОРНиНП утвержден порядок электронного обмена между уполномоченными органами информацией, необходимой для запуска общих рынков, и согласован механизм передачи технологических данных между операторами систем транспортировки нефти. В октябре 2021 г. в соответствии с Планом мероприятий по формированию ОРНиНП [30] главами государств ЕАЭС был инициирован II этап, предполагающий разработку проекта международного договора, определяющего полномочия органов контроля, порядка принятия единых правил в нефтяной сфере, регламенты распределения технических возможностей, режим единой информационной системы по учету на ОРНиНП, требования к транзиту и межгосударственной транспортировке нефти и нефтепродуктов и др. В октябре 2022 г. главы правительств стран ЕАЭС подписали акт о подготовке проекта соответствующего договора. В контексте наращивания Казахстаном нефтедобычи и увеличения объемов казахского экспорта нефти в европейские страны и Китай на фоне введения санкций ЕС против России государства проводят финальное согласование отдельных чувствительных вопросов (в частности, в отношении правовых основ взаимоотношений с третьими странами, определения технических возможностей транспортировки нефти с позиции удовлетворения внутренних потребностей, информационного обмена, а также условий соглашения на предоставление услуг по перевозке нефти). 11.12.2020 г. ВЕЭС утвердил «дорожную карту» по гармонизации правового поля в нефтяной сфере [35] в целях установления равных условий деятельности для участников общих рынков. Гармонизация законодательства должна осуществляться с учетом принятия ключевых МНПА, регулирующих ОРНиНП: международного договора, а также трех приложений к нему (включая правила доступа к системам транспортировки нефтересурсов), принятие и вступление в силу которых соответственно запланировано до конца 2024 г.

ДЕАЭС (ст. 83, Прил. № 22 к ДЕАЭС) устанавливает, что ОГР должен обеспечивать равный доступ субъектов экономики к газотранспортным системам государств – членов ЕАЭС в целях транспортировки газа на основе общей ценовой и тарифной политики. В рамках одобренной лидерами Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России Концепции формирования ОГР (утверждена ВЕЭС 31.05.2016 г.) [27] предполагается унифицировать правила торговли газом и гармонизировать национальные законодательства в газовой сфере, а также предлагается рассмотреть возможность применения национальных валют при взаимных расчетах за поставки газа и разрешить доступ к естественным монополиям. Согласно Программе, утвержденной ВЕЭС 06.12.2018 г. [29], запуск ОГР ЕАЭС предполагает реализацию следующих мероприятий до 01.01.2025 г.: 1) вступление в силу международного договора о формировании ОГР ЕАЭС; 2) гарантирование поставок газа между участниками ОГР в требуемых объемах и направлениях по рыночным ценам; 3) принятие решения о переходе к оптовым ценам на газ между странами ЕАЭС; 4) функционирование национальных товарных бирж для проведения торгов газом в рамках ОГР ЕАЭС.

В разрезе ОГР ЕАЭС между странами остается нерешенным ряд принципиальных спорных вопросов, что препятствует финализации проекта соответствующего международного договора. Одним из проблемных моментов выступает ценообразование на транспортировочные услуги: армянская, белорусская и киргизская стороны заинтересованы в установлении прозрачных и равных основ тарификации, в то время как добывающие газ Россия и Казахстан выступают за отдельное формирование тарифов для национального и общего газовых сегментов. ЕЭК предлагает компромиссное решение по определению тарифов на ОГР согласно национальным методикам, сформированным на базе принципов недискриминации и транспарентности. Следующая неурегулированная тема касается действующих двусторонних межправительственных соглашений по газу, которые препятствуют организации торговли на ОГР. Спорным остается вопрос транспортировки газа из третьих стран на недискриминационных условиях, инициированный Кыргызстаном, разьединенность северной и южной газотранспортной инфраструктуры которого диктует необходимость удовлетворения части потребности за счет внешнего импорта газа.

Согласно международным соглашениям, в ЕАЭС уже функционируют ЗСТ с Вьетнамом (с 2016 г.) [10] и Сербией (с 2021 г.) [12], а также временная (до октября 2025 г.) ЗСТ с Ираном (с 2019 г.) [18]. Со стороны ЕАЭС также заключены меморандумы о взаимопонимании с Грецией, Южной Кореей, Сингапуром, Камбоджей, Чили, Монголией, Перу, Кубой, Эквадором и другими государствами, а также с интеграционными объединениями, включая АСЕАН, МЕРКОСУР, Андское сообщество, СНГ и пр.

Взаимодействие между ЕАЭС и Китаем регламентируется Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве, вступившим в силу 25.10.2019 г. [11]. Деятельность Совместной комиссии по реализации Соглашения направлена на развитие сотрудничества в сфере таможенного и технического регулирования, конкуренции и финансов. Документом установлена инициатива сопряжения евразийской экономической интеграции и проекта «Один пояс, один путь», предполагающая совместное финансирование и строительство оптово-распределительной и логистической инфраструктуры на основных транспортных коридорах международного значения, затрагивающих территорию Евразии: «Западная Европа – Западный Китай», «Север – Юг», «Восток – Запад» и Северный морской путь, – которое приобретает особую актуальность в условиях проводимой ЕС и США санкционной политики.

Целевые параметры взаимодействия ЕАЭС с третьими государствами и торговыми блоками на 2024 г. определены с учетом мер и механизмов, установленных Стратегией-2025 (п. 11.2, 11.3, 11.5, 11.6). Завершающий этап проходят переговоры о создании ЗСТ с Египтом. Запущены торговые консультации с Индией и Израилем. Перспективы вступления в силу аналогичного соглашения с Сингапуром, подписанного 01.10.2019 г., зависят от достижения договоренностей между сторонами в части услуг и инвестиций. В текущем году первостепенное внимание планируется уделить идее развития Большого Евразийского партнерства, устанавливая связи с ШОС, АСЕАН и БРИКС, в том числе с целью осуществления совместной практической работы в области торговли, транспорта, логистики, проработки вопроса использования национальных валют в международных расчетах.